

К. Ю. Решетников, Г. С. Старостин

СТРУКТУРА КЕТСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ СЛОВОФОРМЫ

0.0. Введение.

0.1. Основная цель данной работы — построить по мере возможности формализованную модель глагольной словоформы кетского языка, которая, с одной стороны, описывала бы как можно больший объем (в идеале — 100%) имеющегося в наличии материала, с другой стороны, являлась бы относительно простой, оперировала бы не слишком большим количеством неудобоваримых терминов и понятий и, желательно, согласовывалась бы с типологическими данными.

Эта работа является непосредственным продуктом кетской экспедиции РГГУ летом 1993 г., членами которой, в частности, являлись авторы данной работы. В связи с этим авторы приносят благодарность А. Н. Барулину, И. Б. Иткину и Е. А. Хелимскому за ценные замечания по поводу многих вопросов, затрагиваемых в данной работе. Особую благодарность мы выносим также С. А. Старостину, без консультаций которого написание этой статьи вряд ли было бы возможным.

Мы также благодарим всех тех информантов, которые любезно согласились работать с нами, и особенно М. М. Ирикова, У. П. Котусову и В. А. Тыганову, помощь которых была для нас особенно существенной.

Необходимо также подчеркнуть, что участие одного из авторов в экспедиции было бы невозможным без финансирования Фонда поддержки демократических преобразований в России.

0.2. При написании данной работы мы руководствуемся прежде всего следующими материалами:

а) глагольными парадигмами, приведенными в книге Е. А. Крейновича "Глагол кетского языка", сокращенно — ГКЯ.

б) материалом, собранным во время кетской экспедиции РГГУ летом 1993 г.

Как тот, так и другой материал, несомненно, нуждаются в предварительной обработке, касающейся чисто фонетической, транс-

крипционной стороны дела. Прежде всего, до сих пор еще не установлен фонемный инвентарь кетского языка (так, до сих пор неясно, является ли звук *ä* отдельной фонемой или фонетическим вариантом). К этому добавляется проблема диалектной членимости кетского (материал в книге Е. А. Крейновича дается в основном на основе суломайского говора, в то время как экспедиционный материал в основном собирался в с. Келлог, говор которого довольно сильно отличается от суломайского в связи с сильными тенденциями к абсолютной редукции безударных слогов, сингармонизму, выпадению некоторых согласных звуков, в том числе интервокального *γ*, и т. д.). Поэтому в данной работе материал будет подаваться в более или менее нормализованном виде, т. е. в специально выработанной фонологической транскрипции, базирующейся, в основном, на фонетическом инвентаре суломайского говора. О некоторых фонетических особенностях обоих говоров и данной транскрипции см. ниже.

В работе также время от времени привлекаются, в основном в качестве вспомогательных, данные, приводимые А. П. Дульзоном в его исследовании "Кетский язык" (Дульзон 1968). Однако, поскольку качество записей А. П. Дульзона несомненно проигрывает по сравнению с записями Е. А. Крейновича, они играют лишь второстепенную роль в наших исследованиях.

0.3. В целом нужно отметить, что кетский глагол на сегодняшний день до сих пор не был описан с формальной точки зрения. В основных трудах по этой теме — фундаментальному описанию языка в монографии А. П. Дульзона "Кетский язык" (Дульзон 1968), многочисленных статьях Е. А. Крейновича (е. г., Крейнович 1964а, Крейнович 1964б, Крейнович 1965) и, наконец, в его основополагающем труде "Глагол кетского языка" (ГКЯ), в котором обобщено содержание предыдущих статей и приведено огромное количество нового материала, а также в работах других исследователей — приводится масса глагольных парадигм; однако вплоть до настоящего времени так и не было создано нормального структурного описания этих парадигм, которое позволило бы обобщить их в единую формальную модель.

Мы можем выделить две основные причины этого факта. Первая заключается в том, что кетский язык обладает достаточно сложной фонологической системой, в которой все еще остается много неясностей, особенно в области вокализма. До сих пор не только не рас-

крыты многие любопытные фонетические чередования, но даже не установлен окончательно фонемный состав кетского языка. Это, в свою очередь, неизбежно ведет к путанице в записях и очень часто — к неверной оценке материала.

Более подробно о фонетических проблемах мы расскажем ниже.

Вторая причина заключается в том, что, несмотря на стремление А. П. Дульзона и Е. А. Крейновича к систематизации имеющегося материала, основной характеристикой их работ является тенденция к увеличению количества грамматических характеристик и парадигматических классов глаголов, а не наоборот, что представлялось бы более естественным. В результате система кетского глагола предстает перед глазами лингвиста как своеобразный "языковой монстр", с разветвленной системой личных показателей и глагольных категорий, дистрибуция и функционирование которых так и не выяснены. Несмотря на следующее утверждение Е. А. Крейновича: "Нам важно было найти в том обилии фактов, которые предоставлял нам кетский язык, не хаос, а систему. Думается, что основные линии этой системы уловлены" (ГКЯ: 280), мы можем решительно заявить, что утверждение это на самом деле далеко от истины. Уже один факт выделения Е. А. Крейновичем тридцати шести подтипов одноосновных глаголов можно расценивать как аргумент в пользу чисто описательного характера ГКЯ и отсутствия хорошо разработанной системы. Даже при более или менее поверхностном анализе можно увидеть, что многие из этих классов либо находятся в дополнительном распределении, либо вообще представляют собой кусок одной и той же парадигмы, по не вполне ясным причинам разбитой на куски и помещенной в разные отделения.

Сказанное выше, но в гораздо большей мере, относится и к книге А. П. Дульзона. Несмотря на колоссальный объем затрагиваемого материала, он, как правило, в лучшем случае практически не структурирован (многие грамматические явления вообще не получили отражения в этом труде), а в худшем случае — структурирован неправильно, иногда с грубейшими нарушениями в употреблении лингвистических терминов (ср., например, следующий пассаж: "Глагол со значением 'вскочить' содержит в своей основе компоненты основы глагола 'идти' (боУатн) с включением аффикса 'б', выражающего пассивность действия" (!!!) (Дульзон 1968: 193). Точно так же в неясном значении употребляются А. П. Дульзоном такие термины, как 'мед-

иум', 'пассив действия', 'пассив состояния').

Таким образом, работы и А. П. Дульзона, и Е. А. Крейновича приходится признать чисто описательными. Это означает, что мы можем пользоваться материалом, приведенным в этих работах, однако доверять грамматической интуиции их авторов можно лишь с известной долей осторожности.

К сожалению, несмотря на довольно большое количество разного рода исследований, посвященных проблеме кетского глагола, опубликованных по большей части в разных выпусках сборников "Языки и топонимия" и "Структура самодийских и енисейских языков" и принадлежащих таким ученым, как Г. К. Вернер, Р. С. Гайер, Г. Т. Поленова, В. Г. Шабаев (Вернер 1974, Вернер 1990, Гайер 1980, Поленова 1981, Поленова 1987, Шабаев 1985, Шабаев 1987 и др.), за редкими исключениями практически не имеется работ, хоть в каком-то конкретном отношении проливающих свет на данную проблему. В этих работах в основном исследуются мелкие, частные проблемы, решения которых иногда страдают интуитивностью, нелогичностью или даже просто игнорируют некоторые языковые факты. До настоящего времени не было опубликовано практически ни одной "целостной" работы, целью которой было бы раскрыть кетский глагол как систему, состоящую из взаимосвязанных и взаимозависимых элементов. Те или иные гипотезы, высказываемые относительно природы отдельных явлений, остаются абсолютно недоказуемы, если не показать, часть какой системы они образуют и как взаимодействуют с другими.

Из наиболее интересных трудов по кетскому глаголу следует отметить работу Б. А. Успенского (Успенский 1968), в которой автор подходит к проблеме описания кетских глагольных форм с формальной точки зрения и, в частности, предлагает несколько моделей возможных структур словоформы. Однако недостаток места и, возможно, материала не позволили автору до конца раскрыть все особенности кетских глагольных характеристик, не говоря уже о кетской глагольной морфонологии.

Некоторые интересные наблюдения содержатся в работах Р. С. Гайера и В. Г. Шабаева (Гайер 1980, Шабаев 1985), в первой из которых описывается распределение между претеритными показателями -l- и -n-, а во второй приводятся довольно точные замечания относительно показателей так называемого ряда ба/бу. Однако все эти работы описывают лишь частные, конкретные, единичные проблемы кет-

ского языка, не сводя их в систему.

Любопытные идеи содержатся в работе Э. И. Белимова "Принципы функционально-ролевого анализа предложений в енисейских языках" (Белимов 1986); работа интересна тем более, что в ней предложен принципиально новый подход к анализу кетского глагола, весьма схожий с подходом, предлагаемым в данной статье. При этом, однако, в работе Э. И. Белимова содержится довольно много огрехов и явно неверных идей. К работе Э. И. Белимова методологически примыкает труд М. Н. Валл и И. А. Канакина (Валл, Канакин 1988), также опирающийся на идеи референциально-ролевой грамматики. Обстоятельная критика концепции Э. И. Белимова была приведена в работах Г. К. Вернера (Вернер 1990: 214-223, Вернер 1994); мы ограничимся лишь несколькими замечаниями в разделе 2.1.

Совсем недавно — в июне 1995 г. — С. С. Буториным была защищена кандидатская диссертация на тему "Описание морфологической структуры финитной глагольной словоформы кетского языка с использованием методики порядкового членения". К сожалению, поскольку работа над данной статьей была начата авторами еще в середине 1993 г. и в общем была закончена к концу 1994 г., мы не успели ознакомиться с основным текстом диссертации. Судя, однако, по автореферату диссертации С. С. Буторина, любезно предоставленному в наше распоряжение Е. А. Хелимским (Буторин 1995), идеи, содержащиеся в данной диссертации, хотя и выражены в несколько другой форме, но в общих чертах совпадают с основными идеями авторов данной работы. Это тем более приятно, что более или менее детальное совпадение двух независимо возникших концепций подтверждает их достоверность.

0.4. Еще одна проблема, о которой уже упоминалось выше, — явно неважное качество записи материала, что часто приводит к разного рода неверным гипотезам и в конечном итоге к искажению системы. В этом отношении любопытно оценить работы А. П. Дульзона и Е. А. Крейновича.

Запись А. П. Дульзона более всего поражает своей бессистемностью. Как известно, А. П. Дульзон работал практически со всеми существовавшими в его время кетскими диалектами. С одной стороны, это является бесспорным преимуществом его работы перед работами прочих исследователей, как правило, занимавшихся отдельными го-

ворами. С другой стороны, на наш взгляд, работа с многими диалектами одновременно подразумевает необходимость их сравнения между собой как в грамматическом, так и в фонетическом отношениях. Между тем, что касается фонетических особенностей кетских диалектов, все они сводятся А. П. Дульзоном к одной странице примеров, иллюстрирующих основные консонантные разногласия между имбатским и сымским (например, соотв. имб. q = сым. x, имб. l = сым. r).

Следствием такого подхода является полная неразбериха при сравнении форм имбатских говоров, которые довольно часто весьма существенно отличаются друг от друга, особенно по вокалическому составу. Ср., например, приводимые А. П. Дульзоном формы глагола "кричать":

Ворогово: де:ш'и, де:ʔш'и, де:с'и.

Сургутиха: де:сий.

Бакланиха: де:си, дееси.

Курейка: деес'и, деяс'и 'я-кричу' (Дульзон 1968: 298).

Как видно, формы варьируют даже не только между говорами, но и внутри одного говора. Установить какие-либо четкие фонетические правила при такой записи не представляется возможным.

В некоторых случаях А. П. Дульзон допускает довольно грубые ошибки при анализе тех или иных звуков кетского языка (некоторые из них упомянуты ниже, экскурс 2).

Качество записи у Е. А. Крейновича, несомненно, лучше. В отличие от А. П. Дульзона, он работал в основном с одним диалектом — суломайским, что и обусловило наличие некоторой системности в транскрипции. Так, консонантный состав кетского языка у Е. А. Крейновича определен почти безупречно.

Основной проблемой является описание системы кетских аллофонов и описание различных фонетических процессов, вызывающих иногда значительные изменения в структуре словоформы. Приведем пример.

Так, парадигма глагола 'обидеться' в записи Е. А. Крейновича выглядит следующим образом (ГКЯ: 123):

кэ́т-ба-авван	'я-обижусь'	кэ́т-ба-оввон	'я-обиделся'
кэ́т-ку-авван	'ты-обидишься'	кэ́т-ку-оввон	'ты-обиделся'
кэ́т-а-авван	'он-обидится'	кэ́т-а-оввон	'он-обиделся'
кэ́т-к-авван	'она-обидится'	кэ́т-к-оввон	'она-обиделась'

Поскольку здесь вычленяются 1-ая основа кэт и 2-ая основа авван, легко предположить, что элемент между ними является личным показателем (в данном случае группы Б, по Е. А. Крейновичу). Исходя из этого, в личные показатели записывается элемент -к-, которому соответственно придается значение показателя женского класса в третьем лице. Однако в кетском языке, несомненно, нет такого показателя, т. к. во всех остальных случаях мы имеем либо -и- (напр., и-үй-с-сәл 'она-переночует'), либо 0 (напр., ка-с-0-q-ус 'ее-возьмет' в противоположность ка-с-а-в-ус 'его возьмет'). Тем не менее, показатель -к- явно "прижился" в своем новом значении, о чем свидетельствует и статья Г. Т. Поленовой "Вопросы генезиса некоторых формантов кетского глагола" (Поленова 1987), где показатель -к-прямо назван "реликтом классного строя". Однако в экспедиции при опрашивании информантов нами было установлено, что форма кэт-баавван на самом деле произносится кэт-ба-ү-авван со слабым ү-призвуком в интервокальной позиции (о выпадении ү см. экскурс 1). Следовательно, формант -к- на самом деле является не личным показателем, а детерминативом (по терминологии Е. А. Крейновича); в третьем лице женского класса же мы имеем совершенно законный нуль, образовавшийся вследствие выпадения интервокального і в безударном слоге (см. экскурс 1).

Эти и подобные ошибки в написании довольно часто приводят к подобным результатам. Одной из целей экспедиции было, таким образом, проверить записи, сделанные прежде всего Е. А. Крейновичем, и в случае необходимости нормализовать их в соответствии с новыми требованиями. По ходу дела выяснилось, что данные Е. А. Крейновича довольно хорошо перекодируются на новую систему записи; о некоторых более или менее существенных изменениях будет сказано в экскурсе 2.

Таким образом, хотя и поныне кетская фонологическая система еще пребывает в состоянии разработки, наших знаний уже, в общем, хватает на то, чтобы перейти к описанию кетского глагола с правом судить о тех или иных морфонологических особенностях корней и формантов. Нужно, впрочем, сказать, что большинство чередований довольно просто описываются с помощью чистой фонетики, и вся кетская морфонология как таковая состоит из двух-трех морфемных чередований, но не более; так, по-видимому, распределение между личными показателями ряда ди-/ду- и д-/д- (по терминологии Е. А.

Крейновича) все же является чисто фонетическим и не имеет прямого отношения к морфемному окружению.

Поскольку мы будем в дальнейшем пользоваться исключительно фонологической транскрипцией, представляется необходимым в начале дать небольшой очерк основных фонетических особенностей келлогского говора, а также трактовки некоторых особенностей записи Е. А. Крейновича (т. е. суломайского говора). Это делается прежде всего для того, чтобы не возникало никаких осложнений при анализе фонологической записи и сравнении ее с реальными записями (экспедиционными или в ГКЯ). Если считать правила и положения, приводимые в данном описании, элементами фонетического уровня данной модели, то при применении их к соответствующей фонологической записи должна будет выдаваться реальная фонетическая реализация той или иной формы.

0.5. Здесь представляется необходимым сказать несколько слов относительно результатов кетской экспедиции РГГУ летом 1993 г. В результате опрашивания довольно значительного числа информантов нам удалось собрать большое число глагольных парадигм, некоторые из которых довольно существенно повлияли на характер данной работы. Однако по ходу дела нам приходилось сталкиваться с довольно существенными затруднениями, которые, вероятно, могли бы оказаться фатальными, если бы не "Глагол кетского языка" Е. А. Крейновича, который, во-первых, часто давал недостающую информацию, во-вторых, иногда даже помогал самим информантам вспомнить те или иные конструкции, практически ими не употребляющиеся и потому забытые.

Наиболее интересующие нас парадигмы, несомненно, принадлежат глаголам, которые Е. А. Крейнович характеризует как "глаголы с основой в конце слова", т. е. одноосновные. Этот тип, по-видимому, наиболее архаичен и лучше всех остальных отражает актантные отношения. Однако, как было установлено, в живом кетском языке этот тип уже постепенно начинает отмирать. В настоящее время в живом кетском языке существуют два главных продуктивных типа глаголов: глаголы, оканчивающиеся на -bät (корень 'делать'), и на -q̄ibit/ q̄imna (некоторая вспомогательная основа, исходно имеющая каузативное значение; в настоящее время она, однако, способна образовывать формально каузативные формы, не противопоставленные формально

не каузативным). К этим двум типам относятся, во-первых, все глаголы, когда-либо заимствованные из русского, во-вторых, огромное количество исконно кетских глаголов, некогда одноосновных. Кроме того, есть еще несколько более мелких типов производных глаголов, но все они двуосновные. Следовательно, одноосновные глаголы встречались нам сравнительно редко, а если и встречались, то, как правило, были уже отмечены в ГКЯ и приносили довольно мало пользы.

Еще одно затруднение касается порождения информантами новых глагольных словоформ. Довольно часто мы сталкивались с такой ситуацией, когда информант не может сконструировать даже относительно простую форму, в отличие от самих членов экспедиции, которые успешно моделировали ее по всем правилам. Это заставляет нас задуматься относительно способности кетов к моделированию вообще. Как это ни парадоксально, но иногда создавалось такое впечатление, что информант выдает лишь те формы, которые он когда-либо произносил вслух или слышал при общении, но не те, которые он, хотя и не произносил и не слышал, но мог бы относительно легко смоделировать. Из этого логически вытекает тот факт, что у нынешних кетов отсутствует, так сказать, осознание чисто грамматической стороны языка, конструкции словоформы, значения тех или иных формантов. Как правило, если информант пытается собственными силами объяснить различие между двумя формами, различающимися хотя бы одним или двумя грамматическими элементами, он безнадежно запутывается. Приведем два примера.

Пытаясь получить от информанта словоформу 'я-его-одену', мы получили два различных результата: один — канонический (т. е. приводимый в ГКЯ): d-a-j-ś и один нестандартный: du-j-ä-ś (различие в том, что в первом слове показатель 3-его л. объекта присоединяется непосредственно к показателю субъекта, а во втором — посредством интерфикса -j-; реально похоже на то, что обе эти формы находятся в отношении свободного варьирования). Пытаясь объяснить разницу, информант заметил, что первый случай значит скорее 'я его обую' (sic!), а второй — 'я его одену'. Однако уже на следующий день, когда мы снова взяли за эти формы, результат был прямо противоположный: 'обую' стало значить du-j-ä-ś, а d-a-j-ś стало снова означать 'одену'.

При "проверке на детерминативы" было обнаружено две словоформы, отличающиеся лишь превербом: x-a-t-täs и t-a-t-täs 'встану'.

Объясняя разницу, информант выдал нам два значения: 'встану с пола, с земли' и 'встану с кровати'. Однако, как и в предыдущем случае, значения эти безнадежно путались друг с другом.

Все эти примеры показывают нам, что при выяснении реальных грамматических отношений в кетском глаголе мы должны полагаться прежде всего на собственные наблюдения и в меньшей степени опираться на интуитивное чутье информантов, в некоторых случаях ведущее к искажению материала и выводов из него. Это тем более печально, что подобный метод (относительное доверие к "грамматическому сознанию" информанта) довольно часто используется и помогает в полевой работе.

В свете этого мы вновь возвращаемся к основному труду Е. А. Крейновича (и частично А. П. Дульзона). Несмотря на все недостатки, отмеченные выше, "Глагол кетского языка", тем не менее, до сих пор остается совершенно незаменимым по количеству собранного материала. Количество парадигм, приводимых в нем, вполне достаточно для построения более или менее удовлетворительной точной модели кетского глагола. Это и обуславливает двойственное отношение к "Глаголу кетского языка": с одной стороны, Е. А. Крейновичем была, несомненно, проделана колоссальная работа по сбору материала, значительная часть которого, вероятно, уже никогда больше не будет засвидетельствована от информантов; с другой стороны — попытки систематизировать этот материал так и не привели к формализации кетского глагола и пониманию его "внутренней сути".

Таким образом, мы оказываемся в том достаточно тяжелом положении, когда описываемый язык уже перестал осознавать себя как живая система, а на предыдущих этапах своего развития не был зафиксирован как живая система. Это значит, что многие из глагольных данных, используемых нами, в принципе не могут быть проверены, т. е. об очень большом количестве зафиксированных форм мы не можем утверждать со стопроцентной вероятностью, что они на самом деле являются словоформами кетского языка. Причины этого ясны: форма, записанная Е. А. Крейновичем, может оказаться полностью или частично ошибочной; форма, выдаваемая информантом, может быть подсознательно контаминированной с какой-либо другой (такие случаи часто встречались при опрашивании, и мы не уверены, что выявили все такие "испорченные" формы); наконец, формы, зафиксированные какими-либо предыдущими исследователями, могут не

быть воспроизведенными информантом, что сразу же понижает вероятность их корректности. (Вот, в частности, один пример подсознательного контаминирования: информант Ю. М. Сутлин выдал нам форму k-a-b-do 'ты долбишь' вместо требуемого k-d-a-b-do, переосмыслив форму первого лица d-a-b-do < *d-d-a-b-do 'я-долблю', на самом деле представляющую собой сочетание корня do с превербом d-, как сочетание показателя первого лица d- с корнем, и по аналогии стал "спрягать" глагол: d-a-b-do, k-a-b-do, etc. Ср. другой пример подобного переразложения в разделе 3.3.3).

Поэтому в данной работе мы стараемся по большей части приводить формы, засвидетельствованные одновременно в нескольких источниках. Как правило, форма должна быть, во-первых, записана Е. А. Крейновичем, во-вторых, подтверждена информантом; в идеале — она также должна встречаться у А. П. Дульзона. В исключительных случаях привлекается также сымский материал, собранный Г. К. Вернером (мы пользовались в основном работой Вернер 1980).

К сожалению, однако, этот принцип далеко не всегда срабатывает. Так, большое количество очень интересных парадигм, записанных Е. А. Крейновичем, не было выдано информантами; частично — потому, что их не спрашивали об этих формах (все спросить, естественно, было невозможно), но частично — потому, что они их просто утратили. При этом, однако, на вопрос "существует ли форма X?" они, как правило, отвечали "не знаю" или "не слышал" вместо прямого отрицательного ответа. Это, конечно, ничего не доказывает, но, тем не менее, было решено, что в некотором количестве и эти формы можно привлекать к делу, поскольку в большинстве подобных случаев не доверять Е. А. Крейновичу у нас оснований мало, а вместе с тем многие из этих форм представляют большой интерес в рамках предлагаемой теории.

0.6. Резюмируя вышесказанное, мы можем утверждать, что данная работа призвана решить хотя бы частично изложенные выше проблемы, а именно: установить более или менее точный инвентарь глагольных категорий кетского языка, функции отдельных показателей и формантов, попытаться смоделировать синтез глагольной словоформы и в общем формализовать глагольную систему кетского языка, опираясь на новые открытия в области кетской фонологии, морфологии и морфологии. Несомненно, вслед за данным изложением

последуют некоторые дополнения и модификации; но в целом и в общем можно сказать, что теория, излагаемая авторами данной работы, во-первых, работает на подавляющем большинстве имеющегося материала, во-вторых, не представляет собой явления настолько уникального, что ее вообще можно было бы отбросить как не удовлетворяющую лингвистической типологии, и, в-третьих, является единственной теорией, вообще созданной на материале кетского языка, поскольку других попыток обобщения материала, насколько известно авторам, просто не существует. Таким образом, мы a priori осмеливаемся считать, что данную теорию (во всяком случае, ее основные положения) можно принять в качестве некоторой базы, которую может опровергнуть лишь появление какого-либо принципиально нового материала.

Поскольку работа не представляет собой большой монографии, большинство постулируемых в ней идей будут изложены кратко, на относительно небольшом количестве примеров. Подавляющее большинство приводимых примеров можно найти в ГКЯ.

Экскурс 1

Некоторые фонетические особенности келлогского говора

Здесь мы намерены вкратце описать несколько фонетических явлений кетского языка, наблюдающихся, в частности, в говоре села Келлог, правильная интерпретация которых, несомненно, должна не только отражаться в фонологической транскрипции, но и влиять на поверхностную морфологическую структуру словоформы.

Необходимо отметить, что данный экскурс вовсе не претендует на статус фонологического очерка, вследствие чего мы не приводим здесь ни фонемного инвентаря кетского языка в нашем понимании, ни некоторых базовых фонетических чередований (например, t/d, k/χ, q/ʋ, etc.), описание которых можно найти у многих авторов (см., напр., ГКЯ: 43-45). Несколько слов будет сказано также в экскурсе 2 (транскрипция). Здесь мы намерены отразить лишь некоторые явления, любопытные тем, что практически не описывались ни одним из авторов, так или иначе занимавшихся кетской фонетикой, а в некоторых случаях трактовались сутобо неверно, т. е. либо игнорировались,

либо явно ошибочно принимались за морфологические¹.

А. Вокализм.

1) Прежде всего необходимо отметить сильнейшую тенденцию к редукции безударных гласных. Отчетливее всего она проявляется в многосложных словах, в частности, двусловных глаголах; так, форма глагола 'работать' (претерит ед. ч.), в фонологической транскрипции записываемая нами как *lobedolbed*, на самом деле звучит как *ʎowəɾəʎwət* (с легко выраженным о-признаком в третьем слоге). Более или менее ясно выраженный тембр гласного можно выявить лишь при отчетливом медленном произношении информанта, хотя и далеко не во всех случаях, в результате чего при фонологизации записи довольно часто бывают трудности.

Редукция в безударных слогах, однако, не так проста, как описано выше: на самом деле то, что мы выше обозначали просто как э, способно принимать довольно разнообразные окраски, в зависимости как от этимологического качества гласного, так и от окружения; так, в соседстве с заднеязычными э изменяется по подъему и по произношению становится явно ближе к обычному *i*, хотя и редуцированному. Безударное *i* редуцируется довольно слабо и, как правило, опознается относительно легко. Напротив, гласные *e* и *a* в данной позиции практически нейтрализуются и различаются лишь при медленном и четком произношении. Полное выявление, описание и дистрибуция кетских редуцированных еще впереди; пока можно сказать лишь, что вопрос этот, несомненно, связан также с позицией акцента и, возможно, с тональным рисунком словоформы.

2) Еще одна особенность кетского вокализма — довольно ярко выраженное стремление к сингармонизму. Так, форма *dáúŋu* ('я-на-него-смотрю', в фонологической транскрипции *dakado*) противопоставляется соответствующей форме претерита *daóldo* 'я-на-

¹ Нужно заметить, что и для Е. А. Крейновича, и для А. П. Дульзона более или менее в равной мере характерен некоторый "гиперморфологический" подход к анализируемым парадигмам, т. е. довольно большое количество фонетических особенностей (либо общезыковых, либо специфических для некоторого данного говора) трактовались исключительно как морфологические, в результате чего непомерно умножалось количество постулируемых для кетского языка формантов, категорий и т. д. Некоторые примеры такого ошибочного подхода обсуждаются ниже.

него-смотрел'; несмотря на частичную редукцию конечного гласного, различие по тембру все же довольно отчетливо. Объяснить его можно исключительно через ассимиляцию конечного гласного корня гласному *u* предшествующего слога, получившегося в результате дифтонгизации, обусловленной выпадением интервокального *y* (см. ниже). Явные случаи сингармонизма мы встречаем даже в записях Е. А. Крейновича (в суломайском говоре), напр. *ду-ри-вит* 'он-меня-сделает', но *ду-ү-ä-вät* 'он-его-сделает', где гласный корня *bed* 'делать' уподобляется гласному предыдущего слога в зависимости от личного показателя. В результате мы имеем фонетически обусловленные чередования гласного корня, выловить которые, в общем, не составляет особого труда.

3) В келлогском вокализме также существует еще некоторое количество более частных особенностей, перечислять все из которых было бы затруднительно и, в общем, необязательно (в качестве примера приведем образование новой фонемы *ü*, возникающей в соседстве с сочетанием *ly*, развивающимся в *l*, ср. *dillüt* из *dilyut*, фонологическая запись *dilkutn*). Остановимся лишь на одном явлении, о котором частично уже упоминалось выше и которое могло бы быть принято за чисто морфологическое, что, однако же, неверно:

4) Гласный *i* не под ударением в положении между двумя согласными выпадает. Это доказывается прежде всего на примере поведения в таких условиях показателя женского класса группы Б; единственно потому, что на самом деле он чаще других показателей встречается в подобном контексте. На этом основании можно было бы ограничиться формулированием чисто морфологического закона о распределении алломорфов показателя *i*, но, поскольку бывают и другие случаи, где *i* не является этим показателем, мы формулируем закон фонетический. Выпадения *i*, однако, не происходит в том случае, если в результате получаются многоконсонантные кластеры (напр., *ešikbiovus* 'она-вскочила').

Здесь же мы можем окончательно опровергнуть утверждение Е. А. Крейновича о способности детерминативов выполнять словоизменительную функцию. Один из его (весьма немногих) аргументов — следующая парадигма (ГКЯ: 32):

- (1) бог-ба-т-и-с-тут 'отапливает-меня'
- (2) бок-ку-т-и-с-тут 'отапливает-тебя'

- (3) бог-о-т-и-с-тут 'отапливает-его'
 (4) бог-т-и-с-тут 'отапливает-ее'
 (5) бок-к-и-с-тут 'отапливает-это'

На основании этой парадигмы Е. А. Крейнович устанавливает, что формант -т- якобы осуществляет функции показателя женского класса, а формант -к- — показателя класса вещей. При этом, если мы вспомним случай с формой кэт-к-авван 'она-обидится', получится, что один и тот же формант принимает функции то женского класса, то класса вещей. На самом деле этот случай объясняется довольно просто: в случае (4) мы имеем регулярное выпадение показателя -i-, в то время как в случае (5) мы имеем опять-таки регулярный нуль показателя класса вещей плюс ассимиляция преверба -т- предыдущему -к- основы².

Данное явление — выпадение -i- в интерконсонантной позиции — имеет огромное значение для описания кетской морфологической системы в целом. Оно, в частности, позволяет понять некоторые особенности маркирования спряжений, варианты показателя первого лица ед. ч. в объективе и довольно много других специфических явлений.

5) Вопрос о статусе звука ä еще остается открытым. Несмотря на то, что, по-видимому, его все же не следует рассматривать в качестве отдельной фонемы, до сих пор еще неясна его точная дистрибуция. В общем можно сказать следующее: в келлогском говоре звук ä практически всегда выступает как вариант фонемы а в закрытом слове (ср. дакij 'я-его-убил', но дәтрij 'я-его-спрошу'). Однако ä может встречаться и в других окружениях; так, довольно часто появляется оно после заднеязычных (к, һ, ү); ср. kăbə 'я-это-разрежу', һäśə 'я-его-режу'.

Б. Просодические средства.

Нужно заметить, что вопрос о кетской просодике — один из са-

² Не совсем понятен показатель -о- в случае (3); ожидалось бы -а- (см. ниже); не исключено, что при первом ударном слове -а- просто редуцировалось и нейтрализовалось (тем более непонятно, почему Е. А. Крейнович пошел против собственной системы показателей и написал -о- вместо -а-; впрочем, факт этот единичен, и серьезно рассматривать его не приходится).

мых туманных в области фонетики. Более или менее хорошо описано движение тона в односложных именных основах, где, как мы знаем, Г. К. Вернер выделяет четыре основных тона; но при анализе глагольных словоформ мы сталкиваемся с тонированием многосложных основ, где, несомненно, присутствуют тональные характеристики, но уловить их без соответствующей аппаратуры или, по крайней мере, без долгих часов прослушивания не представляется возможным. Для примера можно взять, скажем, китайскую беглую речь, где практически невозможно без знаний а priori четко определить тональную структуру, в то время как в однословах все различается довольно хорошо. При произнесении достаточно длинной звуковой цепочки различия между тонами часто смазываются и нейтрализуются; если же учесть также кетскую редукцию, то выстроить четкую структуру практически невозможно. Достаточно хорошо (и то не всегда) слышится второй тон (по Вернеру — восходящий), но лишь вследствие того обстоятельства, что он всегда сопровождается гортанной смычкой, являющейся сегментным, а не супraseгментным средством. Иногда можно отметить долготу гласного под ударением (Ш тон по Вернеру). Однако этого, несомненно, недостаточно для построения полной картины.

Это тем печальнее, что, по-видимому, просодическая система играет далеко не последнюю роль в фонетическом облике кетской глагольной словоформы. Вполне вероятно, что некоторое количество необъяснимых или плохообъяснимых до сих пор явлений легко нашли бы себе объяснение в тональной системе кетского языка.

Пока что мы можем лишь отмечать в словоформах место основного акцента (в тех случаях, где оно легко определимо) и (крайне редко) те тональные особенности, которые удастся определить благодаря наличию гортанной смычки или долготы гласного.

В. Консонантизм.

Здесь прежде всего нужно отметить, что кетские согласные в общем произносятся довольно ослабленно, без напряжения. Это, в частности, приводит к их нейтрализации, особенно в ауслауте, частой ассимиляции друг другу и даже полному исчезновению. Так, конечные носовые *n* и *ŋ* на слух практически неразличимы, причем они не только нейтрализуются, но и ослабляются до такой степени, что иногда просто не слышны. Это тем более удивительно, что *-n* и *-ŋ*,

являясь показателями мн. ч. у имени, имеют довольно строгое лексическое распределение, практически никогда не нарушающееся информантами.

Противопоставление палатальных и непалатальных согласных, везде четко обозначенное у Е. А. Крейновича, А. П. Дульзона и т. д., по-видимому, все же не является фонологическим; в некоторых случаях тот или иной вариант выбирается в зависимости от окружения, а в некоторых наблюдается просто варьирование. Поэтому в транскрипции мы не будем отражать палатальность согласных.

Важное фонетическое явление в области консонантизма, свойственное только келлогскому говору — выпадение интервокального γ (являющегося в этой позиции вариантом -к-). Выпадение происходит во всех случаях без исключений, однако является неполным: при отчетливом произнесении можно различить некоторые следы звонкого придыхания, которые фонетически можно охарактеризовать как *breathy voice*. В результате выпадения γ , как правило, мы имеем дифтонгизацию вокалического окружения, ср.: $d\acute{i}u\acute{g}u < d\acute{i}u\acute{g}\acute{o}$. Особенно подробно останавливаться на особенностях подобной дифтонгизации мы не будем; можно лишь заметить, что выпадение γ есть единственный источник возникновения дифтонгов с -и в качестве второго элемента. Иногда происходит выпадение γ в сочетании $l\gamma$ (см. выше).

Последний вопрос, который хотелось бы рассмотреть в этом разделе — вопрос о чередовании согласных j и \acute{s} .

Для примера рассмотрим прежде всего следующую парадигму (в записи Е. А. Крейновича, ГКЯ: 240):

(1)	$\acute{d}\text{-}\acute{e}\text{-}j\text{-}\acute{v}\acute{a}\text{-}\gamma\text{-}u\text{-}j$	'он-меня-зовет'
(2)	$\acute{d}\text{-}\acute{e}\text{-}j\text{-}\acute{y}u\text{-}\gamma\text{-}u\text{-}j$	'он-тебя-зовет'
(3)	$\acute{d}\text{-}\acute{e}\text{-}\acute{s}\text{-}\acute{a}\text{-}\gamma\text{-}u\text{-}j$	'он-его-зовет'
(4)	$\acute{d}\text{-}\acute{e}\text{-}\acute{s}\text{-}k\text{-}u\text{-}j$	'он-ее-зовет'

Разбиение этих словоформ на морфемы (по традиционной системе) таково: \acute{d} — 3-е л. субъекта, \acute{e} — первая основа, j и \acute{s} — загадочные по своей природе элементы (интерфиксы?), $\acute{v}\acute{a}/\acute{y}u/\acute{a}/k$ (!) — показатели объекта, γ — детерминатив, $u\text{-}j$ — либо прерывная морфема (в ней действительно происходит разрыв при вставлении показателя претерита), либо интерфикс + вторая основа j .

Здесь мы, однако, не будем подробно разбираться во всей струк-

туре, а лишь обратимся к "интерфиксам" j и ć. В данном случае можно заметить, что оба эти варианта находятся в распределении: ć — перед гласным, j — перед согласным. Возражения может вызвать форма đǣskuǰ, где ć находится перед согласным k, но здесь происходит регулярное выпадение женского показателя -и- в позиции SiT в безударном положении (см. выше, в разделе о вокализме). В качестве контраргумента можно привести форму из соседней парадигмы: э́сикбокус 'она-вскочит', где не происходит выпадения -и- из-за недопустимого сочетания согласных. Следовательно, j и ć вовсе не представляют собой интерфиксов, а являются частью первого корня эǰ/э́с. В ГКЯ этот корень (эǰ) отделен от псевдокорня э в тех случаях, когда внутри парадигмы нет чередования j/ć, напр.:

(5)	đ-эǰ-вǎ-ү-а-в-раǰ	'я-брошусь'
(6)	ќ-эǰ-үү-ү-а-в-раǰ	'ты-бросишься'
(7)	đ-эǰ-ву-ү-а-в-раǰ	'он-бросится'

В этой парадигме нет чередования j/ć, т. к. личный показатель группы Б в 3-ем лице, в отличие от предыдущей, начинается с согласного (ву); следовательно, здесь ожидается регулярный j.

Из всего вышесказанного не следует, однако, что j и ć представляют собой лишь варианты одной и той же фонемы. Существуют позиции, где они находятся в контрастной дистрибуции (например, на конце словоформы). Имеются также случаи, когда -j- предшествует гласному (например, в парадигмах а-спряжения с кореферентным объективом, см. 2.4). Мы можем, следовательно, постулировать особую морфему [j/ć], отличную как от простого j, так и от простого s.

Эккурс 2.

Система транскрипции.

Для облегчения восприятия мы будем пользоваться, как было упомянуто выше, фонологической системой транскрипции, что, во-первых, существенно облегчает задачу интерпретации приводимых примеров, во-вторых, делает наше описание пригодным для всех без исключения диалектов и говоров кетского языка (включая, по-видимому, также язык сымских кетов, поскольку количество грам-

матических отличий от имбатских кетов в нем абсолютно ничтожно). Тем не менее, поскольку в большинстве литературы по кетскому языку словоформы приводятся в фонетической транскрипции того говора, которому они принадлежат, и, следовательно, могут возникнуть некоторые затруднения с отождествлением тех или иных фонем, следует сделать некоторые предварительные замечания.

Транскрипция содержит следующие знаки:

Гласные:

i	ĩ	u
e	ə	o
(ä)	a	

Знак [ä] ставится, как правило, в тех немногочисленных случаях, когда неясно, какое он имеет происхождение (из а или е?).

Знак [ə] обозначает не редуцированные гласные (они на фонологическом уровне проявляются), а особую фонему.

В тех случаях, когда засвидетельствован явный долгий звук, над любым из этих гласных может появиться значок долготы. Другие просодические характеристики (тоны) не отмечаются (за исключением гортанной смычки).

Согласные:

	b		m
t	d	s	n
k	g		ŋ
q			
ʔ		h	

Палатальность специально не обозначается, поскольку ни у одного согласного не существует фонологического противопоставления 'палатальный — непалатальный'. Потенциальным исключением является s; но минимальной пары на s/ś до сих пор не обнаружено.

Что касается локальных явлений:

p и w считаются аллофонами b (p после глухого согласного, w в интервокальной позиции и после сонантов l, j);

г считается аллофоном d (в интервокальной позиции). Варианты -wt- и -bd- считаются находящимися в отношении свободного варьирования;

ү считается а) в большинстве случаев — интервокальным аллофоном k; б) в некоторых случаях на фонологическом уровне ү вообще исчезает, разделяя зияющие гласные (ср. du-ү-ä-tos < du-a-tos);

к считается интервокальным аллофоном q.

Несколько дополнительных замечаний, касающихся установления соответствий между нашей транскрипцией и транскрипцией Е. А. Крейновича, принятой им в ГКЯ:

1) ä ("лягушка") Е. А. Крейновича в нашей транскрипции могут соответствовать а, е, реже о; а ставится там, где "лягушка" в некоторых контекстах проясняется в -а- (напр., маркер спряжения -а-); -е- — в тех контекстах, где прояснения не происходит (е. g., морф. bed 'делать'); -о- — в одной определенной группе случаев, когда в записях Е. А. Крейновича маркер а-спряжения (см. ниже) и в презенсе, и в претерите записывается как -ä- (ср. ба-т-ä-п-тät 'ко-мне-пристает', ба-т-ä-в-и-ä-тät 'ко-мне-пристал', в нашей транскрипции ba-t-a-b-tad и ba-t-o-b-i-l-tad). Несмотря на то, что грамматически в претерите представлен алломорф -о-, он модифицируется под влиянием акцента; в суломайском говоре, по-видимому, происходит что-то типа упреждения, в то время как в келлогском в подобных случаях часто бывает представлено очень закрытое ä.

2) В некоторых случаях -о- после задних согласных записывается Е. А. Крейновичем как -у- (ср. х-у-л-тäs 'я-встал', в нашей транскрипции h-o-l-tes). Обычно это происходит в формах претерита, перед сонантами l и n.

Специальных пояснений к транскрипции, используемой А. П. Дульзоном, мы здесь не станем делать, поскольку, во-первых, в его записях перемешаны практически все кетские диалекты, довольно сильно отличающиеся друг от друга в фонетическом отношении, во-вторых, сама запись, как было указано выше, очень неточна и во многих случаях просто не позволяет провести фонологический анализ слова (так, А. П. Дульзон смешивает аллофоны ү и к фонем [k] и [q], записывая их одним знаком Y; что же касается основных аллофонов этих фонем — k и q, записываемых им соответственно как k и k, то они смешиваются практически везде, создавая впечатление варьирования, что на самом деле абсолютно неверно).

1.0. Краткое описание традиционной системы.

1.1. Традиционной системой (ТС) мы здесь и далее будем называть то описание кетского глагола, которое было дано Е. А. Крейновичем в ГКЯ и нескольких сопутствующих статьях и было практически безоговорочно принято во всех дальнейших исследованиях, посвященных тем или иным частным структурным вопросам.

Некоторые исследователи больше склоняются к описанию А. П. Дульзона, е. г. Р. С. Гайер (Гайер 1984), однако абсолютное большинство работ, вышедших после 1968 г., базируются на описании, предложенном Е. А. Крейновичем.

В данном разделе мы намерены дать довольно сжатое описание ТС, показать ее основные черты и недостатки. Мы считаем, что в данной работе не может не найтись места для такого раздела, т. к. новая система, предлагаемая для кетского глагола, должна прежде всего быть противопоставлена старой, чтобы можно было понять, что в ней является действительно новым, а что взято из традиционного подхода, чем она выгодно отличается от ТС в общем смысле и в конкретных деталях и т. д.

Разумеется, подробно останавливаться на всех деталях описания, предложенного Е. А. Крейновичем, мы здесь не в состоянии, впрочем, это и не является целью данной работы. Более подробное описание ТС можно найти в довольно многочисленных работах Е. А. Крейновича, частично перечисленных выше, в разделе 1.1. В данном разделе мы коснемся лишь тех явлений, которые собственно и заставили нас критически пересмотреть систему Е. А. Крейновича. Таких аспектов в этой системе насчитывается четыре: а) система личных показателей, б) система показателей времени, в) так называемые "детерминативы" и г) так называемые "интерфиксы".

1.2. Прежде всего следует привести таблицу личных показателей, устанавливаемых Е. А. Крейновичем при анализе парадигм (ГКЯ: 23).

Так называемая "группа Д"

		префиксы		инфиксы	
		д/д	ди/ду	р/а	р/0
Ед.	1-е л.	д-	ди-	-р-	-р-
	2-е л.	к-	ку-	-гу-/у-	-ку-/у-
	3-е л. м.	д-	ду-	-а-/о-	-0-
	3-е л. ж.	да-/дä-	дъ-	-и-	-0-
	3-е л. в.	да-/дä-	б-и-	-в-/м-	-в-
Мн.	1-е л.	д-	ди-	-дäŋ-	-дäŋ-
	2-е л.	к-	ку-	-кäŋ-	-кäŋ-
	3-е л.	д-	ду-	-аŋ-	-аŋ-

Так называемая "группа Б"

		ба/бу	бо/бу	ба/а	бо/о
Ед.	1-е л.	ба	бо	ба	бо
	2-е л.	ку	ку	ку	ку
	3-е л. м.	бу	бу	а	о
	3-е л. ж.	дä бу	дä бу	и	у
	3-е л. в.	0-	0-	и	у
Мн.	1-е л.	дäŋ	дäŋ	дäŋ	дäŋ
	2-е л.	кäŋ	кäŋ	кäŋ	кäŋ
	3-е л.	бу	бу	аŋ	оŋ

В плане выражения эта таблица не вызывает существенных возражений; ее следовало бы модифицировать лишь в отношении показателя класса вещей в ряде *ди/ду*, женского показателя в ряде *р/а*, вещного показателя в рядах *ба/а* и *бо/о*, а также, возможно, нуля в ряде *р/0* (обо всех этих модификациях см. ниже).

Существенные возражения вызывает, однако, интерпретация данных восьми рядов в плане содержания. Е. А. Крейнович утверждает, что в качестве субъекта действия могут выступать ряды *д/д*, *ди/ду*, *р/а*, *р/0*, *ба/бу*, *бо/бу*, *ба/а*, *бо/о*, т. е. практически все ряды показателей, а в качестве объекта действия — ряды *р/а*, *р/0*, *ба/а* и *бо/о*. При этом никаких следов распределения внутри этих рядов найти не представляется возможным.

Е. А. Крейнович предполагает, что исторически показатели групп-

пы Б предшествовали показателям группы Д, основываясь на том факте, что в некоторых глаголах, субъект которых якобы выражен личным показателем группы Б, слева от него может присоединяться также личный показатель группы Д; например, д-ба-т-а-б-дақ 'я-вытащу-это', где к субъектному показателю -ба- присоединяется также д-. На основании этого автор делает вывод, что показатели группы Б изначально имели посессивный характер, т. е. указывали на принадлежность действия лицу; однако "в современном языке последние осознаются только как показатели субъекта и объекта действия" (ГКЯ: 24).

Последнее утверждение вряд ли можно считать истинным. Прежде всего, следует указать на тот факт, что формы типа д-ба-т-а-б-дақ не являются спорадическими, т. е. показатель д- является не факультативным, а обязательным компонентом данной словоформы. Заблуждение происходит оттого, что начальные сочетания типа дб, возникшие, по-видимому, из ди-б под влиянием ударения, в зависимости от окружения либо теряют д, либо оттягивают его к предыдущему слову, ср. все тот же пример: дуітә р батабдақ 'перемет я-вытащу', где р (вариант д) отходит к предыдущему фонетическому слову. Интересный материал предоставляют нам также сымские парадигмы, записанные Г. К. Вернером (Вернер 1980), где нет ни одной парадигмы, в которой показатели группы ба/бу не сопровождалась бы начальным д- или к-, в зависимости от лица субъекта, напр.: д-буабук 'он качается'. Наконец, окончательное подтверждение мы находим в формах третьего лица женского класса, где нередуцирующийся показатель дә присутствует всегда: дә-бу-т-ок 'она-вздрыгнет', дә-бу-тб-ит 'она-это-несет' и т. д.

Следовательно, логически продолжая линию Е. А. Крейновича, мы вынуждены считать, что в некоторых глагольных парадигмах требуется два раза выразить субъект: один раз с помощью показателей группы Д и еще раз — с помощью показателей группы Б. Такую ситуацию, конечно, нельзя полностью исключать, но все же подобное плеонастическое явление довольно необычно. Логичнее было бы все же предположить, что эти показатели выполняют разные функции.

Точно так же непонятно распределение между группой Б и группой Д при выражении объектных отношений. Сравним следующие две словоформы: д-ба-ү-ә-ро 'он-на-меня-смотрит' и ду-р-и-с 'он-меня-одевает'. Субъект в обоих случаях выражен показателем

группы *Д*, а объект — в первом случае показателем группы *Б*, а во втором — группы *Д* (см. таблицу). Если мы приписываем и тому, и другому показателю функцию выражения объекта, то каково же распределение?

Наконец, если мы возьмем все ту же форму *д-ба-ү-ä-рö* и сопоставим ее с формой *ба-ү-и-с-сäl* 'я-переночую' (и в том, и в другом случае показатель один и тот же — из ряда *ба/а*), то как мы объясним тот факт, что один и тот же показатель *ба* может выступать и в качестве объекта, и в качестве субъекта действия? (Забегая вперед, скажем, что вариант наличия в данном случае эргативной конструкции по разным причинам неприемлем.)

Исходя из всего этого, мы можем сделать довольно очевидный вывод: кетские глагольные отношения не могут быть описаны при помощи двухактантной системы. Кроме субъектных и объектных отношений, в кетском языке, несомненно, имеется как минимум еще один тип, о котором см. ниже.

1.3. Что касается категории времени в кетском глаголе, то здесь Е. А. Крейнович выделяет следующие показатели (ГКЯ: 14):

Для презенса: 0, -с-, -а-;

Для претерита: -л-, -ä-, -н-, -ñ-, -о-, -ол-, -оä-, -он-, -оñ-.

Сразу оговорим, что показатели претерита, различающиеся здесь по палатальности сонанта, мы в дальнейшем различать не будем и записываться они будут просто как /л/ и /п/ (см. экскурс 1, раздел "Консонантизм", о проблеме палатальных согласных).

В плане выражения в эту таблицу, несомненно, мы должны будем внести некоторые существенные изменения. В основном о них будет рассказано в разделе данной работы, специально посвященном проблеме времени; здесь можно лишь предварительно отметить следующие моменты:

а. Показатель -с-, по мнению Е. А. Крейновича, являющийся аффиксом презенса и происходящий из основы глагола *си-* 'стать, родиться', с самого начала казался нам довольно подозрительным. Самым существенным аргументом в пользу его временного характера является исчезновение его в претерите (ср. *ба-ү-и-с-сäl* 'переночую', но *ба-ү-и-н-сäl* 'переночевал'). Однако даже такой факт ничего не доказывает; известно, что и показатель класса вещей -в- исчезает в императиве, но ведь из этого не следует считать, что -в- на самом деле

маркирует изъявительное наклонение. С другой стороны, если считать -с- показателем времени, совершенно невозможно установить условия его появления: статистически он встречается довольно редко, во всяком случае намного реже, чем обычный нулевой показатель презенса, и уж во всяком случае не является продуктивным показателем. Опять же мы получаем довольно плеонастическую картину: если считать, что именно нулевой показатель регулярно маркирует настоящее время, то в случае прибавления -с- мы, по абсолютно неясным причинам, имеем одновременно два показателя презенса: 0 и -с-. Из всего этого мы делаем предварительный вывод, что -с- не является временным показателем.

б. По-видимому, следует признать правоту Е. А. Крейновича, когда он говорит о том, что показатели -l- и -n- первоначально выражали не временные, а видовые отношения; на это указывают, с одной стороны, образование императива, с другой — структура кетского сложноподчиненного предложения с частицей qan, где форма претерита выступает в роли предбудущего (*futurum exactum*). Подробнее см. в ГКЯ и ниже, в разделе, посвященном наклонению. Однако теорию Е. А. Крейновича о дальнейшем развитии видо-временных отношений в кетском языке следует признать явно несостоятельной.

Е. А. Крейнович выделяет следующие 4 этапа:

1) "Исходная" или "первобытная" система заключается в наличии у кетов противопоставления несовершенного вида (немаркированного) и совершенного вида (маркированного соответственно через -l- или -n-).

2) 2-й этап — формирование временного показателя -s-.

3) 3-й этап — формирование в противовес чисто видовым показателям -l- и -n- чисто временных показателей -a- и -o-.

4) 4-й этап — утрата показателями -l- и -n- видовых значений и сращивание их в претерите с исконно временным показателем -o-.

Теория эта довольно хорошо объясняет такие временные показатели, как -ol- и -on-, объясняя их через сочетание изначально временного и изначально видового форманта. Однако она не объясняет гораздо более интересного случая: наличие довольно четкого лексического распределения между парадигмами, образующими презенс с помощью форманта -a-, и парадигмами с немаркированным презенсом. Если -a- и -o- вторичны и к тому же несут значение времени, обязательно выражающееся во всех без исключения глаголах, они

должны были бы присутствовать во всех глагольных парадигмах кетского языка; однако это не так. Более того, мы практически не встречаемся с глаголами, которые бы образовывали свой презенс обоими способами: сказав ди-роq 'я-лечу', мы уже не можем сказать *д-а-роq. Такое распределение может свидетельствовать лишь об изначальности противопоставления нуля и -а- в презенсе и показателей -l-/-п- и соответственно -ol-/-оп- в претерите.

О некоторых других вопросах, связанных с временем, но, в общем, оставленных без внимания Е. А. Крейновичем, см. в соответствующем разделе.

1.4. Еще один элемент, занимающий важное место в системе Е. А. Крейновича, — так называемые детерминативы. Они представляют собой в основном одноконсонантные элементы, занимающие строго определенные позиции относительно корня и грамматических элементов, но значение их до сих пор не установлено. Е. А. Крейнович утверждал, что детерминативы могут нести как словообразовательную, так и словоизменительную функцию, в частности, выполнять функции показателя женского и вещного классов. В настоящее время мы можем смело утверждать, что детерминативы словоизменительной функцией не обладают; что касается выполнения ими вышеуказанных функций, то опровержение этой гипотезы было приведено выше, в фонетическом разделе.

Все попытки как-либо выявить четкую семантическую функцию детерминативов до сих пор были явно неудачны. Один и тот же детерминатив часто имеет с первого взгляда совершенно разные значения, или наоборот: два различных детерминатива как бы несут одну и ту же функцию. Например, Е. А. Крейнович видит в детерминативе к-, в противовес детерминативу t-, значение "составления предмета из частей" (к-а-в-ван 'приставляю-это'), а в детерминативе t- — "присоединение к большему предмету меньшего" (т-а-в-ван 'надставляю-это') (ГКЯ: 30-31). В то же самое время Г. Т. Поленова склонна видеть в форманте к- 'распространенность действия за пределы его носителя' или, в других случаях, 'направленность действия на объект в широком плане' (!) (Поленова 1987). Все это отчетливо показывает, что всяческие попытки на синхронном уровне описать функцию того или

иногo детерминатива практически невозможно³.

С другой стороны, ничуть не проще анализировать кетские детерминативы с исторической точки зрения. Это неизбежно приводит к разного рода запутанным спекуляциям, как, например, потенциальное происхождение детерминатива k- из указательного местоимения kífä 'это', q- из qaŋä 'то', d- из личных показателей 3-его л., а x- — из наречия xa 'прямо'. Все эти гипотезы, безусловно, имеют право на существование, однако являются абсолютно бездоказательными по своей сути. Доказать их можно лишь при определении значения тех или иных детерминативов на синхронном уровне; в результате получается порочный круг, выход из которого найти довольно затруднительно.

В данной работе нам, безусловно, еще не раз придется сталкиваться с детерминативами, но при этом мы будем стараться избегать рассуждений на тему их семантических функций (за исключением k и t в функции дативных детерминативов, см. ниже).

Здесь было бы также полезно привести список детерминативов в том виде, в каком его приводит Е. А. Крейнович, и внести некоторые исправления.

По Е. А. Крейновичу, существуют следующие детерминативы: k, t, q, d, n, x, b, s. Наиболее частотными из них являются первые два. Намного реже встречается d, еще реже — q (5-6 случаев), и еще реже — n и x (2-3 случая). Элемент s к детерминативам причислен, по-видимому, по недоразумению. Что касается элемента b, то он также вряд ли способен принимать на себя функции детерминатива. Е. А. Крейнович правильно подмечает его структурное сходство с показателем -в- класса вещей, но тем не менее считает их на синхронном уровне разными морфемами, указывая на то, что якобы в некоторых случаях этот элемент, ранее действительно являвшийся личным показателем, теперь омертвел и стал детерминативом, неся

³ Потенциальным исключением является детерминатив q-; судя по тем немногим примерам, которыми мы располагаем, он может обозначать нечто типа перехода из одного состояния в другое. Ср. q-a-b-quit 'кончится-это' (о дыме или тумане), q-a-b-daŋ 'прекратится' (о дожде или снеге; возможно, буквально 'выбросится и станет по-другому', ср. корень daŋ 'кидать'); q-ab-it 'непогода сменяется ясной погодой' и некоторые другие. Тем более странно выглядит этимология этого детерминатива в ГКЯ, см. ниже.

ту же функцию, что и прочие. Ниже мы постараемся показать ошибочность данной гипотезы.

1.5. Последний вопрос ТС, который мы здесь считали бы нужным затронуть, — вопрос о так называемых интерфиксах. К ним в ГКЯ традиционно относятся из гласных -i-, -u-, -a-, -i-, из согласных — -j-, -y-, -k-.

Что касается гласных, то, исходя из анализа материала, мы вынуждены признать наличие "интерфиксальной" функции только у гласного -i-. Гласный -u- на самом деле является вариантом -o- или -i-, гласный -a- принадлежит корню, гласный -i- во всех "интерфиксальных" позициях не обладает фонологической самостоятельностью, являясь аллофоном -i- (в основном после увулярных q, k). Даже сам гласный -i- в большом количестве случаев оказывается не интерфиксом, а вполне значимой морфемой⁴.

Согласный -j- в большинстве случаев также оказывается значимой морфемой. Согласный -k-, являющийся аллофоном фонемы q, встречается крайне редко и поэтому практически не принимается нами во внимание. Согласный -y-, являющийся аллофоном фонемы k, также, как правило, на самом деле является детерминативом. Тем не менее, имеются несомненные случаи, когда -y- носит разграничительный характер, разделяя зияющие гласные, ср. du-y-ä-tān 'я-его-опояшу'.

Таким образом, число и статистическая встречаемость "интерфиксов" сводится до минимума. Мы, тем не менее, не можем утверждать об их полном отсутствии в глаголе, поскольку многие случаи явственно указывают на необходимость разграничения морфем (чаще всего это происходит на стыке нескольких согласных).

Вопрос о количестве и статусе "интерфиксов" в кетском глаголе, несмотря на его кажущуюся второстепенность, на самом деле весьма существенен, поскольку, как можно будет увидеть в дальнейшем, во многих случаях в "интерфиксы" Е. А. Крейновичем записывались практически любые морфемы, значение которых в том или ином контексте было затруднительно определить (если только они не записывались в "детерминативы"). Вследствие этого формальное определение "детерминатива" и "интерфикса" в ГКЯ отсутствует, по-

⁴ Относительно некоторых особых соображений по поводу "интерфикса" -i- см. 2.2, 4.3, 4.4.

сколько при таком подходе невозможно не только понять семантику тех или иных показателей, но и определить их позиционный статус в словоформе.

В данной работе мы постараемся, насколько возможно, сузить количество "детерминативов" и "интерфиксов" и втиснуть их в более или менее жесткие рамки формального описания.

1.6. Таковы основные понятия и положения ТС. О некоторых других ее компонентах, как-то: классификации глагольных основ, способах действия, наклонениях и т. д. мы здесь умолчим, поскольку большинство этих вопросов являются скорее периферийными и имеют лишь второстепенное значение; к тому же претензий к их описаниям у нас возникает значительно меньше, чем к описаниям вышеизложенных четырех систем. Традиционный подход к ним будет очень коротко рассмотрен (если и будет вообще) в соответствующих разделах, тем более что для правильной их интерпретации нам потребуются те понятия, которые будут введены ниже, в собственно "конструктивной" части работы.

Резюмируя этот раздел, мы можем вкратце еще раз охарактеризовать систему, данную в ГКЯ. Книга эта, несомненно, имеет большое значение для авторов данной статьи, поскольку предоставляет в их распоряжение огромный материал, который, с одной стороны, более или менее удобочитаем, с другой, на поверхностном уровне довольно хорошо расклассифицирован. Таким образом, представляется вполне возможным при дальнейшей обработке данных принять ГКЯ за основу (в том смысле, что можно доверять приводимым там парадигмам).

С другой стороны, приходится признать, что грамматическая система, представленная в ГКЯ, абсолютно неадекватна материалу, приведенному в ней, и, следовательно, не может восприниматься как фундамент, на основе которого будут воздвигаться новые, более сложные построения. Кетская глагольная грамматика, несомненно, должна быть пересмотрена начиная с самих основ. Именно этой цели и будут посвящены все дальнейшие разделы данной работы.

2.0. Три типа актантных отношений внутри кетской глагольной словоформы.

2.1. Выше уже было отмечено, что систему кетских личных показателей невозможно описать при помощи двухактантной модели. Это сразу же приводит нас к проблеме установления дистрибуции между показателями, равно как и не объясняет некоторых побочных явлений, которые будут рассмотрены ниже.

Исходя из этого, мы считаем, что для кетского глагола необходимо постулировать не двух-, а трехактантную систему; таким образом не только снимается проблема дистрибуции показателей (поскольку им приписывается различная семантическая функция, вопрос об их распределении автоматически исчезает), но и объясняется факт наличия в некоторых парадигмах трех личных показателей вместо двух (все эти случаи будут приводиться ниже).

Каждый из этих трех актантов характеризуется прежде всего двумя основными чертами: во-первых, занимает строго определенное положение в словоформе, во-вторых, имеет одну и только одну поверхностно-семантическую функцию.

Для доказательства наличия в глаголе трех актантов — не более и не менее — особенно важно первое свойство. Тот факт, что в словоформе возможно наличие именно трех мест для присоединения актантных показателей, опровергает, в частности, теорию Э. И. Белимова (Белимов 1986), выделяющего в кетском языке до пяти семантических ролей. Если бы эта теория была действительно верна, мы бы ожидали большего количества мест.

Для описания данной трехактантной системы мы намерены условно принять терминологию, используемую в работе Ч. Филлмора "Case for case" (Филлмор 1981). Делается это отчасти потому, что система глубинных падежей, активно развивавшаяся Филлмором, и те конкретные глубинные падежи, которые он выделял, довольно хорошо подходят для теории, описываемой в данной работе. Поскольку реальное (поверхностное) падежное согласование в кетском — явление вторичное и факультативное, как будет показано ниже, практически все реальные актантные отношения выражаются в кетском в рамках глагольной словоформы, не выходя за ее пределы. Мы, таким образом, можем говорить о некоторой "инкорпорации" основных падежных отношений в глагол, а следовательно — о глубинных па-

дежах.

Необходимо учесть, что система Ч. Филлмора берется нами условно, прежде всего потому, что мы в основном заняты описанием поверхностной семантики кетского языка, в то время как система глубинных падежей рассчитана прежде всего на глубинную семантику. Следующие основные причины побудили нас использовать концепцию Филлмора:

а) Мы выделяем в кетском глаголе три основных семантических актанта, приписывая каждому из них определенную семантическую функцию, что обязывает нас оперировать в терминах какой-либо семантической модели.

б) Из всех известных перечней семантических функций перечень, предложенный Филлмором, нас удовлетворяет более всего, поскольку он не является достаточно детализированным. Воспользовавшись более глубоко разработанными системами, например, системой семантических ролей Ю. Д. Апресяна (Апресян 1974) или шкалой активности партиципантов Р. Ван Валина и У. Фоли (Ван Валин, Фоли 1982), мы проявили бы меньшую экономность и, возможно, чрезмерно бы усложнили предлагаемую нами систему. Как нам представляется, система Ч. Филлмора в большей степени применима к поверхностносемантическому описанию кетских актантов.

в) Наконец, предложенная Филлмором система падежных рамок, по нашему мнению, идеально подходит для эксплицитного представления кетского глагольного материала и формализации записи парадигм.

2.2. Первый актант (или глубинный падеж?), всегда стоящий в глаголе на первом месте, — агентив (сокращенно А). По Филлмору, агентив есть "падеж обычно одушевленного инициатора действия, идентифицируемого с глаголом" (Филлмор 1981: 405). В данном случае мы не намерены модифицировать это определение.

Агентиву в нашем понимании точно соответствуют выделяемые Е. А. Крейновичем ряды личных показателей *ди/ду* и *д/д*. Приведем их здесь еще раз, с соответствующими небольшими модификациями:

1-е л.: *di-*, *d-*

2-е л.: *ku-*, *k-*

3-е л. м. к.: *du-*, *d-*

3-е л. ж. к.: *də-*

3-е л. в. к.: də-

Как видно, существенных изменений по сравнению с таблицей Е. А. Крейновича здесь нет, за исключением одного: в 3-ем л. ед. ч. показатель б-и- заменен на də-.

Относительно семантической функции данных показателей не может быть вопросов: они, несомненно, означают то лицо, по воле которого и с участием которого происходит действие, т. е. агенса. Позиция их в словоформе строго начальная; перед показателями агента никогда ничего не располагается, даже в двусловных глаголах. Исключение составляют лишь предикативные формы прилагательных (типа qa-di 'я-большой', qa-ku 'ты-большой', qa-du 'он-большой' и т. д.), которые, однако, не имеют прямого отношения к глагольной парадигме и поэтому в настоящей работе особо рассматриваться не будут.

В качестве примера приведем парадигму одноактантного глагола loŋ 'трястись':

di-loŋ	'я-трясусь'	d-i-l-loŋ	'я-трясся'
ku-loŋ	'ты-трясешься'	k-i-l-loŋ	'ты-трясся'
du-loŋ	'он-трясется'	d-i-l-loŋ	'он-трясся'
də-loŋ	'она-трясется'	də-i-l-loŋ	'она-тряслась'
di-loŋ-in	'мы-трясемся'	d-i-l-loŋ-in	'мы-тряслись'
ku-loŋ-in	'вы-трясетесь'	k-i-l-loŋ-in	'вы-тряслись'
du-loŋ-in	'они-трясутся'	d-i-l-loŋ-in	'они-тряслись'

Как видно из данной парадигмы, показатели агента не различаются по числу (это различие оформляется специальным показателем (i)n в конце словоформы).

Хуже обстоит дело с показателем класса вещей в качестве агента. Поскольку подобная ситуация встречается довольно редко, то в парадигмах, приводимых Е. А. Крейновичем, такие словоформы практически отсутствуют. При опрашивании информантов же удалось добиться лишь словосочетания 'самолет летит', где глагол 'летит' выглядит как də-doŋ, т. е. личный показатель класса вещей совпадает с показателем женского класса. Контраргумент относительно возможного отнесения кетамии самолета к женскому классу перекрывается следующими возражениями: 1) в таблице Е. А. Крейновича, в клетке, где пересекаются показатель вещного класса и ряд d/d, мы находим то

же самое *də*, которое вряд ли попало туда по случайности, хотя примеров на этот случай в самом ГКЯ нет; 2) возможная аналогия с дательным показателем класса вещей (см. ниже); 3) наконец, в "Медвежьем празднике" Е. А. Крейновича мы находим следующую фразу: *kə́rʲiɪ́n̩ ana baŋ bʲɪ́ d̩ə kə́jvʲuʲs*, буквально переводимую как "человеческий ноготь даже землю не возьмет", где *iɪ́n̩* 'ноготь', существительное класса вещей, согласуется с глаголом при помощи все того же показателя *də* (Крейнович 1969).

Существуют также некоторые словоформы, которые Е. А. Крейнович в ГКЯ выделяет в особую группу под названием "непереходные глаголы со значением процессов, происходящих не по воле человека". Такое обозначение малоудачно именно в силу структуры данных словоформ, ср. приводимый пример: *qam ket də-kas-o-n-am* 'стрела попала в человека' (букв. 'взяла-его'; ГКЯ: 261), где агентивный показатель *də* маркирует класс вещей. Такие примеры, по-видимому, следует не выделять в особый класс, а вводить в состав стандартной глагольной парадигмы. Следует отметить, однако, что количество парадигм, приемлющих данную словоформу, ограничено (т. е. не от каждого глагола можно образовать форму с субъектом класса вещей)⁵.

Следовательно, показатель *də* включается в систему в качестве агентивного показателя при субъекте, относящемся к классу вещей. В историческом плане это можно объяснить как позднее, вторичное оформление субъекта уже имеющимся показателем женского класса; однако с синхронной точки зрения мы обязаны описывать это именно таким образом. В стандартной ситуации субъект не может быть выражен показателем класса вещей (что свидетельствует о явном противопоставлении типа "активность" — "инактивность"). Относительно

⁵ В некоторых случаях мы встречаем показатель *də* при субъекте, относящемся к мужскому классу (*sic!*), напр. *kular də-tokaj-aqajit* 'горноста́й-побе́леет'. Это дает основание Е. А. Крейновичу утверждать, что префикс *də-* в данном случае уже утратил свое первоначальное значение и означает исключительно "независимость" процесса от пациенса. Однако ничто не говорит нам, что слово *kular* в данном контексте мы должны рассматривать как субъекта действия. Если *kular* будет рассматриваться как объект (грамматически выражаемый внутри разрывной второй основы, ср. *kular də-tokaj-aqajit, no bes* ('заяц' — ж. к.) *də-tokaj-a-qajit*), то *də* будет обозначать неопределенный субъект вещного класса, являющийся агенсом действия. Таким образом, для *də* не придется постулировать никаких переносов значения.

случаев, когда объект вещного класса выступает в качестве претерпевающего действие (т. е., собственно говоря, в качестве субъекта непременного глагола), см. ниже, 2.5.

Традиционно принято считать ряд *di/du* префиксальным, т. е. относящимся к словоформе. Конечно, это оправдано некоторыми фактами чисто фонетического характера (например, акцентированием гласных *di/du*-показателей в презенсе, а также слиянием этих гласных с гласными показателей, несомненно входящих в префиксальную цепочку глагольного слова). Однако именно в области фонетики находят и другие аргументы, как бы заставляющие нас считать агентивные показатели не относящимися к словоформе.

Анализируя, например, показатели *d* и *də* в формах типа *d-h-a-dtes* 'я-встану', *d-h-a-b-daq* 'я-выстрелю', *də-h-a-j-a-tes* 'она-встанет', *də-h-a-b-daq* 'она-выстрелит' как префиксы, т. е. как части слова, мы должны будем признать, что в этих формах нарушаются правила кетской фонотактики. Хорошо известно, что фонема [h] не встречается в постконсонантной позиции, а в интервокальной стандартно имеет нулевой аллофон (ср. *hɪp* 'скат' и *bo-k-b-ɪp* < *bo-k-b-ihɪp* 'я-скачусь'). Нигде, кроме как в этих случаях, мы не найдем исключений из этого правила. Далее, нам известно, что фонема [q] имеет в интервокальной позиции аллофон -к-. Однако в тех формах, где она следует за гласным агентивного показателя женского класса *də*, мы видим аллофон *q* (обычно встречающийся в анлауте и в постконсонантной позиции), ср. *də-qa-i-k-s-ij* 'она-скажет'. Наконец, немаловажно то обстоятельство, что при трактовке агентивного ряда как относящегося к словоформе в формах типа *d-h-a-b-daq*, *d-k-i-btiŋ* 'я-это-скачу' и т. д. мы получим анлаут *СС-*, не встречающийся в других случаях.

Можно было бы считать такие формы фонотактическими исключениями; однако это было бы решением *ad hoc* и слишком натянуто. Совершенно ясно, что как [h], так и [q] детерминируют границу слова слева от себя, а также то, что вряд ли можно всерьез говорить об анлаутных *th-* < *dh-*, *ts-* < *ds-*, *tk-* < *dk-* и т. д. в языке, даже беглый анализ которого убеждает в строгом запрете на более чем одноконсонантный анлаут.

Известно также, что показатели ряда *d/d* в некоторых контекстах способны фонетически "отходить" от глагольной словоформы к предыдущему слову. Ср. пример Е. А. Крейновича: *duptä -r* (<-d) *batabdaq* 'перемет я вытащу' (ГКЯ: 23). Это доказывает, что агентивные показа-

тели не образуют с глагольной словоформой фонетического единства.

Подобные аргументы как бы вынуждают нас считать ряд *di/du* клитическим. Но, как известно, одним из двух основных признаков клитик является то, что клитика, не являясь фонетическим словом, считается словом грамматическим. Возникает вопрос: возможно ли, таким образом, "официально" отделить показатели *di/du* от словоформы в качестве особого грамматического слова?

Ответ на это, по нашему мнению, однозначен: это абсолютно исключено.

Во-первых, позиционно агентивные показатели образуют тесное единство с глагольной словоформой, т. е. между ними не может быть вставлено слово; этот момент является крайне существенным. Несмотря на потенциальный "отход" показателей ряда *d/d* к предыдущему слову, эта закономерность все равно носит универсальный характер.

Во-вторых, если считать их клитиками, встает вопрос об их синтаксической и частеречной характеристике. В самом деле, практически любое грамматическое слово принадлежит к какой-либо части речи и имеет какую-то синтаксическую функцию (за исключением нетривиально трактуемых частиц, к которым, однако, кетские агентивные показатели явным образом не относятся).

Возьмем пример элементарного кетского предложения, скажем, *ad di-doq* 'я-лечу'. Здесь подлежащее представлено личным местоимением *ad*, сказуемое — глаголом *doq* 'лететь'. Что же касается морфемы *di*, то она оказывается как бы "выключенной" из предложения, поскольку лишь плеонастически, "сама себе" еще раз маркирует лицо субъекта. Остается непонятным ни ее назначение, ни синтаксическая роль. Следовательно, морфема *di* составляет грамматическое единство с глагольной словоформой, маркируя в ней лицо субъекта (агентива).

Для более ясного представления картины мы должны также ввести понятие фонологического слова. В отличие от слова фонетического, слово фонологическое не содержит в себе сочетаний, запрещенных фонемными правилами данного языка. Слово же фонетическое может содержать такие сочетания, поскольку на стыках клитики и энклиномена возможно появление подобных сочетаний.

В свете этого мы можем сказать, что:

а) агентивные показатели образуют вместе с глагольной слово-

формой грамматическое слово;

б) агентивные показатели и глагольная словоформа не образуют фонологического слова;

в) агентивные показатели и глагольная словоформа либо образуют, либо не образуют фонетического слова, в зависимости от контекста.

Таким образом, мы не в состоянии с полной уверенностью назвать агентивные показатели ни клитиками, ни префиксами. По-видимому, традиционная лингвистическая теория к этим случаям неприменима. Поэтому мы условно назовем агентивные показатели полуклитиками, указывая тем самым на их "двойственность".

В дальнейшем они, тем не менее, будут рассматриваться наравне с прочими элементами глагольной словоформы.

Только учитывая "полуклитичный" характер агентивных показателей, можно приступить к рассмотрению некоторых проблем, связанных с ними, и прежде всего — к распределению между рядами di/du и d/d .

В большинстве простых беспревербных глаголов рассматриваемые показатели имеют гласные в презенсе, но теряют их в претерите ($du/loq\eta$ — $d-i-l-loq\eta$). Следующее за ними в формах претерита i Е. А. Крейнович считает интерфиксом; при этом, по-видимому, этот интерфикс, по мнению автора ГКЯ, способен устранять кластер, т. е. позволяет избегать форм типа $*d-l-loq\eta$. Заметим, что при такой трактовке чередованиям di/d , ku/k и du/d должен приписываться статус первичных, морфологических.

Зная о полуклитическом статусе агентивных показателей, мы могли бы считать это $-i-$ протезой, устраняющей анлаут $nC-$, $lC-$. Но такой "протетической" гипотезе противоречат, например, претеритные формы глаголов с корнями, имеющими вокалическое начало: ср. $k-i-l-aq$ "ты сходил" (можно было бы ожидать $*k-l-aq$). Поэтому в нашей модели это $-i-$, наряду с $-a-$, считается исходным и имеет статус тематического гласного, маркирующего спряжение (см. 4.3).

Это доказывает, что усеченный вариант агентивного показателя не является причиной наличия $-i-$, а, наоборот, может быть признан его следствием. Это тем более вероятно, поскольку мы знаем, что перед маркером а-спряжения даже в презенсе показатели $di/ku/du$ редуцируются в $d/k/d$, ср. $d-a-d-tan$ 'я-остановлюсь' < $*di-a-d-tan$, etc.

С исторической точки зрения морфологическое распределение

вариантов di/du и d/d относительно времени также маловероятно, поскольку исторически они, несомненно, представляли собой местоимения, а согласование местоимений по времени с точки зрения типологии выглядит довольно странно.

Кроме того, в большинстве глаголов другой структуры (превербных или модификаторных, см. 6.1) усеченные варианты d/d присутствуют в обоих временах (ср. хотя бы уже приводившиеся формы типа d-h-a-b-daq).

Таким образом, вполне естественно искать причины усечения агентивных маркеров в области фонетики. Формулируемая нами закономерность будет выглядеть следующим образом:

1) В презенсе простых беспревербных глаголов агентивные показатели несут на себе ударение и представлены в полной форме: di-loqɔ 'я-трясусь', di-doq 'я-лечу', di-a-bes 'я-не-обращаю-внимания'⁶.

2) В глаголах а-спряжения с заполненной позицией объекта (см. 2.3) ударение переносится на маркер спряжения, в результате чего показатели агентива редуцируются: d-a-k-git 'я-тебя-ищу'.

3) В претерите простых беспревербных глаголов i-спряжения ударение падает на тематический гласный -i-, в результате чего опять же происходит редукция агентива: d-i-l-loqɔ 'я-трясся'. При этом не обязательно даже соседство агентива с маркером спряжения. Ср.

⁶ В нашем распоряжении имеется одна любопытная парадигма, приводимая Е. А. Крейновичем (ГКЯ: 62).

d-i-b-do	'я-перегораживаю'	d-i-b-i-n-do	'я-перегородил'
k-i-b-do	'ты-перегораживаешь'	k-i-b-i-n-do	'ты-перегородил'
d-i-b-do	'он-перегораживает'	d-i-b-i-n-do	'он-перегородил'
də-i-b-do	'она-перегораживает'	də-i-b-i-n-do	'она-перегородила'

(о речке)

Выбор варианта агентивного показателя здесь совершенно неясен. Это единственный случай, когда мы имеем -i- в ед. ч. и "неотпавший" и "нередуцированный" показатель в претерите. К сожалению, пока нигде не находится подтверждения этой парадигме, т. к., во-первых, ее нет у А. П. Дульзона, во-вторых, ее не выдал ни один из информантов. Таким образом, вопрос об истинной природе этой парадигмы и характере форманта -i- остается открытым. К "потенциальным" решениям этой проблемы относится гипотеза, что -i- здесь на самом деле является модификатором (см. 6.1).

di-b-deŋ 'я-мну' — d-b-i-l-deŋ 'я-мял': оттяжка ударения на гласный -i- редуцирует агентивный показатель даже перед согласным (-b- в этой словоформе маркирует объект класса вещей, см. 2.3)⁷.

4) В превербных и сложных глаголах агентивные показатели редуцируются всегда, независимо от времени и спряжения: d-h-a-b-da-q 'я-выстрелю', d-h-o-g-da-q 'я-выстрелил'; d-k-i-d-tiŋ 'я-скачусь', d-k-i-l-di-tiŋ 'я-скатился'; d-don-s-i-bed 'я-нож-делаю', d-don-l-ibed 'я-нож-делал'.

В некоторых кетских говорах до сих пор сохраняются нередуцированные агентивные показатели в тех позициях, в которых они вообще не должны встречаться. Ср. формы, записанные А. П. Дульзоном: сур. ди:бел', ди:бил', кур. ди:евел', вор. ди:би:р, ди?би?р, ярц. ди:бир < dib-il 'я-это-пою'; претерит ел. би:l'el, сур. бил'ил', би:l'el, кур. би:ел'ел', дби:ел'ел' < d-b-i-l-il 'я-это-пел', но вор. дбиби?ри?р, ярц. дби:ри:р < *di-b-i-l-il 'я-это-пел' (Дульзон 1968: 162). Особенно часто такие формы встречаются в сымских говорах.

Среди одноактантных агентивных глаголов встречаются несколько, составляющих совершенно особый тип, который можно было бы назвать "перекрестным" типом парадигмы. К нему относятся несколько глаголов i-спряжения (около четырех) и несколько глаголов a-спряжения (см. 4.3), такие, как den 'плакать', doq 'лететь', git 'плыть', qut

⁷ Еще один интересный случай — парадигма глагола qo 'умирать'.

di-j-qo	'я-умру'	di-n-o	'я-умер'
ku-j-qo	'ты-умрешь'	ku-n-o	'ты-умер'
du-j-qo	'он-умрет'	du-n-o	'он-умер'
də-j-qo	'она-умрет'	də-n-o	'она-умерла'

Как легко заметить, здесь в претерите мы видим нередуцированные формы агентива. Судя по всему, их надо объяснять сильноударным корнем qō, который оттягивает на себя ударение с маркера i-спряжения, т. е. ku-in-ó > ku-j-nó > ki-n-ó (выпадение увулярного перед претеритным -n- — вполне регулярное фонетическое явление).

Подобное развитие мы, судя по Е. А. Крейновичу и А. П. Дульзону, наблюдаем также в глаголе ä (< a?) 'исполняться', 'проходить' (о времени): ср. di-j-ä 'мне-исполнится', di-n-ä 'мне-исполнилось', ku-j-ä 'тебе исполнится', ku-n-ä 'тебе исполнилось', и т. д. Относительно показателя -j- в презенсе см. 4.3.

'шаманить', а также превербные глаголы t-doq 'летать', t-kə 'ходить', d-suk 'переходить вброд'. Для иллюстрации приведем по две словоформы от каждого:

di-den 'я-плачу', но di-daŋ-den 'мы-плачем';
 di-doq 'я-лечу', но di-daŋ-doq-ŋ 'мы-летим';
 du-j-git 'он-плывет', но du-j-aŋ-git 'они-плывут';
 di-j-qut 'я-шаманю', но di-daŋ-qut 'мы-шаманим';
 d-t-a-j-doq 'я-летаю', но d-t-a-daŋ-doq 'мы-летаем';
 d-t-a-j-kə 'я-хожу', но d-t-a-daŋ-qut 'мы-ходим';
 d-d-a-j-suk 'я-перехожу', но d-d-a-daŋ-suk 'мы-переходим'⁸

Подробнее см. ГКЯ 53-55.

(В глаголе 'ходить' представлена супплетивная основа.)

Что касается нерегулярного появления форманта -n/ŋ в этом типе в качестве показателя множественного числа, то это, по-видимому, случайно; так, форма множественного числа от qut у А. П. Дульзона записана как диданготин. Возможно, это объясняется нечетким произношением конечного -tn у некоторых информантов; то же самое относится и к глаголу git. В глаголе den, возможно, произошло слияние форманта мн. ч. с конечным согласным корня.

Гораздо более загадочным является вопрос относительно актантной структуры словоформ во множественном числе. По стандартному правилу ожидалось бы *di-den-n, *di-doq-ŋ и т. д., однако между первым агентивным показателем и корнем вклинивается еще один, формально идентичный показателем кореферентного объектива (см. 2.4), т. е. как бы рефлексивные показатели. Если бы такая структура проходила по всем формам этих парадигм, было бы возможно записать их в рефлексивные (т. е. 'я-себя-плыву', 'я-себя-лечу' и т. д.), что само по себе было бы не столь удивительным; однако столь четкое разграничение между единственным и множественным числом делает это невозможным.

Следовательно, для описания данных четырех глаголов нам при-

⁸ По-видимому, сюда же относится и комбинация преверба -n- с корнем tad в значении 'скрываться' (ГКЯ: 74); при этом, однако, возможно как регулярное образование мн. ч. (di-n-a-tad-in), так и "перекрестное" — d-n-a-daŋ-tad при di-n-a-tad 'я-скроюсь'.

ходится, как бы это ни выглядело неуклюже, вводить дополнительный подкласс "перекрестных" или, лучше, "разноспрягаемых" глаголов, которые в ед. ч. спрягаются как одноактантные, соответственно с одним агентивным показателем, а во мн. ч. — как двухактантные, т. е. с одним показателем агентива и одним — кореферентного объектива.

Все известные нам глаголы "перекрестного" типа здесь уже приведены. Что касается "стандартных" одноактантных глаголов, то таких, в общем, тоже немного; как будет показано ниже, довольно большому количеству непереходных одноактантных глаголов в русском и других языках соответствуют двух- и трехактантные глаголы в кетском.

Примеры одноактантных глаголов: *loqŋ* 'трястись', *aq* 'выходить', *tāl* 'мерзнуть', *qo* 'умирать' и некоторые др.

2.3. Вслед за первым актантом (агентивом) мы намерены дать описание сразу третьего, поскольку второй актант (занимающий соответственно второе место среди остальных) — явление наиболее сложное и требующее наибольшего внимания. К нему мы перейдем позже.

Третий актант, т. е. занимающий по отношению к другим третью позицию, мы, следуя Филлмору, условно называем объективом. По определению, данному в "Case for case", объектив есть "семантически наиболее нейтральный падеж, падеж чего-либо, что может быть обозначено существительным, роль которого в действии или состоянии, которое идентифицируется глаголом, определяется семантической интерпретацией самого глагола. Естественно, этот падеж бывает только у названий вещей, которые затрагиваются состоянием или действием, идентифицируемым глаголом. Объектив не надо путать ни с понятием прямого дополнения, ни с именем поверхностного падежа, являющимся просто синонимом для аккузатива" (Филлмор 1981: 406).

В общем данное определение вполне подходит для характеристики того, что мы называем кетским объективом, с той оговоркой, что, как правило, он все же чаще всего соответствует русскому прямому дополнению в аккузативе (хотя далеко не всегда). В сущности, мы могли бы обозначать его каким-либо стандартным термином типа "объекта" или "пациенса", но, раз избрав в качестве основы грамматику Филлмора, мы предпочитаем не изменять его терминологии. Важно также, что объектив в нашем понимании относится не только к

вещи, но и к одушевленным актантам.

Показатели объектива в кетском глаголе точно соответствуют тому, что в ТС называется "инфиксальным" рядом р/а. Перечислим их еще раз (с некоторыми модификациями):

1-е л. ед. ч.: -d[i]-

2-е л. ед. ч.: -[k][u]-

3-е л. ед. ч. м. к.: -a-[j]-, -o-

3-е л. ед. ч. ж. к.: -i-[j]-, -[d]-i-d-

3-е л. ед. ч. в. к.: -b-, (-m-?)

1-е л. мн. ч.: -daŋ-

2-е л. мн. ч.: -kaŋ-

3-е л. мн. ч.: -aŋ-[a]-/-aŋ-[s]-, -oŋ-[o]-

(Квадратными скобками обозначены те части формантов, которые могут редуцироваться и исчезать в зависимости от некоторых фонетических факторов, т. е. окружения, акцента и т. д. Здесь эти случаи особо разбираться не будут.)

Форманты третьего лица м. и ж. классов состоят формально из двух морфем: соответственно а и і (исторически явно совпадающих с соответствующими дативными показателями, см. ниже) плюс j, статус которого еще недостаточно хорошо определен. Формант третьего лица мн. ч. обычно сопровождается элементом -a-, но в некоторых случаях этот элемент заменяется на -s- (по-видимому, это происходит перед гласным -i и веллярными, ср. d-aŋ-s-ij 'я-их-убью', d-aŋ-i-s-kit 'я-их-ищу').

Как видно, здесь, в отличие от агентивных показателей, сохраняется противопоставление по числу. Объясняется это довольно просто: множественное число субъекта действия выражается суффиксом -n/-ŋ в конце словоформы, в то время как множественное число объекта не обладает способностью быть выраженным в уже занятой позиции и выражается в едином комплексе с показателем объектива, к которому относится (в сущности, мн. ч. объектива состоит из личного показателя в ед. ч. плюс тот же самый формант -ŋ).

Поскольку число одноактантных глаголов, на которых определен один лишь объектив, крайне невелико и подобные парадигмы не являются типичными (подробнее об этом см. в разделе о сочетаемости), мы приведем здесь для примера кусок парадигмы двухактантного глагола tān 'опоясывать':

di-k-tān	'я-тебя-опояшу'	d-i-n-ku-tān	'я-тебя-опоясал'
d-a-j-tān	'я-его-опояшу'	d-o-n-tān	'я-его-опоясал'
d-i-j-tān	'я-ее-опояшу'	d-id-u-n-tān	'я-ее-опоясал'
*d-i-b-tān	'я-это-опояшу'	*[d]-b-i-n-tān	'я-это-опоясал' ⁹
d-i-kaŋ-tān	'я-вас-опояшу'	d-i-n-kaŋ-tān	'я-вас-опоясал'
d-aŋ-tān	'я-их-опояшу'	d-oŋ-o-n-tān	'я-их-опоясал'
ku-d-tān	'ты-меня-опояшешь'	k-i-n-[d]-tān	'ты-меня-опоясал'
ku-daŋ-tān	'ты-нас-опояшешь'	k-i-n-daŋ-tān	'ты-нас-опоясал'

По данному образцу легко могут быть сконструированы все остальные формы данной парадигмы.

Некоторые фонетические особенности проявляет показатель -b-. Так, в сочетании с показателем претерита -n- он иногда ассимилируется в единое целое (bn > m), ср. ba-k-i-b-daŋ 'в-меня-выстрелит', но ba-k-i-m-daŋ 'в-меня-выстрелил', в результате чего создается впечатление грамматического чередования b/m.

Наибольшие затруднения, однако, вызывают показатели третьего лица мужского и женского классов. Как видно из вышеприведенной парадигмы, показатели эти изменяются в зависимости от времени, т. е. а и i в презенсе и о и i-d¹⁰ в претерите. Во мн. ч. показатель aŋ также изменяется в oŋ.

Причина данного чередования, явно не обусловленного никакими фонетическими факторами, до сих пор не выяснена. При этом важно заметить, что в презенсе, наряду с подобными формами, мы встречаем также вариант с личными показателями агента, не подвергающимися стяжению, ср. du-a-bək 'он-его-найдет', di-bək < du-i-bək 'он-ее-найдет'. (Заметим, что в претерите подобное варьирование ни в женском, ни в мужском классе невозможно; позиция объектива в таких случаях не способна меняться. Любопытно также, что в этих случаях в показатель объектива не включена морфема j.)

⁹ Формы d-i-b-tān и [d]-b-i-n-tān образованы искусственно, поскольку практически они не могут быть сконструированы информантом.

¹⁰ В некоторых случаях в претерите перед комплексом i-d выступает еще одно d, ср. bo-d-i-d-n-am 'я-ее-увел', qas-d-i-d-nam 'я-ее-взял', etc. Распределение не совсем ясно; более или менее установлено, что -d- появляется после предшествующего зубного (e.g. sit-d-i-d-n-a 'она-проснулась', d-ba-t-d-i-d-daŋ 'я-ее-вытащил'), но бывают и другие случаи.

По-видимому, здесь мы имеем дело со свободным варьированием, поскольку во многих случаях нам выдавались оба варианта (см. по этому поводу раздел 0.5). Однако неясно происхождение этого варьирования: в одном случае мы, видимо, имеем оттягивание на себя ударения показателем объектива, в другом — сохранение его на показателе агентива. Поскольку, однако, при втором лице объекта мы регулярно наблюдаем сильное ударение на показателе агентива (dí-k-tān, но не d-kú-tān), мы предполагаем, что нормальное состояние для такой парадигмы заключается в сильном ударении на агентиве и редукции объектива. Для третьего лица, однако, мы предполагаем несколько иную картину. Прежде всего, словоформы, включающие показатель объектива в третьем лице, имеют довольно специфическую структуру в претерите, поскольку, в отличие от других, эти показатели ставятся перед показателем претерита, а не после него (ср. d-i-n-ku-tān, но d-o-n-tān, d-it-u-n-tān, [d]-b-i-n-tān). Далее: несмотря на то, что возможны формы типа du-a-bək, формы типа d-a-j-tān встречаются статистически намного чаще (возможно, около 90% всех форм). Следовательно, приходится признать, что стандартным типом для агентивно-объективной парадигмы следует считать формы типа d-a-j-tān, т. е. с редуцированным показателем агентива. Формы с полным агентивом, возможно, представляют собой позднейшее выравнивание по аналогии с формами с объективом первого или второго лица. В синхронном описании их, видимо, следует считать малоупотребительным альтернативным вариантом основной, "нерегулярной" модели¹¹.

Данная проблема неразрывно связана с двумя другими проблемами: с проблемой показателя -s- (см. ниже, 2.6) и с проблемой маркеров разных спряжений (см. 4.3).

Следовательно, здесь мы на некоторое время оставим проблему третьего лица объектива и вернемся к ней немного позже.

¹¹ Вероятно, что при отдельных глаголах такие случаи "развития по аналогии" лексически закреплены. Относительно нескольких случаев можно высказать некоторые предположения (см. об этом ниже, в разделе о -s-); относительно других, как, например, регулярно встречающееся du-a-tos 'он-меня-воспитает', что-либо предполагать затруднительно. В большинстве же случаев мы имеем и тот и другой вариант.

2.4. Прежде чем перейти к третьему (вернее, второму) актантному ряду, остановимся еще на некоторых вопросах, связанных с понятием объектива. Это прежде всего — понятие кореферентного объектива, а также квази-объектива, или проблема взаимодействия показателей -b- и -s-.

Кореферентным объективом (сокращенно — СО) мы, как и следовало ожидать, называем такой объектив, референт которого совпадает с референтом, выражаемым показателем агентива. С традиционной точки зрения этот актант следовало бы называть рефлексивом, и в дальнейшем мы будем пользоваться также и этим термином в целях краткости. Термин "кореферентный объектив" принимается нами постольку, поскольку он логически образует терминологические оппозиции "кореферентный объектив" — "объектив" и "кореферентный объектив" — "кореферентный датив" (см. 2.7).

Поскольку при появлении в словоформе кореферентного объектива в плане выражения происходят некоторые весьма существенные изменения по сравнению с некореферентным объективом, мы предпочли выделить его в особый ряд.

Ряд этот мы, однако, не будем здесь специально приводить, поскольку существенные изменения происходят исключительно в третьем лице объектива (что, несомненно, естественно в смысле семантики, поскольку лишь в третьем лице возникает необходимость разграничения между различными или одним и тем же референтом). Следовательно, при первом и втором лице в качестве кореферентного объектива показатели те же самые, что и в случае стандартного объектива¹².

Что касается третьего лица, то здесь объектив вещного класса регулярно выражается двуморфемным комплексом b-a (разрываемый показателем претерита). Объектив же мужского и женского класса, выражаемый одинаково, находится в явной зависимости от спряжения (см. ниже): в случае i-спряжения мы регулярно имеем комплекс s-a, а в случае a-спряжения имеем j-a. В мн. ч. регулярно имеем s-aŋ/j-aŋ. В претерите как -s-, так и -j- исчезают¹³.

¹² Показатели СО в общем совпадают с тем, что в ТС называется "инфиксальным рядом p/0".

¹³ Зафиксирован единственный случай множественного числа объектива класса вещей: t-a-b-a-daŋ-ŋ 'эти-упадут' (ГКЯ: 77). Вследствие абсолютной

Примеры:

а) i-спряжение:

[d]-k-i-d-tiŋ	'я-скачусь' ¹⁴
[d]-k-i-l-[d]-tiŋ	'я-скатился' ¹⁵
[k]-k-i-ku-tiŋ	'ты-скатишься'
[k]-k-i-l-ku-tiŋ	'ты-скатился'
[d]-k-i-s-a-tiŋ	'он-скатится'
[d]-k-i-l-a-tiŋ	'он-скатился'
də-k-i-s-a-tiŋ	'она-скатится'
də-k-i-l-a-tiŋ	'она-скатилась'
k-i-b-a-tiŋ	'оно-скатится'
k-i-b-l-a-tiŋ	'оно-скатилось'
[d]-k-i-daŋ-tiŋ	'мы-скатимся' ¹⁶
[d]-k-i-l-daŋ-tiŋ	'мы-скатились'
[k]-k-i-kaŋ-tiŋ	'вы-скатитесь'
[k]-k-i-l-kaŋ-tiŋ	'вы-скатились'
[d]-k-i-s-aŋ-tiŋ	'они-скатятся'
[d]-k-i-l-aŋ-tiŋ	'они-скатились'

б) а-спряжение (формы только 3-его л.):

[d]-t-a-j-a-daŋ	'он-упадет'	[d]-t-o-l-a-daŋ	'он-упал'
də-t-a-j-a-daŋ	'она-упадет'	də-t-o-l-a-daŋ	'она-упала'
t-a-b-a-daŋ	'оно-упадет'	t-o-b-l-a-daŋ	'оно-упало'
t-a-j-aŋ-daŋ-ŋ	'они-упадут'	t-o-l-aŋ-daŋ-ŋ	'они-упали'

При анализе словоформ с кореферентным объективом 3-его лица, таким образом, возникают две трудности: требуется, во-первых, по-

уникальности такого случая (поскольку -b- в общем не имеет соответствий в мн. ч.) его можно рассматривать как нерегулярный. Возможно, он представляет собой позднее развитие по аналогии (элементарная агглютинация показателя мн. ч. -ŋ).

¹⁴ Форманты -t- и -k- — превербы.

¹⁵ О семантике глаголов с кореферентным объективом см. ниже.

¹⁶ Выражение мн. числа суффиксом -ŋ явно факультативно, поскольку является в сущности плеонастичным; вследствие этого формант -ŋ/-ŋ появляется довольно спорадически.

нять природу распределения между -j- и -s-, и, во-вторых, определить их статус.

Факт появления -s- в i-спряжении и -j- в а-спряжении уже отмечался Е. А. Крейновичем (Крейнович 1968б). Там, однако, данной закономерности не дается никакой оценки: -s- трактуется либо как детерминатив, либо как показатель времени, а -j- — как разграничитель. Не совсем понятно, однако, почему при столь разных функциях, приписываемых этим формантам, мы прослеживаем столь четкое распределение между ними.

Одна из гипотез относительно данного явления подразумевает наличие здесь чисто фонетического распределения, т. е. основывается на предположении, что -s- в контексте а_а переходит в j. Явление это нельзя считать невозможным, т. к. выше, в экскурсе 1, мы уже приводили примеры чередования -j-/-s-. Однако, поскольку условия чередования в данном случае несколько отличаются от обсуждавшихся выше, возникают дополнительные трудности, главная из которых — наличие в кетском довольно большого количества сочетаний типа -asa-, e.g. hasa 'я-режу-это' и др., не обнаруживающие тенденции к "йотированию" интервокального -s-. В данном случае из этого положения можно было бы выйти, лишь предположив какие-либо глубинные исторические изменения, но на синхронном уровне возвести данное чередование к фонетике весьма и весьма затруднительно¹⁷.

С другой стороны, в тех случаях, где -s- следует не за -i- и не за -a- (т. е. при отсутствии превербов, когда мы имеем чистый, нередуцированный показатель агента, соответственно du или dа), мы опять-таки имеем -j-: du-j-a-duk 'он-подвинется', du-j-a-to 'он-сядет (в лодку)', etc. В случае распределения -j- и -s- по спряжениям здесь следовало бы ожидать -s-, поскольку все эти примеры — из i-спряжения (ср. претерит d-i-l-a-duk, d-i-n-a-to, etc.).

Таким образом, получается парадоксальная ситуация: несмотря на то, что распределение явно есть, его нельзя объяснить ни чисто фонетически, ни чисто морфологически. В результате проблема до сих пор остается открытой, т. к. непонятно, следует ли предполагать

¹⁷ Сочетание -asa- засвидетельствовано даже в одной рефлексивной парадигме, т. е. в качестве показателя кореферентного объектива: oks has-a-tet 'дерево-сломается'. Здесь а, предшествующее -s-, является не показателем а-спряжения, а частью первой основы ха-

изменение $s > j$ (или $j > s$) в зависимости от окружения (что маловероятно, поскольку существует масса противоречащих примеров) или признавать зависимость выбора от превербов (еще менее вероятно)?

Относительно семантики показателя $-j/-s-$ подробнее будет сказано ниже. Здесь следует лишь обратить внимание на то, что он, будучи несомненно противопоставлен $-b-$ как показателю класса вещей, одновременно нейтрализует оппозицию "мужской класс/женский класс" (см. примеры).

Что касается форманта $-a-$ (фонетически, как правило, $-ä-$), то его, по видимому, не следует причислять к классным показателям, что было бы крайне неудобно для модели (в случае типа $t-a-b-a-daq$ пришлось бы постулировать целых два объективных показателя!); по-видимому, ему следует приписать значение рефлексивности (но не непереходности и пассивности, по Е. А. Крейновичу!).

Таким образом, несмотря на крайне незначительные отличия простого объективного ряда и кореферентного объективного ряда, мы все же вынуждены постулировать здесь две серии показателей. В случае класса вещей этого еще можно было бы избежать, введя в модель отдельный показатель рефлексивности $-a-$ и присоединяя его к объективу в случае необходимости; но поскольку показатели мужского и женского классов не только присоединяют его, но и изменяются сами ($a, i > s$), здесь приходится констатировать отличия внутри самого инвентаря.

Весьма любопытна семантика глаголов, принимающих показатели кореферентного объектива. Разумеется, это прежде всего возвратные глаголы, класс которых, однако, в довольно незначительной степени пересекается с классом возвратных глаголов, скажем, в русском языке. Так, довольно большое количество подобных двухактантных парадигм соответствуют в русском языке обычным непереходным глаголам, что, в частности, и побудило Е. А. Крейновича назвать этот тип "непереходно-пассивным", ср., напр., $di-d-tus$ 'я-намерен', $d-a-d-dij$ 'я-дойду', $di-d-to$ 'я-сяду (в лодку)', etc. Тем не менее, все эти глаголы на поверхностном семантическом уровне, несомненно, означают одно: действие, осуществляемое субъектом (агентивом) над самим собой¹⁸.

¹⁸ Весьма странным в этом отношении является глагол qa 'торговать', имеющий следующие формы:

Формально к этому же классу относятся те глаголы, которые Е. А. Крейнович условно называет "глаголами с непереходно-пассивным значением". Они, однако, будут рассмотрены ниже, в разделе 5.2.

2.5. Квази-объективными показателями мы условно называем всего два: -b- (в определенных условиях) и явно противопоставленный ему -s-, чередующийся с алломорфами -j- и -0-.

Выше мы уже разбирали случай, когда субъект (агентив), формально выражаемый показателем женского класса, реально принадлежит классу вещей. Такие конструкции были охарактеризованы как вторичные, поскольку изначально все объекты класса вещей характеризовались признаком инактивности и, следовательно, не могли выступать в качестве субъекта не только при переходном глаголе, но и при некоторых непереходных (типа *doq* 'летать'), для которых является явно нехарактерным произведение их неодушевленными объектами.

Тем не менее, существует довольно большая группа случаев, когда все же требуется выразить субъект показателем класса вещей. Это прежде всего (если не единственно) глаголы статические, обозначающие какое-либо состояние или изменение состояния (типа "трава растет" или "солнце встало"). Случаи эти, в свою очередь, распадаются на два семантических класса: действие может производиться, во-первых, как бы "по инициативе" самого объекта, либо же "по инициативе" чего-либо постороннего или "помимо воли" объекта. В первом

<i>di-j-a-qa</i>	'я-торгую'	<i>d-i-l-di-qa</i>	'я-торговал'
<i>ku-j-a-qa</i>	'ты-торгуешь'	<i>k-i-l-ku-qa</i>	'ты-торговал'
<i>du-j-a-qa</i>	'он-торгует'	<i>d-i-l-a-qa</i>	'он-торговал'
<i>də-j-a-qa</i>	'она-торгует'	<i>də-i-l-a-qa</i>	'она-торговала'
<i>di-daŋ-qa</i>	'мы-торгуем'	<i>d-i-l-daŋ-qa</i>	'мы-торговали'
<i>ku-kaŋ-qa</i>	'вы-торгуете'	<i>k-i-l-kaŋ-qa</i>	'вы-торговали'
<i>du-j-aŋ-qa</i>	'они-торгуют'	<i>d-i-l-aŋ-qa</i>	'они-торговали'

1-е и 2-е л. ед. ч. презенса, несомненно, нерегулярны; более того, Е. А. Крейнович указывает, что в первом лице встречается также форма *di-d-qa*, т. е. присутствует показатель объектива, а в некоторых других записях регулярны все формы вообще. Еще более любопытна, однако, семантика этого глагола: значение 'торговать' здесь имеет явно рефлексивный характер, т. е. 'я-себя-торгую' (!). См. ГКЯ: 59.

случае мы, таким образом, имеем кореферентность, во втором — чистый объектив.

Первый из упомянутых случаев (действие "по инициативе" объекта) будет кратко рассмотрен ниже, при описании так называемого "кетского пассива". По сути дела, он представляет гораздо меньше интереса, нежели второй, поскольку является как бы производным от него.

Второй случай (действие "помимо воли" объекта) мы будем называть квази-объективной конструкцией А.

Данная конструкция представляет собой одноактантную (объективную) конструкцию, где объективный актанта выражается показателем класса вещей -b-. Примеры: i-b-qo 'завянет (умрет)-это', a-b-oj 'линяет-это', a-b-ok 'выпадает-это', etc. Более обширно данная конструкция представлена в сложных глаголах, напр. es-a-b-qut '(заря) поднимается', и др.

Естественно, что здесь прежде всего возникают два вопроса: во-первых, не следует ли постулировать в этом случае нулевой агентив, и, во-вторых, почему данная конструкция названа квази-объективной, если позиция объектива заполнена "по правилам"?

Оба эти вопроса связаны между собой, и ответ на них следует из противопоставления данной конструкции другим формам той же парадигмы.

Ср. i-b-qo 'это-умрет', но: di-j-qo 'я-умру', ku-j-qo 'ты-умрешь', du-j-qo 'он-умрет', də-j-qo 'она-умрет'.

Ср. es-a-b-qut (о заре), но d-es-a-qut (о месяце, м. к.), də-esa-qut (о солнце, ж. к.).

Такая странная "метатеза" формантов в классе вещей ("субъект" как бы перемещается в позицию "объекта") свидетельствует о том, что ни один предмет, относящийся к классу вещей, не может являться производителем какого-либо действия, т. е. обладает признаком "инактивности". Следовательно, формы типа i-b-qo на поверхностно-семантическом уровне воспринимаются как "над объектом класса вещей (в данном случае о каком-либо растении, траве) произойдет некоторое действие, совершаемое необозначенным агенсом, в результате которого объект перейдет в какое-либо иное состояние".

Такое определение, в сущности, освобождает нас от необходимости постулировать в этих формах нулевой агентив. Существование или отсутствие производителя действия является в этом случае не-

релевантным: основная семантическая нагрузка лежит на показателе -b-. Если бы мы описывали нашу модель в терминах трансформационной грамматики, мы могли бы ввести следующую "трансформацию квази-объективизации": $A + R > O + R$ (но не $A_0 + O + R$). Через O мы в данном случае условно обозначаем квази-объектив (A_0 — условный нулевой агентив).

Что касается самого названия "квази-объектив", то основным аргументом в его пользу является тот факт, что глаголы, в парадигмах которых присутствуют подобные словоформы, как правило, являются непереходными, т. е. на них не определена нормальная позиция объекта. Единственный случай появления этой позиции — при присоединении показателя -b- и элиминации агентивных показателей. Следовательно, хотя -b- и в плане выражения, и в плане содержания довольно хорошо удовлетворяет требованиям, предъявляемым к объективу, он тем не менее не может им считаться в полном смысле слова и должен быть хоть как-то отграничен от "регулярных" объективных показателей¹⁹.

Существует также еще один, весьма специфический вариант квазиобъективной конструкции A, заключающийся в следующем: показатель -b- все так же занимает позицию объекта, но перед ним (возможно, в позиции агентива?) ставится компонент bim. Ср.: bim-b-i 'это-мокнет', bim-b-i-quit 'это-кончится', bim-b-a 'это-пройдет', bim-b-aq 'это-гниет' и др.

Начальный компонент bim-, по-видимому, есть не что иное, как местоимение 'сам' (bin) с ассимилированным носовым (nb > mb); других гипотез относительно его происхождения пока не существует (предположение некоторых исследователей, что bim представляет собой на самом деле удвоенный показатель класса вещей, абсолютно нереально, поскольку здесь пришлось бы предположить даже не удвоение, а утроение этого показателя, к тому же, по-видимому, с диссимилиацией среднего из трех: b-im-b-)²⁰.

¹⁹ Не следует смешивать квази-объективный показатель -b- со стандартным объективным показателем -b-, как в di-b-dan 'я-это-мну'. Отличить их элементарно: стандартное объективное -b- всегда имеет перед собой агентивный показатель.

²⁰ Как в ГКЯ, так и при опросе информантов иногда нам встречались формы, в которых присутствовал компонент bin, но отсутствовало -b-, ср.

В претерите формант *bin-* выпадает, ср. *bim-b-i* 'мокнет', но *b-in-i* 'вымокло'. Причины этого явления не выяснены и могут быть связаны как с фонетикой, так и с морфонологией. Не исключено, что выпадение *bim* связано с редукцией *bim > bm > b*.

Относительно семантической интерпретации данного случая вряд ли можно сказать что-либо конкретное. Сомнительно, чтобы подобная конструкция означала действие, производимое объектом над самим собой или по собственной инициативе: подобная функция уже зарезервирована за показателем *-a-* (см. 5.3), и, более того, встречаются даже случаи совмещения всех трех морфем в одной словоформе (ср. *sul bim-b-a-bet* 'нарта-деланная').

Таким образом, мы пока не в состоянии сформулировать принципы распределения данных двух вариантов квази-объективной конструкции А. Статистически вариант с *bin-* превалирует в одноосновных глаголах, но практически не встречается в сложных; что же касается значения форм, присоединяющих *bin-*, то найти какие-либо существенные отличия от стандартных форм до сих пор не удалось.

На этом мы заканчиваем описание квази-объективной конструкции А и переходим к описанию, соответственно, конструкции Б.

Описание конструкции Б непосредственно связано с формантом *-s-*, трактуемым Е. А. Крейновичем как показатель времени, но на самом деле имеющем абсолютно другие функции.

Описание это мы начнем с конкретного примера.

При опрашивании информантов мы, в частности, записали следующие несколько словоформ:

d-aŋ-k-i-b-ta 'я-это-повешу' (стандартная двухактантная парадигма, *d-* — агентивный показатель, *aŋ* — 1-я основа 'веревка', *k* — преверб, *-i-* — маркер *i-*спряжения, *-b-* — показатель класса вещей, *-ta* — 2-я основа).

aŋ-k-i-b-ta 'висит-это'. Здесь стандартная агентивно-объективная конструкция заменяется на квази-объективную конструкцию А, поскольку отсутствует агентив, а показатель объектива *-b-* неформально является на самом деле субъектом.

d-aŋ-k-i-s-ta 'я-вишу'. Как и следовало ожидать, мы имеем нор-

bim-təl 'это-замерзнет', *bim-us* 'тает' (о снеге). Мы берем на себя смелость утверждать о вторичном характере таких случаев, прежде всего изза частой встречаемости дублетных форм (так, наряду с тем же *bimus* имеется *bimbus*).

мальный агентивный показатель, регулярное отсутствие -b- плюс некоторое -s-, стоящее также в позиции объектива.

Остальные формы интересуют нас гораздо меньше; важен лишь тот факт, что формант -s- проходит по всей парадигме, за исключением случая с квази-объективом -b-. Ср. k-aŋ-k-i-s-ta 'ты-висишь', d-aŋk-i-s-ta 'он-висит', etc.

К сожалению, подобных парадигм с большим количеством засвидетельствованных форм у нас крайне мало. Можно привести еще один пример из ГКЯ (стр. 48, 49):

k-i-b-doŋ 'стоит-на-месте (о лодке)';

d-k-i-s-doŋ 'стоит-на-месте (о человеке)'.

(Любопытно, что из обоих переводов, данных в ГКЯ, ни один не соответствует реальности: k-i-b-doŋ переводится как 'удерживаю-это' (о лодке), а d-k-i-s-doŋ как 'стоит (о лодке)'. К счастью, и при той, и при другой словоформе приводится пример фразы, содержащей их, который опровергает оба эти перевода.)

Подобные конструкции мы называем квази-объективными конструкциями Б, не только потому, что формант -s- также встречается только в позиции объектива (и соответственно, не встречается в переходных глаголах), но и из-за структурного сходства обеих конструкций и, отчасти, дополнительного распределения между ними.

Помимо таких парадигм, в которых формант -s- эксплицитно противопоставлен форманту -b-, имеется также огромная масса парадигм, в которых тот же формант -s- формально не находится в оппозиции форманту -b-. Ср., например:

d-don-s-i-bed	'нож-я-делаю'
k-don-s-i-bed	'нож-ты-делаешь'
d-don-s-i-bed	'нож-он-делает', etc.

Претерит: d-don-l-i-bed, etc.

Если бы эта парадигма допускала возможность появления субъекта класса вещей ('нож-это-делает'), мы бы ожидали формы типа *don-i-b-bed; однако семантика данного глагола запрещает это. Но в тех случаях, где семантика глагола разрешает квази-объективную конструкцию А, это противопоставление отчетливо видно. Ср. среди сложных глаголов: qiq-i-b-qut 'это-зацепится', но d-qiq-s-ut 'он-зацепится' (начальный увулярный второй основы выпадает).

Таким образом, существуют (и при этом в большом количестве) примеры квази-объективной конструкции Б, не противопоставленные квази-объективной конструкции А; при этом их семантика для нас остается неясной. Для выяснения ее следует прежде всего проанализировать условия появления в словоформе форманта -s-. Эти условия, хотя и довольно нетривиальны, но все же устанавливаются с достаточной четкостью. Помимо того, что формант -s- никогда не появляется в претерите, о нем можно утверждать следующее.

1) Формант -s- всегда появляется в позиции объектива, из чего следует, что он никогда не встречается в парадигмах с уже заполненным объективом (будь это нормальный объектив, кореферентный объектив или квази-объектив -b-).

2) Формант -s- никогда не появляется в глаголах а-спряжения (см. 4.3), за исключением случаев результативной трансформации (см. 5.3).

3) Формант -s- никогда не появляется в словоформе в том случае, если он должен был бы непосредственно следовать за показателями агентива (т. е. в одноактантных парадигмах) в простых глаголах.

4) В сложных глаголах на -bed формант -s- не появляется в том случае, если первая основа не представлена именем во втором тоне (т. е. с гортанной смычкой). Ср.:

- d-don-s-i-bed 'я-нож-делаю' (doʔn 'нож');
- d-nan-s-i-bed 'я-хлеб-делаю' (naʔn 'хлеб');
- d-un-s-i-bed 'я-ножны-делаю' (uʔn 'ножны');
- d-di-s-i-bed 'я-шапку-делаю' (diʔ 'шапка'); но
- d-besam-i-bed 'я-шубу-делаю' (besam 'шуба');
- d-asl-i-bed 'я-лыжу-делаю' (asl 'лыжа');
- d-haj-i-bed 'я-весло-делаю' (haj 'весло'), etc.

(Более подробный список приводится Е. А. Крейновичем в ГКЯ (ГКЯ: 148), однако он Крейнович не упоминает о подобном распределении, что вполне естественно, т. к. к моменту написания ГКЯ тоны в кетском языке еще не были открыты и гортанная смычка проставлялась лишь спорадически — факт, лишний раз доказывающий несомненную важность кетской просодики в описании морфологии.)

5) В тех случаях, когда вторая основа начинается с увулярного q, а первая оканчивается гласным, формант -s- заменяется на -j-. Ср. d-əqa-j-qut 'я-виден' (но əqa-b-qut 'это-видно' — квази-объективная конструкция А), d-ti-j-qut 'я-еду', но d-din-s-ut < d-din-s-qut 'я-скроюсь'.

Заметим, что та же особенность (появление "эксплицитного" -j- перед увулярным свойственно и простым глаголам с рамкой ($_A$): di-j-qol 'я-излечиваюсь', di-j-qo 'я-умираю', etc.).

Во всех остальных случаях в словоформе присутствует формант -s-.

Конечно, его можно называть показателем времени, как это делает Е. А. Крейнович, или показателем медиума, как это делает А. П. Дульзон; мы, однако, считаем, что гораздо более важным является оппозиция показателя -s- по отношению к объективным показателям, поскольку он занимает объективную позицию и 'не терпит' соседства других показателей объектива. Что касается его выпадения в претерите, то не исключено, что это объясняется некоторыми историческими фонетическими процессами.

Ровно поэтому мы и называем показатель -s- квази-объективом, а словоформы с ним — квази-объективной конструкцией Б. Однако, как можно заметить, понятие "квази-объектива" употреблено здесь не совсем в том смысле, в котором оно употребляется в названии "квази-объектива А". В первом случае (квази-объектив А) подразумевается, что это как бы "трансформированный в объектив агентив" в силу своей принадлежности к классу вещей; во втором случае подразумевается лишь то, что показатель -s- стоит в позиции объектива, хотя и не обозначает никакого актанта.

Что касается значения этого форманта, то здесь, скорее всего, приходится полагать, что он выражает идею непереходности действия. Можно, конечно, возразить, что существуют семантически переходные глаголы, в которых присутствует -s-, в том числе приведенные выше глаголы на -bed. Однако следует учесть тот факт, что в глаголах на -bed, а также в других сложных глаголах семантический объект действия уже инкорпорирован в глагол и не нуждается в дальнейшем выражении. Ср. пример Е. А. Крейновича: ul d-at-b-aq 'я-воду-налью', где объект выражен внутри глагола показателем -b-, но d-ul-at-s-aq 'я-воду-налью', где объект, будучи инкорпорирован в глагол, более не нуждается в дополнительном выражении, и глагол становится формально непереходным (ГКЯ: 113)²¹.

²¹ В некоторых случаях может возникнуть впечатление, что показатель -s- выражает объектив класса вещей (sic!). Ср., например, следующие формы, приводимые Е. А. Крейновичем и подтвержденные информантами: d-loŋ-d-a-d-deŋ 'он-меня-мнет', d-loŋ-d-a-j-deŋ 'он-его-мнет', d-loŋ-d-i-j-deŋ 'он-ее-

Более серьезным было бы замечание, что формант *-s-* свойственен только *i-*спряжению и не выражает идею непереходности в глаголах *a-*спряжения. Однако в пределах тех парадигм, в которых он присутствует, он действительно способен служить показателем непереходности и безобъектности.

Относительно появления "квази-объектива" в глаголах *a-*спряжения необходимо заметить следующее. Как было сказано выше, показателем кореферентного объектива в третьем лице м. и ж. к. в презенсе регулярно служит комплекс морфем *s-a* в *i-*спряжении и *j-a* в *a-*спряжении; при этом в тех случаях, когда глагол *i-*спряжения простой (беспривербный и без первой основы), *CO* также выражается показателями *j-a*. Сразу же бросается в глаза очевидное сходство подобного распределения с распределением квази-объективного показателя, т. е. тождество морфемы *-s-* в квази-объективе и в кореферентном объективе несомненно. Мы можем, таким образом, раскрыть происхождение форм третьего лица *CO* с исторической точки зрения: они, несомненно, представляют собой обычные непереходные глаголы, модифицированные морфемой *-a-* — по всей вероятности, показателем возвратности действия.

По аналогии с *i-*спряжением мы могли бы предположить, что в *a-*спряжении функцию показателя *-s-* должен играть показатель *-j-*. Это действительно подтверждается некоторыми случаями, ср. *d-t-a-j-dog* 'я-летаю', *d-t-a-j-ka* 'я-хожу', *d-a-j-dop* 'я-заткну' и некоторые другие. Однако существует масса контрпримеров, ср. *di-t-a-qut* 'я-лежу', *d-ba-k-a-do* 'он-на-меня-смотрит', *di-a-bes* 'я-не-обращаю-внимания', etc., где маркер спряжения непосредственно соединен с корнем. Не исключено, что в глаголах *a-*спряжения действует какое-то сложное фонетическое распределение; однако окончательно выявить его нам пока не удалось, т. е. установить в *a-*спряжении что-либо, точно соответствующее *-s-* *i-*спряжения, пока затруднительно.

Формально, таким образом, показатель *-s-* будет рассматриваться нами как "довесок" к непереходным глаголам *i-*спряжения и в падежных рамках учитываться не будет, т. е. мы не будем характери-

-мнет', но *d-loŋ-d-i-s-deŋ* 'он-это-мнет'; *d-ha-s-ted* 'переломлю-это'. На самом деле это архаичные, реликтовые формы от соответствующих непереходных парадигм, в которых вообще не было показателей объектива, и показатель *-s-* в них не имеет никакого отношения к выражению идеи класса вещей.

ровать его как отдельный актант; следует, однако, при моделировании форм всегда помнить о правилах распределения его с остальными морфемами.

На этом мы, таким образом, завершим параграф (вернее, даже три параграфа), посвященных объективу, и перейдем к описанию второго актантного ряда, пожалуй, наиболее запутанного из всех трех.

2.6. Третий актант мы, следуя Филлмору, условно называем дативом, в общем принимая его определение: датив есть "падеж одушевленного существа, которое затрагивается состоянием или действием, называемым глаголом" (Филлмор 1981: 405), за тем исключением, что датив может быть выражен и показателем класса вещей, т. е. неодушевленным объектом.

Дативу в нашем понимании в ТС соответствуют ряды показателей *ba/a* и *bo/o* группы Б. Приведем их здесь.

- 1-е л. ед. ч.: *ba, bo*
- 2-е л. ед. ч.: *ku*
- 3-е л. ед. ч. м. к.: *a, o*
- 3-е л. ед. ч. ж. к.: *i, u*
- 3-е л. ед. ч. в. к.: *0, i, u*
- 1-е л. мн. ч.: *daŋ*
- 2-е л. мн. ч.: *kaŋ*
- 3-е л. мн. ч.: *aŋ, oŋ*

Как ясно видно из парадигм, приводимых в ГКЯ, показатели *bo/o/u* в ед. ч. в одних глаголах противопоставлены показателям *ba/a/i* в других, в результате чего и подразделяются в ТС на две группы: *ba/a* и *bo/o*.

Приведем примеры дативных парадигм.

а) Группа *ba/a*:

<i>ba-k-i-s-sāl</i>	'я-переночую'
<i>ku-k-i-s-sāl</i>	'ты-переночуешь'
<i>a-k-i-s-sāl</i>	'он-переночует'
<i>i-k-i-s-sāl</i>	'она-переночует'
<i>k-i-s-sāl</i>	'это-переночует'
<i>daŋ-k-i-s-sāl</i>	'мы-переночуем'
<i>kaŋ-k-i-s-sāl</i>	'вы-переночуете'
<i>aŋ-k-i-s-sāl</i>	'они-переночуют'

d-ba-k-a-do	'на-меня-смотрит'
d-ku-k-a-do	'на-тебя-смотрит'
d-a-k-a-do	'на-него-смотрит'
d-i-k-a-do	'на-нее-смотрит'
du-k-a-do	'на-это-смотрит'
[d]-daŋ-k-a-do	'на-нас-смотрит'
[d]-kaŋ-k-a-do	'на-вас-смотрит'
d-aŋ-k-a-do	'на-них-смотрит'

Претерит: ba-k-i-n-sāl, ku-k-i-n-sāl, etc.
d-ba-k-o-l-do, d-ku-k-o-l-do, etc.

б) Группа bo/o:

bo-k-s-i-bej	'меня-ветром-несет'
ku-k-s-i-bej	'тебя-ветром-несет'
o-k-s-i-bej	'его-ветром-несет'
u-k-s-i-bej	'ее-ветром-несет'
daŋ-[k]-s-i-bej	'нас-ветром-несет'
kaŋ-[k]-s-i-bej	'вас-ветром-несет'
oŋ-[k]-s-i-bej	'их-ветром-несет'

Претерит: bo-l-i-bej, ku-l-i-bej, o-l-i-bej, etc.

Прежде чем начать обсуждать конкретные детали устройства этих и других парадигм, необходимо сказать несколько слов относительно семантики датива.

Как было разъяснено выше, третий (в системе — второй) актантный ряд постулируется нами из-за невозможности объяснения субъектнообъектных отношений в кетской глагольной форме с помощью всего лишь двух актантов. Тем не менее, даже при постулировании трехактантной системы возникает масса мелких затруднений, большинство из которых, впрочем, удается преодолеть.

Основное затруднение, вызванное постулированием датива, — "многообразие" его функций. Так, в русском языке дативу могут соответствовать и субъект (как в ba-k-i-s-sāl), и прямой объект (как в d-ba-k-a-do), и косвенный объект. Тот факт, что дативные показатели довольно часто встречаются в а) непереходных глаголах в качестве

якобы субъекта и б) переходных глаголах в качестве якобы прямого объекта заставлял многих исследователей видеть в дативных показателях реликты эргативного строя.

Эргативная теория, однако, не объясняет довольно многих фактов: во-первых, существует, и немало, непереходных глаголов, в которых субъект выражен показателем группы Д, а также немало переходных глаголов, в которых объект тоже выражен показателем группы Д. Во-вторых, дативные показатели стоят не в позиции объектива, что доказывают весьма часто встречающиеся после них квази-объективные показатели (b, s) и реже, но тоже встречающиеся чистые объективные показатели. В-третьих, следует обратить внимание на согласование по числу: в случае нормального агентива число должно было бы выражаться суффиксом -n/-n, здесь же оно выражается внутри показателя, как в случае объектива.

Все это заставляет нас признать эргативную теорию в данном случае неприемлемой. Теория же трех актантов, хотя и воспринимаясь с гораздо большим трудом, все же лучше описывает факты.

Хороший пример для иллюстрации семантики датива — спряжение глагола "нож-заиметь": don-bo-k-d-a-qaп 'я-нож-заимею', don-ku-k-da-qaп 'ты-нож-заимеешь', don-o-k-d-a-qaп 'он-нож-заимеет', etc. Как легко заметить, это сложный глагол, с первой основой don 'нож' и второй qaп, основное, исходное значение которой — 'стать', 'сделаться', 'начаться'. Между этими двумя основами стоят (по Крейновичу) показатели группы bo/o.

Если приписывать этим показателям функцию субъекта (агента), общее построение словоформы останется непонятным; ее скорее придется интерпретировать как 'ножом-я-стану'. К тому же значение субъекта при второй основе qaп стандартно выражается, как и следовало бы ожидать, агентивом, e.g. d-ket-a-qaп 'я-человеком-стану'.

Считать эти показатели выражающими прямой объект также бессмысленно, поскольку семантически аномально. Единственная интерпретация, которую мы могли бы в этом случае предложить, носит каузативный оттенок: "нож-меня-быть-заставит" (sic!).

Единственная возможность — считать, что показатели ряда bo/o в этом случае маркируют косвенный объект. В этом случае форма интерпретируется как 'нож-мне-станет', что с семантической точки зрения вполне нормально (ср. лат. *dativus possessivus*). Таким обра-

зом, на примере этой парадигмы можно доказать наличие у показателей группы Б функций маркера косвенного объекта, или объекта, в той или иной степени затрагиваемого совершением действия.

Разберем другой пример. Словоформа *d-i-k-s-i-bes* 'я-приду' представляет собой одноактантный агентивный глагол с определенной на нем квази-объективной конструкцией Б (глагол сложный; первая основа — *-i-*, вторая — *-bes*). Словоформа *d-i-bo-k-s-i-bes* представляет собой уже двухактантный глагол с определенным на нем дативом и переводится Е. А. Крейновичем как 'он-меня-приведет'.

Если рассматривать здесь объект действия как прямой, мы вынуждены будем постулировать для кетского глагола специфическую трансформацию "каузативизации": "я-приду" — "я-его-приду (придти заставлю)", что в принципе исключено, поскольку не подтверждается другими примерами. К тому же, если верна наша гипотеза о том, что квази-объективная конструкция Б маркирует непереходность действия, то видеть в показателе *bo* прямой объект становится фактически невозможным. Если же анализировать показатель *bo* как маркер косвенного объекта, то словоформа будет интерпретироваться как "он-со-мной-придет", и формально глагол останется непереходным.

Некоторые дополнительные подробности относительно семантики дативных показателей см. ниже, в разделе о сочетаемости.

Вернемся теперь к плану выражения. Здесь нужно прежде всего упомянуть о показателе класса вещей. Стандартно он выражается нулем (ср. *k-i-s-sāl*), но в некоторых случаях совпадает с женским показателем (*i* или *u* — в зависимости от ряда). Некоторые примеры приводятся у Е. А. Крейновича (Крейнович 1968б). Здесь мы их разбирать не будем, тем более что удовлетворительное объяснение этому явлению до сих пор не найдено²².

Что касается какого-либо распределения между группами *ba/a* и *bo/o*, то здесь, хотя еще и нет абсолютно конкретного решения, мы

²² Можно подметить, что класс вещей довольно часто выражается посредством *-u-* в случае последующего комплекса морфем *-ks-* (ср. *kil-uk-s-to* 'это-похороню', *qonas-u-k-s-i-bet* 'это-потеряю'), но, с другой стороны, известны случаи, когда в такой же ситуации показатель опять-таки выражается нулем (ср. *qit-s-i-bet* 'это сдам' при *qit-u-k-s-i-bet* 'ее-сдам').

Относительно выпадения *-i-* в женском классе см. выше, экскурс 1.

предлагаем следующую гипотезу.

В отличие от агентивного и объективного рядов, функция которых обозначена довольно четко и однозначно (первый однозначно определяет носителя какого-либо действия, второй — реципиента этого действия), дативный ряд носит весьма расплывчатый характер. Предполагается, что он обозначает некоторое лицо (или вещь), по отношению к которому совершается действие; однако неясно, в чем выражается это отношение. Функции датива могут быть довольно разнообразны: он мог бы выполнять функции локатива, инструменталиса, каких-либо направительных падежей, и вообще, быть связанным с довольно большим количеством различных семантических признаков.

Данная гипотеза выглядит гораздо скромнее, нежели, скажем, мнение Г. К. Вернера, который предлагает исключительно сложную систему дифференциации этих двух рядов. По его мнению, в переходных глаголах (т. е. с не определенным на них объективом) ряд *ba/a* выражает идею "центростремительности", а ряд *bo/o* — идею "центробежности" действия. Г. К. Вернер подтверждает это такими примерами, как, с одной стороны, *ba-k-i-s-sāl* 'я-ночую', *d-ba-t-aq* 'я-превращусь', с другой стороны, *bo-k-a-dn* 'я-пойду', *bo-k-a-b-i-dn* 'я-выбегу'. В переходных же глаголах, по мнению Г. К. Вернера, данная оппозиция замещается оппозицией "действие в интересах субъекта" — "действие в интересах объекта"; это подкрепляется такими парадигмами, как, с одной стороны, *d-ba-k-i-s-doq* 'он-на-меня-набросится', *d-ba-k-i-b-daq* 'он-в-меня-выстрелит', *d-ba-t-a-b-tad* 'он-ко-мне-пристанет', с другой — *d-bo-k-d-a-b-taṅ* 'он-меня-тащит', *d-bo-k-b-i-taṅ* 'он-меня-венчает', *d-et-bo-k-s-u-ḡo* 'он-меня-лечит', etc. (Вернер 1990: 225-228).

В принципе мы не в состоянии опровергнуть эту гипотезу; более того, она представляется нам вполне заслуживающей внимания. Хотелось бы лишь постараться объединить обе оппозиции в одну, что, в общем, не представляется невозможным: "центростремительность" на самом деле можно представить как относительную "пассивность", а "центробежность" — как "активность". Очевидный недостаток всех этих рассуждений заключается в том, что мы в любом случае имеем дело с "мертвой" категорией чисто классифицирующего характера, значение которой, с одной стороны, было изначально нетривиальным, с другой — "отмерло" уже, по-видимому, довольно давно, что сильно затрудняет любой анализ. По этой причине мы и не выносим окон-

чательного решения, тем более что по-настоящему "сильных" аргументов в подтверждение этой гипотезы у нас нет.

Альтернативная гипотеза — объяснение различия между *ba* и *bo* с помощью фонетики — вряд ли заслуживает внимания, поскольку никакого четкого фонетического контекста, позволившего бы определить дистрибуцию, не существует. Несомненным, однако, является следующий факт: форманты *ba* и *bo* не являются единичными морфемами, а представляют собой сочетание собственно дативного показателя *b* с "уточнителем" или "модификатором" соответственно *-a-* или *-o-*, значение которых, как следует из вышесказанного, определить пока невозможно. В таком случае, вероятно, дативный показатель *ku* на морфологическом уровне также следует рассматривать как соответственно *ku-a* или *ku-o* с редукцией второго гласного, а показатели третьего лица воспринимать как *a-a* и *i-a* в группе *ba/a* и как *a-o* > *o* и *i-o* > *u* в группе *bo/o*. Тем не менее, дистрибуции между морфемами *-a-* и *-o-* не существует.

(С исторической точки зрения показатели группы *bo/o*, скорее всего, являются лабиализованными показателями группы *ba/a*, в которых *a* > *o*, а *i* > *u*. Причины этой лабиализации, однако, невыяснены.)

Для удобства мы будем дальше рассматривать дативные показатели в их "целостном" виде, т. е. *ba*, *ku*, *a*, *i*, *bo*, etc.; однако не следует упускать из виду, что любой дативный показатель на самом деле представляет собой две морфемы.

Следует, однако, подчеркнуть, что показатели обеих групп не только отличаются по своему сегментному составу, но также обладают определенными дифференцирующими признаками, связанными с просодикой и фонетическим окружением:

а) Хотя четкого распределения не наблюдается, мы все же можем с уверенностью сказать, что показатели группы *ba/a* крайне редко принимают на себя ударение, в отличие от почти всегда ударных показателей группы *bo/o*, т. е. информанты произносят *ba-k-í-s-sāl* (фонетически в келлогском говоре эта форма записывается как *ba-í-s-sl*), но *bó-k-s-i-bej*. Это правило обычно соблюдается, за исключением случаев, когда ударение оттягивается с показателей группы *bo/o* на маркер *a*-спряжения (*bo-k-á-tn* 'я-иду') и сложных глаголов (где довольно часто встречаются исключения).

б) Сильное ударение на показателях группы *bo/o*, повидимому,

имплицитно редуцирует следующий за ними слог, в результате чего в презенсе обычно за ними следуют кластеры (так, формы с квази-объективной конструкцией Б при показателях группы *ba/a* обычно начинаются с компонентов *ba-t-í-s-* или *ba-k-í-s-*, а при показателях группы *bo/o* — с компонента *bo-k-s- < *bó-k-i-s-*).

в) Показатели обеих групп образуют отличные друг от друга сочетания с дативными детерминативами (см. ниже).

Таким образом, противопоставление рядов *ba/a* и *bo/o*, возможно, выполняет вспомогательную роль, обозначая те или иные дополнительные признаки датива. То же самое относится и к формантам, регулярно следующим за дативными показателями и условно называемым нами дативными детерминативы. К дативным детерминативам относятся прежде всего морфемы *-k-* и *-t-*, а также (в крайне небольшом количестве случаев) *-n-*. Основная особенность этих формантов в том, что они обязательно следуют за дативными показателями, практически без исключений²³.

Тем не менее, определить значение дативных детерминативов (равно как и всех остальных) до сих пор не удастся. По-видимому, они представляют собой уже мертвые форманты, без каких-либо определенных и четких значений; тем не менее можно с уверенностью заявить, что некогда они выполняли функцию "координирования" датива, т. е. придавали ему более четкую семантическую функцию. Иначе представляется довольно затруднительным объяснить невозможность существования дативного показателя без того или иного детерминатива.

Несколько особенно ведут себя детерминативы в сочетании с показателями ряда *bo/o*. Во-первых, при показателях этого ряда возможен исключительно детерминатив *-k-*; ни *-t-*, ни *-n-* в соседстве с *bo-* встречаются. Во-вторых, *-k-* имеет сильно выраженную тенденцию выпадать как в претерите (ср. *bo-l-i-bej*), так и во множественном

²³ Известно лишь несколько случаев, когда за дативом не следует детерминатив. Самый известный — глагол *en-ba-suk* 'я-забуду'. В некоторых глаголах отсутствие детерминатива вызвано фонетическими причинами. Ср., например, *d-ba-b-l* 'он-меня-оденет', *d-ku-b-l* 'он-тебя-оденет', *d-a-b-l* 'он-его-оденет', etc.; на самом деле этот глагол представляет собой сокращенную форму глагола *d-ba-q-ib-dil* с тем же значением, где уже можно выделить детерминатив *-q-*.

числе презенса (ср. *daŋ-s-i-bej*). Учитывая упомянутую выше склонность второго слога в парадигмах с показателями группы *bo/o* к редукции, подобное выпадение легко объяснить с чисто фонетических позиций: выпадение интервокального *-i-* (**bo-k-i-l-i-bej > bo-k-l-i-bej*) имплицитно предполагает появление недопустимого сочетания *-kl-*, которое упрощается в *-l-*.

2.7. Дативный ряд не является "монолитным"; в нем, как и в объективном, также выделяется подряд, условно называемый нами "корреферентный датив" (сокращенно — CD). Приводить здесь его определение было бы излишним.

Как и CO, ряд CD отличается от стандартного датива лишь в третьем лице. Важно отметить, что носителем корреферентного датива (и, соответственно, состоящего при нем агентива) никогда не бывает объект класса вещей. Следовательно, единственный показатель, отличающийся в CD от простого датива, — показатель третьего лица мужского и женского классов *bu* (еще одна аналогия с объективом: и там и там в случае корреферентности происходит нейтрализация оппозиции "мужской — женский").

Разумеется, уже из самого названия "корреферентный датив" вытекает, что не бывает глаголов, на которых определен лишь CD, и, соответственно, ему всегда предшествует показатель агентива. Приведем пример парадигмы.

<i>d-ba-t-i-suk</i>	'я-оттолкнусь'
<i>k-ku-t-i-suk</i>	'ты-оттолкнешься'
<i>d-bu-t-i-suk</i>	'он-оттолкнется'
<i>də-bu-t-i-suk</i>	'она-оттолкнется'
<i>d-daŋ-t-i-suk-n</i>	'мы-оттолкнемся'
<i>k-kaŋ-t-i-suk-n</i>	'вы-оттолкнетесь'
<i>d-bu-t-i-suk-n</i>	'они-оттолкнутся'

Претерит: *d-ba-t-i-l-suk*, *k-ku-t-i-l-suk*, etc.

(В этой парадигме мы бы ожидали появления квази-объектива *-s-*, но не исключено, что он просто слился с последующим *-s-* корня.)

Видно, что CD сохраняет все формальные признаки датива, прежде всего — последующий детерминатив (в данном случае *-t-*). Согласование по числу здесь вполне регулярно: мн. ч. датива выража-

ется внутри показателя, мн. ч. агента — суффиксом.

Естественно, что, поскольку показатели стандартного датива делятся на две группы — *ba/a* и *bo/o*, то и показатели CD будут делиться на два ряда, соответственно *ba/bu* и *bo/bu*. Приведем пример парадигмы с рядом *bo/bu* (из области сложных глаголов):

<i>d-siŋ-bo-k-a-bet</i>	'я-завязываюсь'
<i>k-siŋ-ku-k-a-bet</i>	'ты-завязываешься'
<i>d-siŋ-bu-k-a-bet</i>	'он-завязывается'
<i>də-siŋ-bu-k-a-bet</i>	'она-завязывается', etc.

Различие между этими двумя рядами иногда бывает довольно сложно обнаружить, поскольку единственная словоформа, в которой не нейтрализуется оппозиция двух рядов, — первое лицо ед. ч.

Что касается семантики кореферентного датива, то здесь иногда возникают проблемы. Идеальная ситуация — наличие противопоставления CD и стандартного датива. Так, наряду с формами *d-ba-t-i-suk*, *k-ku-t-i-suk*, *d-bu-t-i-suk*, приводимыми выше, мы располагаем (взятыми из ГКЯ) формами типа *d-ba-t-i-suk* 'меня-оттолкнет', *d-ku-t-i-suk* 'тебя-оттолкнет', *d-a-t-i-suk* 'его-оттолкнет', где первое *d-* — агентивный показатель третьего лица м. к.

Точно так же, наряду с приведенными выше формами глагола "завязываться", мы располагаем формами глагола "завязывать": *d-siŋ-bok-a-bet* 'меня-завязывает', *d-siŋ-ku-k-a-bet* 'тебя-завязывает', *d-siŋ-o-k-a-bet* 'его-завязывает', и т. д. Подобных случаев немало (на русский все они переводятся соответствующими возвратными и переходными глаголами; в кетском же в данных случаях противопоставление выражается на уровне датива, как бы 'я-себе-толкну', 'он-мне-толкнет', 'я-себе-завяжу', 'он-мне-завяжет').

Более серьезные проблемы возникают в тех случаях, когда нельзя найти противопоставление CD — D, т. е. когда в парадигме представлены показатели кореферентного датива, но не представлены показатели стандартного датива. Так, например, корень *ok* 'дрожать' образует формы следующим образом: *d-ba-t-ok* 'я-вздрагну', *k-ku-t-ok* 'ты-вздригнешь', *d-bu-t-ok* 'он-вздригнет', *də-bu-t-ok* 'она-вздригнет', etc. Следует ли анализировать этот глагол как 'я-себе-вздрагну', 'ты-себе-вздригнешь', etc.? Аналогичный случай мы видим и в другой парадигме, тоже образуемой от корня со значением "вздрагнуть": *d-ba-*

-n-s-i-kil, k-ku-n-s-i-kil, etc., где также присутствует квази-объектив -s-.

Некоторый интерес в этом отношении представляет для нас статья В. Г. Шабаева (Шабаев 1987), в которой, в частности, утверждается, что показатели рядов *ba/bu*, *bo/bu* часто выражают действие, "инактивно" выполняемое над собой субъектом, как-то: "вздрыгнуть", "непроизвольно вскочить", "заблудиться", etc.²⁴.

Несколько более запутанный случай CD будет обсуждаться ниже, поскольку в задачи данного раздела не входит описание трехактантных комбинаций.

2.8. Такова устанавливаемая нами актантная система кетского глагола. Несмотря на то, что отдельные моменты ее могут показаться несколько громоздкими, неудобоваримыми или, с первого взгляда, маловероятными (некоторые из этих моментов еще будут разбираться ниже), мы все же считаем, что с помощью данного "инвентаря" кетский глагол может быть описан если не исчерпывающе, то, во всяком случае, значительно более полно, чем в ТС.

Резюмируя все вышесказанное, мы постулируем для кетского глагола три основных актантных ряда — агентив (A), датив (D) и объектив (O), с тремя подрядами — кореферентный объектив (CO), квази-объектив (O') и кореферентный датив (CD). Агентив выражает идею основного носителя действия; датив — объект, так или иначе затрагиваемый совершающимся действием; объектив — объект, на который направлено действие, или, точнее, непосредственно подвергающийся действию. Корреферентные подряды выражают идею совпадения референта второго или третьего актанта с агентивом, в то время как функцию квази-объективного подряда пока сложно выразить конкретными формулировками.

²⁴ Основываясь на подобной гипотезе (т. е. на гипотезе о важности значения агентива в подобных формах), можно провести различие между формами типа *d-ba-t-ok* и формами типа *ba-t-i-b-git* 'яэто-чую', *ba-k-a-b-da* 'яэто-слышу' (букв. 'мне-это-чуется, мне-это-слышится') в том отношении, что во втором случае неопределенным (т. е. не выраженным грамматически) агентивом обуславливается факт непроизвольного восприятия дативом того или иного явления, в то время как в первом случае факт этот обуславливается самим носителем датива.

Для наглядности приведем здесь еще раз все вышеописанные показатели в виде таблицы.

		A	A редуц.	O	CO	O'
Ед.ч.	1-е л.	di	d	di	di	s
	2-е л.	ku	k	ku	ku	s
	3-е л. м.	du	d	a-j/o	s-a/j-a	s
	3-е л. ж.	də	də	i-j/i-d	s-a/j-a	s
	3-е л. в.	də	də	b	b-a	b
Мн.ч.	1-е л.	di	d	daŋ	daŋ	s
	2-е л.	ku	k	kaŋ	kaŋ	s
	3-е л.	du	d	aŋ-a/oŋ-o	s-aŋ/j-aŋ	s
		D/a/	D/o/	CD/a/	CD/o/	
Ед.ч.	1-е л.	ba	bo	ba	bo	
	2-е л.	ku	ku	ku	ku	
	3-е л. м.	a	o	bu	bu	
	3-е л. ж.	i	u	bu	bu	
	3-е л. в.	i/0	u/0	?	?	
Мн.ч.	1-е л.	daŋ	daŋ	daŋ	daŋ	
	2-е л.	kaŋ	kaŋ	kaŋ	kaŋ	
	3-е л.	aŋ	oŋ	buŋ	buŋ	

Строго говоря, для дативных показателей в этой таблице нам следовало бы выделить два, а не четыре, ряда, поскольку, как было показано выше, дативный ряд на самом деле один, а различие между "подрядами" ba/a и bo/o заключается в присоединении дополнительной уточняющей морфемы с пока не вполне ясным статусом.

В заключение данного раздела мы хотели бы еще раз подчеркнуть отличие нашей системы от прочих и ее целесообразность.

Выделение в кетском глаголе "глубинных актантов", в общем, не является чем-то новым. Этим, в частности, занимались такие исследователи, как Э. А. Белимов, М. Н. Валл, И. А. Канакин и Г. К. Вернер (Белимов 1986, Валл, Канакин 1988, Вернер 1984, Вернер 1990). Принципиальное отличие нашей системы заключается, как мы полагаем, в вынесении на первый план проблемы чисто позиционного анализа показателей и приписывания им определенных семантических функций по принципу "сколько мест — столько функций" (для уп-

рощения терминологии мы не прибегаем здесь к понятию "грамматики порядков", на которую, в частности, опирается С. С. Буторин в своей диссертации (Буторин 1995).

В этом смысле мы принципиально не согласны с некоторыми моментами в системе Э. А. Белимова, который, в частности, выделяет в качестве особой "роли" рефлексив, выражаемый показателями рядов ba/bu , bo/bu и $d/0$ (Белимов 1986: 21), между тем как совершенно очевидно, что категория рефлексивности (кореферентности) не представляет собой семантической "роли" и не должна смешиваться с категорией актантажной характеристики (см. 5.6); это видно уже из того, что в системе Э. А. Белимова, таким образом, смешиваются два принципиально различных ряда показателей — CD и CO .

Непонятно и принципиальное отличие выделяемой Э. А. Белимовым роли "контрагента" (ряд d/a) от роли "пациенса" (условно выделяемый ряд b/b); причина этого заключается опять-таки в том, что не учтена позиция этих двух рядов в словоформе. Как нам кажется, выделять несколько принципиально отличных друг от друга семантических ролей, имеющих различное поверхностное выражение, можно лишь в том случае, когда выражающие их показатели занимают разные позиции в словоформе, т. е. не находятся в отношении дополнительной дистрибуции; в противном случае основная их семантическая функция должна быть одна и та же. Поэтому разграничение ролей "контрагента" и "пациенса" в кетском глаголе формально не оправдано, поскольку они не могут встречаться в одной словоформе. Выделение же в кетском языке всего трех ролей вполне целесообразно, так как для каждой из них, с одной стороны, закреплена определенная позиция в словоформе, с другой — они не находятся в дополнительном распределении друг с другом.

Можно, разумеется, возразить, указав, например, на различие между рядами ba/a и bo/o , которые занимают одну и ту же позицию в словоформе. Но необходимо учесть, что, во-первых, различие их семантических функций до сих пор не выявлено, а, во-вторых, что даже в случае обнаружения между ними четкой семантической дифференциации основной их функцией все равно останется выражение идеи косвенного объекта (датива). В этом отношении имеет смысл построение некоторой семантической иерархии: выражение основной семантической функции может осложняться выражением некоторых дополнительных оттенков значения. Тем не менее, эти "до-

полнительные оттенки" все равно не будут иметь тот же статус, что и основное значение.

Поясним это на примере кореферентности.

Допустим, мы выделяем в кетском глаголе категорию актантной характеристики, постулируя в ней три значения: агентив (А), датив (D), объектив (O). Помимо стандартных показателей этих трех ролей, мы также имеем показатели кореферентного датива и кореферентного объектива (соответственно CD и CO). Возможны два способа их интерпретации. Первый — признать их в качестве еще двух значений данной категории. Однако с точки зрения смысла он абсолютно не оправдан, так как показатели CD и CO, с одной стороны, и показатели А, D и O, с другой, противопоставлены друг другу не по своей основной семантической функции, а по наличию — отсутствию признака "кореферентность". Следовательно, мы должны выбрать второй способ — выделить в кетском глаголе категорию кореферентности со значениями "кореферентный" — "некореферентный".

Точно так же мы поступили бы и с показателями *ba/a* и *bo/o*, будь мы уверены в различии их "дополнительных оттенков значения". Предположим, что Г. К. Вернер прав, утверждая, что они различаются по признаку "центростремительность" — "центробежность". Но это вовсе не доказывает необходимость выделять новую актантную характеристику, поскольку основной элемент значения, по которому и ряд *ba/a*, и ряд *bo/o* противопоставлены агентивным и объективным рядам, остается тем же самым — идея косвенного объекта. Следовательно, мы вынуждены будем признать существование в кетском глаголе категории "направления действия по отношению к говорящему" или что-либо в этом роде.

Именно этот момент крайне важно учесть при построении системы семантических ролей в кетском языке.

Выделение нами трех основных ролей также практически а priori имплицитно подразумевает их значения: субъекта, объекта и косвенного объекта действия, т. е. мы можем с большой степенью вероятности приписать им эти значения даже без скрупулезного семантического анализа парадигм, с чисто "позиционной" точки зрения. Тем не менее, как можно убедиться, семантический анализ лишь подтверждает правильность наших гипотез.

3.0. Сочетаемость актантов в пределах одной парадигмы кетского глагола.

3.1. Начать данный раздел представляется нам удобнее всего с самого элементарного — одноактантного согласования. Впрочем, возможно, что слово "элементарное" в данном случае вряд ли уместно, поскольку дальнейшие наблюдения приносят с собой самые разнообразные парадигмы, и некоторые первоначальные концепции приходится перестраивать по ходу дела иногда даже по нескольку раз. Так, до недавнего времени мы были убеждены, что не существует парадигм с определенным на них объективом и неопределенным агентивом; однако в настоящее время мы убеждаемся в том, что к подобному утверждению необходимо добавить некоторые серьезные поправки (см. ниже). Тем не менее, общая картина возможных кетских моделей управления у нас уже более или менее выработана.

3.1.1. Об одноактантных парадигмах с определенным на них агентивом мы уже говорили выше. Здесь отметим только, что статистически таких глаголов крайне мало; так, среди одноосновных глаголов их обнаружено не более десяти. Среди сложных глаголов, однако, количество таких моделей гораздо значительнее, в частности, так строятся парадигмы большинства глаголов на *-bed* (см. 6.4).

Подчеркнем, что к одноактантным глаголам мы также причисляем те парадигмы, в которых представлены квази-объективные конструкции А и Б. Это тем более важно учесть, что, как было сказано в разделе 2.5, почти все глаголы рамки (*_A*) имеют в своем составе показатель *-s-*.

3.1.2. Интересно, что глаголов с "чистым" дативом практически не обнаружено. Иногда может создаться впечатление, что в такой-то парадигме, кроме датива, никаких актантов нет, но это впечатление ложно: в этих парадигмах обязательно содержится либо показатель квази-объектива, либо агентива (в ГКЯ он часто не указывается по причинам сандхи).

Единственное исключение из данного правила — глагол "идти". Ср. следующие формы²⁵:

²⁵ Мнимый супплетивизм основ этого глагола, по-видимому, следует объяснять слиянием в претерите показателя *-n* с корнем *tn*.

bo-k-a-tn	'я-иду'	bo-k-o-n	'я-пошел'
ku-k-a-tn	'ты-идешь'	ku-k-o-n	'ты-пошел'
o-k-a-tn	'он-идет'	o-k-o-n	'он-пошел'
u-k-a-tn	'она-идет'	u-k-o-n	'она-пошла'

С семантической точки зрения этот глагол крайне затруднительно поместить в рамку нашей концепции датива. Формально его следовало бы поставить на один уровень с глаголами типа bo-k-s-i-bej 'меня-ветром-несет', где дативный показатель первого лица символизирует затрагиваемость говорящего основным процессом. В данном случае, однако, значение глагола включает элемент произвольного исполнения действия говорящим, являющимся его основным носителем и производителем, т. е. мы ожидали бы рамки ($_A$) или ($_A$, CO). Приходится признать, что с синхронной точки зрения данный глагол представляет собой исключение из общей характеристики дативных показателей.

3.1.3. Выше было замечено, что глаголов, на которых определен только объектив, практически нет. Это почти полностью верно для простых глаголов, где объектив регулярно имплицитно подразумевает появление агента. При анализе сложных глаголов, однако, возникают некоторые затруднения. Ср. следующую парадигму²⁶:

sit-di	'я-проснусь'
sit-ku	'ты-проснешься'
sit-a-j-a	'он-проснется'
sit-j-a	'она-проснется'
sit-daŋ-a	'мы-проснемся'
sit-kaŋ-a	'вы-проснетесь'
sit-aŋ-a	'они-проснутся'

²⁶ Формы первого и второго лица претерита в ГКЯ не приводятся, поскольку, по утверждению Е. А. Крейновича, "кеты приводили в этих случаях те же словоформы, что и для будущего времени". Отсутствие второй основы в первом и втором лице презенса можно объяснить лишь выпадением конечного -а (ср. аналогичную ситуацию в глаголе есть: du-p < du-b-a 'он-это-ест'). Первая основа в этом глаголе — sit, но значение ее неясно. Возможно, следует сопоставлять ее с si 'ночь', но что тогда означает формант -t? Обратите внимание на объектив женского класса в презенсе: выпадение -i- после смычного -t-.

Личные показатели, имеющиеся в этих формах, являются объективными. При этом им не предшествует агентив, что доказывается хотя бы формой третьего лица ж. к., где агентив не должен ни выпадать, ни отходить к предыдущему слову; тем не менее, на этом месте мы не имеем показателя *də*.

В сложных глаголах засвидетельствовано еще несколько подобных случаев, наиболее интересными из которых являются некоторые глаголы обладания. Ср. следующие формы:

<i>don-a-j-bet</i>	'нож-он-имеет'	<i>don-o-l-bet</i>	'нож-он-имел'
<i>don-i-j-bet</i>	'нож-она-имеет'	<i>don-did-l-i-bet</i>	'нож-она-имела'

Основное затруднение в этом случае представляет интерпретация второй основы *bet*. Если видеть в ней стандартный корень 'делать', то данные формы придется интерпретировать скорее как 'нож-его-сделает' (*sic!*), 'нож-ее-сделает'. Но даже если разграничить эти две морфемы, все равно не становится яснее, почему главное действующее лицо здесь стоит в объективе.

Любопытно, однако, сравнить эти парадигмы со следующей парадигмой, приводимой Е. А. Крейновичем:

<i>bin-di-s</i>	'я-одетый'	<i>b-i-l-di-s</i>	'я-был-одетый'
<i>bin-ku-s</i>	'ты-одетый'	<i>b-i-l-ku-s</i>	'ты-был-одетый'
<i>a-j-s</i>	'он-одетый'	<i>o-l-s</i>	'он-был-одетый'
<i>i-j-s</i>	'она-одетая'	<i>id-u-l-s</i>	'она-была-одетая'
<i>b-i-daŋ-s</i>	'мы-одетые'	<i>b-i-l-daŋ-s</i>	'мы-были-одетые'
<i>b-i-kaŋ-s</i>	'вы-одетые'	<i>b-i-l-kaŋ-s</i>	'вы-были-одетые'
<i>aŋ-a-s</i>	'они-одетые'	<i>oŋ-o-l-s</i>	'они-были-одетые'

Это единственная парадигма, которой мы располагаем, когда в простом глаголе присутствуют объективные показатели и не присутствуют агентивные. Е. А. Крейнович справедливо рассматривает эту парадигму как производную от стандартного агентивно-объективного глагола с 'одевать' (*di-ku-s* 'я-тебя-одену', *d-a-j-s* 'я-его-одену' и т. д.). Между этой парадигмой, представляющей собой полупричастное образование, и вышеприведенными двумя просматривается явная аналогия.

Мы можем, таким образом, рассматривать все те немногие случаи,

когда наличие объектива не имплицитно подразумевает присутствие агента, как некоторые результирующие определения субъекта, интерпретируя формы этих глаголов как 'я-разбужен' (= 'меня разбудили'), 'я-в-состоянии-обладания-ножом' (= 'меня поставили в это состояние'). В данном случае наша концепция совпадает с мнением Г. К. Вернера, который, в частности, интерпретирует форму *don-di-bed* 'нож-я-имею' как 'ich bin bemessert' (Вернер 1994: 171).

Проблема заключается в том, что, в то время как для глагола "одевать" мы знаем, что эти формы являются трансформациями из обычной парадигмы рамки ($_A$, O), в случае сложных глаголов мы имеем лишь эти парадигмы и никаких других. По этим соображениям, а также вследствие единичности парадигм типа *bin-di-s*, что свидетельствует об их непродуктивности, мы вводим в число стандартных моделей управления одноактантное объективное согласование.

Тем не менее, мы не исключаем, что исторически парадигмы типа *sit-di* и *don-di-bed* являлись производными от глаголов **d-sit-di* 'он-меня-разбудит' и **d-don-di-bed* 'он-мне-нож-сделает(даст)'.

Наша задача, однако, заключается не в том, чтобы до деталей анализировать семантику тех или иных кетских форм, а дать более или менее формальную их характеристику. Следовательно, эти парадигмы будут рассматриваться как парадигмы с определенным на них объективом и неопределенным агентивом²⁷.

3.1.4. Само собой разумеется, что не существует парадигм, на которых определен лишь кореферентный объектив или кореферентный датив; и тот, и другой имплицитно подразумевают наличие перед ними показателя агента. Что касается квази-объективных конструкций, то уже из самого их определения видно, что появление квази-объективного *-b* так же твердо предполагает отсутствие агента, как и появление квази-объективного *-s* предполагает обязательное его наличие. Та-

²⁷ Интересен компонент *bin-* в первых двух лицах парадигмы глагола *bin-di-s*. Он, несомненно, должен быть отождествлен с морфемой *bin* в квази-объективной конструкции A, судя, в частности, по его поведению в претерите; однако истинная его функция все равно не поддается определению. Ср. также пример из области сложных глаголов: *sel-bin-di-bed* 'я-оленья-(за)-имею', *sel-i-l-di-bed* 'я-оленья-заимел'.

ким образом, квази-объективная конструкция А предполагает одноактантность, в то время как квази-объективная конструкция Б — минимум двухактантность (если, конечно, считать отсутствие объекта частным случаем его присутствия!)²⁸.

3.2. Двухактантное согласование.

3.2.1. Агентив может, как мы уже знаем, свободно сочетаться с объективом, в том числе и с его подрядами, как-то: с кореферентным объективом и с квази-объективом -s- (но не -b-!). Поскольку примеры на подобное согласование уже приводились выше, здесь мы не будем обсуждать эту тему подробнее. Заметим лишь, что статистически это один из самых частотных типов парадигм (модель $_A, O$).

Существует также еще один подвид данной модели управления, записываемый нами условно как $(_A, O^*)$. Этот тип представлен глаголами типа *dop* 'пить', а 'плести' и др. Суть его заключается в том, что, хотя внешне модель управления идентична стандартным агентивно-объективным формам, позиция объектива может занимать исключительно показателем класса вещей -b- (ср. *d-a-b-dop* 'я-это-пью', *d-a-b-a* 'я-это-заплетая'). При этом не следует путать подобные случаи с квази-объективной конструкцией А, где показатель агентива невозможен (почему мы и не можем записывать эту модель в виде $_A, O$). Формально мы могли бы, конечно, образовать формы типа *d-a-j-dop* 'я-его-пью', etc., но, поскольку они не выдаются информантами, предпочитаем считать подобные формы неграмматичными.

3.2.2. Сочетания агентива с дативом также были частично затронуты выше. Поскольку ничего особенного ни с морфологической, ни с семантической точки зрения они не представляют, мы не станем подробно описывать здесь этот тип. Пример парадигмы от глагола "смотреть" уже был приведен выше.

Относительно семантики подобных случаев вряд ли можно сказать что-либо абсолютно конкретное. По-видимому, комбинацию "агентив + датив" следует интерпретировать как действие, совершае-

²⁸ Это, однако, не означает, что квази-объектив всегда предполагает именно такие актантные рамки, поскольку квази-объективная конструкция А довольно часто сочетается с дативом (см. ниже).

мое какимлибо одушевленным субъектом и так или иначе затрагивающее лицо или вещь, выраженную дативом (ср. отличие форм типа d-ba-k-a-do 'он-на-меня-смотрит' от форм типа du-di-s 'он-меня-оденет': в первом случае действие лишь косвенно затрагивает объект, во втором — обращено на него непосредственно).

Про сочетаемость агентива с кореферентным дативом см. 2.7.

3.2.3. Встречаются также случаи двухактантного согласования при неопределенном агентиве, т. е. датив + квази-объектив. Примером подобной парадигмы может служить глагол 'переночевать' (см. выше), но бывают и случаи сочетания датива с квази-объективной конструкцией А, например:

ba-t-i-b-kit	'я-чую'	ba-t-b-i-n-kit	'я-чуял'
ku-t-i-b-kit	'ты-чуешь'	ku-t-b-i-n-kit	'ты-чуял'
a-t-i-b-kit	'он-чует'	a-t-b-i-n-kit	'он-чуял', etc.

Как нужно анализировать подобные случаи? В ТС до сих пор считалось, что морфема -b- в таких парадигмах в настоящее время уже "омертвела", т. е. утратила какую-либо грамматическую функцию и должна считаться "детерминативом".

Для решения этой проблемы, по-видимому, необходимо произвести детальный анализ парадигмы типа 'чуять'.

Агентива здесь, как мы видим, нет (это автоматически вытекает из анализа формы третьего лица). Следовательно, основной "производитель" действия в данном случае не определен. Актант, в русском выражающийся именительным падежом и считающийся субъектом действия, в данном случае выражен дативом, что свидетельствует о том, что действие не производится им, но затрагивает его (что естественно, т. к. 'чуяние' чего-либо является произвольным процессом). Таким образом, разобравшись с основными действующими лицами, остается установить еще характер процесса: является ли действие направленным на какой-либо объект или не является?

Поскольку глагол 'чуять' является переходным, т. е. 'чуять' можно что-либо, но нельзя 'чуять' абстрактно, вполне естественно было бы требовать от него согласования с прямым объектом. В данном случае таким прямым объектом и является -b- 'это'.

Разберем еще один пример:

ba-k-a-b-uk	'(искра)-в-меня-влетит'
ku-k-a-b-uk	'(искра)-в-тебя-влетит'
a-k-a-b-uk	'(искра)-в-него-влетит'
i-k-a-b-uk	'(искра)-в-нее-влетит'
k-a-b-uk	'(искра)-в-это-влетит'

Здесь мы опять-таки имеем хороший пример квази-объективной конструкции А. В "чистом" виде эта конструкция представлена в форме k-a-b-uk, где мы видим отсутствие агента плюс показатель -b- в позиции объектива. Поскольку, однако, данная парадигма "осложнена" дативными показателями ('в-меня', 'в-тебя', ... 'в-это'), то при анализе формы kabuk необходимо постулировать также нулевую морфему показателя датива класса вещей.

3.3. Трехактантное согласование.

Тема согласования с тремя актантами — одна из наиболее сложных, поскольку основная особенность подобного согласования заключается в том, что в кетском практически не встречаются парадигмы, в которых были бы способны изменяться (по лицу, по классу, etc.) все три актанта сразу. Стандартная ситуация для трехактантного согласования — взаимонезависимое изменение двух актантов при фиксированном третьем либо изменение всех трех, но при взаимозависимом изменении двух из них (корреферентные датив и объектив). При этом на трехактантное согласование накладываются довольно строгие ограничения, в результате чего имеется лишь несколько возможных структур, которые мы здесь и рассмотрим.

Обращаясь к описанию трехактантных структур в кетском, полезно для большей ясности различать такие случаи, когда глубоко-семантически ("реально") в описываемой ситуации действительно представлено три участника, и, следовательно, мы имеем наиболее простую и "естественную" корреляцию плана выражения и плана содержания, и такие, когда в ситуации количество участников не достигает трех (последнее, как уже было сказано, встречается чаще).

Для выражения "реальной" трехактантности существует единственный тип плюс один нестандартно устроенный глагол (d-b-i-d-aq 'он-мне-это-даст'). Что же касается различных вариантов трехрядного оформления описывающих двух- или даже одноактантные ситуации

глаголов, то они, по-видимому, обусловлены какими-то довольно нетривиальными поверхностно-семантическими причинами.

Мы будем различать эти два явления как "реальную" трехактантность и поверхностную трехактантность.

3.3.1. Агентив + (корелферентный) датив + объектив -b-

Начнем с анализа глаголов, описывающих ситуации с тремя "реальными" участниками (собственно, с тремя референтами). Повидимому, поверхностно трехактантными (трехрядными) и при этом описывающими действительно трехреферентную ситуацию могут быть только те глаголы, которые и глубинно-семантически трехактантны; сирконстанты не повышаются поверхностно до ранга актантов (не маркируются в глаголе). Рассмотрим сначала подобные глаголы, в которых заполнен датив (глагол "дать" — особый случай):

а) d-ba-n-b-u 'он-мне-это-дает' d-ba-n-b-l-u 'он-мне-это-давал'
 d-ku-n-b-u 'он-тебе-это-дает' d-ku-n-b-l-u 'он-тебе-это-давал'
 d-a-n-b-u 'он-ему-это-дает' d-a-n-b-l-u 'он-ему-это-давал'

б) d-ba-k-i-b-daḡ 'он-в-меня-[это]-выстрелит (бросит)'
 d-ku-k-i-b-daḡ 'он-в-тебя-[это]-выстрелит (бросит)'
 d-a-k-i-b-daḡ 'он-в-него-[это]-выстрелит (бросит)'

Претерит: d-ba-k-i-m-daḡ < d-ba-k-i-b-n-daḡ, etc.

в) d-bo-k-a-b-da 'он-мною-это-накрывает'

Претерит: d-bo-k-a-b-i-l-da, etc.

Ни у одного из этих глаголов, как можно думать, участник, маркированный дативом, не отличается "низким рангом". Он принадлежит, подобно двум другим, к числу прежде всего затрагиваемых действием и непосредственно его характеризующих; так, для 'накрывать', наряду с информацией об агенсе и пациенсе, важна информация о том, что используется для воздействия на пациенс.

Для форм типа d-k-i-b-daḡ 'я-в-это-это-кину, выстрелю', d-k-a-bda 'я-этим-это-накрою' мы вводим нулевой показатель датива вещного класса (так же, как и для двухактантных форм типа k-a-b-uk, см. выше).

У таких парадигм, как и у двухактантных типа d-a-b-dop, есть одно строгое формальное правило: объектив в них может заполняться только показателем -b-: ср. bu abaḡa kidə dbanbu 'он мне это дает' и bu abaḡa buḡ dbanbu 'он мне их дает', bu abaḡa budə dbanbu 'он мне ее дает', etc. Однако причины этого явления в глаголах типа d-a-b-dop и d-ba-n-bu разные. В первом из них объективный ряд полностью не выстраивается по семантическим причинам (любое питье относится к классу вещей). В случае с дативными парадигмами удобнее считать, что "ущербность" объективного ряда связана именно с наличием датива. Действительно, если глаголы d-ba-k-i-b-daḡ и d-bo-ka-b-da имеют ту же семантическую особенность, что и d-a-b-dop (поскольку пуля и "инструмент покрывания" могут трактоваться только как относящиеся к вещному классу), то для глагола 'давать' уже вполне возможен объект любого класса и лица. Таким образом, наличие датива детерминирует нейтрализацию всех личных и числовых различий в ряду объектива и сохранение только маркировки самого присутствия объекта, осуществляемой посредством -b-.

С большими сложностями мы сталкиваемся при соответствии трехактантного глагола двух- или однореферентной ситуации. Оставляя в стороне парадигмы с показателем -s-, обратимся к парадигмам с показателем -b-. Среди таких парадигм с агентивом и дативом представлены соответственно два случая: а) с некорреферентным дативом (при двух глубинных участниках) и б) с корреферентным дативом (при одном участнике). Примеры:

a) d-ba-t-a-b-tad	'он-ко-мне-пристает'
d-ku-t-a-b-tad	'он-к-тебе-пристает'
d-a-t-a-b-tad	'он-к-нему-пристает'
d-i-t-a-b-tad	'он-к-ней-пристает', etc.

Претерит: d-ba-t-o-b-i-l-tad, etc.

С рядом bo/o:

d-bo-k-b-i-taḡ	'он-меня-обвенчает'
d-ku-k-b-i-taḡ	'он-тебя-обвенчает'
d-o-k-b-i-taḡ	'он-его-обвенчает'
d-u-k-b-i-taḡ	'он-ее-обвенчает', etc.

Претерит: d-bo-k-b-i-n-taŋ, etc.

б) d-ej-ba-k-a-b-daŋ	'я-брошусь (на землю)'
k-ej-ku-k-a-b-daŋ	'ты-бросишься'
d-ej-bu-k-a-b-daŋ	'он-бросится'
də-ej-bu-k-a-b-daŋ	'она-бросится', etc.

Претерит: d-ej-ba-k-o-m-daŋ, etc.

Попробуем интерпретировать эти парадигмы с семантической точки зрения.

В первом из приведенных случаев показатели агентива и датива как бы стоят на своем месте; однако роль показателя -b- довольно туманна. Для выяснения источников ее появления следует проанализировать следующие формы:

du-d-tad 'он-меня-бьет', du-a-tad 'он-его-бьет', du-b-tad 'он-это-бьет'.

Глагол 'приставать' является, несомненно, производным от глагола 'бить', будучи сгенерирован путем некоторой трансформации модели управления, т. е. с помощью добавления нового актанта — датива, для выражения значения не прямого воздействия на объект, а косвенного. Глагол, тем не менее, остается переходным, следовательно, требует заполнения позиции объектива, при этом делается это с как можно меньшим "плеонастическим" уклоном, т. е. объектив заполняется не всеми показателями, изменяющимися параллельно с дативными, но одним лишь -b-, которое, таким образом, частично лишено своего первичного значения и в данном контексте означает скорее "направленность действия на объект (вне зависимости от класса объекта)", т. е. переходность глагола.

Так же следует интерпретировать и глагол 'венчать'. Он является, несомненно, производным от глагола di-b-taŋ 'я-это-верчу' (Е. А. Крейнович объясняет такую странную деривацию через обычай обхождения шаманом новобрачных). Процесс тот же самый: добавление нового актанта, утрата старым своих первоначальных функций и превращение его в маркер переходности.

Именно поэтому показатель -b- в данном контексте назван нами не квази-объективным, а стандартным, поскольку формально он ведет себя как нормальный объектив (в частности, согласуется с заполненным агентивом).

У данной семантической интерпретации также имеются и свои

недостатки, главный из которых заключается в том, что в некоторых случаях при "дательной трансформации" показатель *-b-* все же исчезает из глагола. Ср., например, форму сложного глагола *d-tō-ba-ka-tad* 'он-меня-схватит' или *d-karasin-ba-t-a-kit* 'он-меня-керосином-намажет' при *d-t-a-b-kit* 'я-это-мажу'. Причины этого явления неясны; возможно, они связаны с какими-либо более поздними способами образования глаголов.

Мы видим, таким образом, что в этом типе трехактантного согласования соответствия между глубинной и поверхностной семантикой довольно нетривиальны и неоднозначны. Приведем здесь классификацию переходов от глубинно-семантической падежной рамки к поверхностно-семантической, осуществляемых с учетом словарной информации, а именно "идиосинкретических" свойств корня (или, точнее, основы — как мы видели, простому глаголу с *-b-* может соответствовать сложный без *-b-*):

- 1) [Ag+Dat+Obj] → (*_A, D, O**): *d-ba-n-b-u, d-o-k-a-b-da*.
- 2) [Ag+Dat/Obj] → (*_A, D, O**): *d-ba-t-a-b-tad, d-bo-k-b-i-taŋ*.
- 3) [Ag+Dat/Obj] → (*_A, D*): *d-siŋ-bo-k-a-bed*.
- 4) [Ag] → (*_A, CD, O**): *d-ej-bu-k-a-b-daŋ*.
- 5) [Ag] → (*_A, CD*): *d-siŋ-bu-k-a-bed*.

3.3.2. Агентив + датив + кореферентный объектив.

Здесь в нашем распоряжении, к сожалению, всего одна парадигма (глагола 'продать'), которая также является производной от приведенного выше глагола 'торговать'. Хотя фиксированных актантов в этом типе и нет, но, поскольку кореферентный объектив изменяется только в зависимости от изменения агентива, парадигма опять-таки несвободна. Приведем некоторые формы:

<i>d-o-k-di-qa</i>	'я-его-продам'
<i>k-o-k-k-i-qa</i>	'ты-его-продашь'
<i>d-o-k-s-a-qa</i>	'он-его-продаст'
<i>də-o-k-s-a-qa</i>	'она-его-продаст'
<i>d-o-k-daŋ-qa</i>	'мы-его-продадим'
<i>k-o-k-kaŋ-qa</i>	'вы-его-продадите'
<i>d-o-k-s-aŋ-qa</i>	'они-его-продадут'
<i>d-u-k-di-qa</i>	'я-ее-продам', etc.

Претерит: d-o-l-di-qa, k-o-l-k-i-qa, d-o-l-a-qa, etc.

Выше мы уже отмечали довольно необычную структуру глагола 'торговать', определяя на нем агентив и кореферентный объектив. Исходя из этой структуры, нетрудно представить себе деривацию глагола 'продать' как вставку лишнего актанта (в данном случае — дативных показателей ряда bo/o) в определенную позицию.

Таким образом, процесс деривации оказывается аналогичным процессу образования тех или иных парадигм типа A+D+O(b,s), за исключением того факта, что показатели объектива остаются на своих местах, несколько не трансформируясь (по-видимому, в силу своей кореферентности).

3.3.3. Агентив + кореферентный датив + объектив.

На этот тип также не слишком много примеров, но тем не менее они имеются. Ситуация с изменением по актантным рядам здесь та же, что и в предыдущем случае: датив изменяется только вместе с агентивом, объектив — независимо от них. Хороший пример — глагол 'нести':

d-bo-k-ku-qus	'я-тебя-унесу'
d-bo-k-a-qus	'я-его-унесу'
d-bo-qus	'я-ее-унесу'
d-bo-k-b-i-qus	'я-это-унесу'
d-bo-k-kaŋ-qus	'я-вас-унесу'
d-bo-k-aŋ-qus	'я-их-унесу'
k-ku-k-di-qus	'ты-меня-унесешь', etc. ²⁹

Если в плане выражения с данной парадигмой все, в общем, обстоит благополучно, то в плане содержания при ее интерпретации возникают некоторые затруднения. Поскольку приведенным выше формам не противопоставлены формы со стандартным, некорреферентным дативом (типа 'оттолкнуться', см. выше), неясно, как понимать вообще появление в этой позиции датива, в результате чего мы имеем нечто вроде 'я-себе-его (это) несусу'.

²⁹ Форма ж. к. d-bo-qus, возможно, возникла вследствие выпадения -i- и ассимиляции детерминатива -k- начальному согласному корня, т. е. d-bo-k-i-qus > d-bo-k-qus > d-bo-qus.

Приведем еще один пример подобной парадигмы:

d-ba-n-t-a-j-tiŋ	'я-ему-что-то-сделаю'
d-ba-n-t-i-j-tiŋ	'я-ей-что-то-сделаю'
d-ba-n-t-a-b-tiŋ	'я-с-этим-что-то-сделаю'
d-bu-n-t-a-j-tiŋ	'он-ему-что-то-сделает', etc.

Здесь мы также имеем регулярно заполненный объектив и комбинацию A+CD. Для данного глагола, судя по имеющимся примерам, мы можем предположить, что кореферентный датив находится здесь в своей нормальной функции, т. е. обозначает действие, производимое "для себя" или "по отношению к себе", т. е., в данном случае, бенефактив. Сложнее, но все же возможно, постулировать это же значение бенефактива и для предыдущей парадигмы, т. е. 'я-для-себя-несу'.

К этому же типу относится глагол "вытащить":

d-ba-t-u-daŋ	'я-тебя-вытащу'
d-ba-t-a-daŋ	'я-его-вытащу'
d-ba-t-daŋ	'я-ее-вытащу' (отметим регулярное выпадение i)
d-ba-t-a-b-daŋ	'я-это-вытащу', etc.

Странной особенностью данной парадигмы являются формы с объектом первого лица, приводимые Е. А. Крейновичем: [k]-ba-t-a-daŋ 'ты-меня-вытащишь', [d]-ba-t-a-daŋ 'он-меня-вытащит'. Ожидалось бы, разумеется, k-ku-t-di-daŋ и d-bu-t-di-daŋ; однако в этих формах позиция объектива почему-то оказывается незаполненной, а выражение объекта действия осуществляется при помощи датива, т. е. эти формы как бы "переносятся" в тип A+D. Единственное объяснение, которое мы можем дать относительно этого феномена, — некорректность данных форм. В самом деле, форма [d]-ba-t-a-daŋ могла быть сконструирована информантом по аналогии с, скажем, формой [k]-ku-ta-daŋ 'ты-его-вытащишь', поскольку после отпадения агентивных показателей и переосмысления морфемы -a- в этой форме как маркера спряжения вместо показателя объектива такая аналогия вполне возможна.

3.4. Таковы возможные комбинации актантов в глагольной сло-

воформе. Рассмотрение их позволяет нам сказать несколько слов в целом о кетской модели управления.

Как уже было отчасти сказано выше, кетское управление как бы инкорпорировано внутрь глагола, выражаясь не столько в согласовании с теми или иными падежами, сколько в установлении определенных актантных отношений внутри самой глагольной формы. Это автоматически предполагает тот факт, что при описании любого глагольного корня в словарной статье мы обязаны приводить рядом его модель управления, поскольку без этого мы будем не в состоянии образовать от него ни одной формы.

Здесь мы намерены дать краткий перечень тех возможных моделей, которые могли бы встречаться в словарных статьях. При этом необходимо сразу оговорить, что ради удобства мы выпускаем из системы квази-объективную конструкцию Б, что, хотя и может привести к не совсем точным результатам, все же приходится сделать, поскольку функция ее определена еще очень относительно.

Возможные модели управления будут приводиться как рамочные контексты (следуя Филлмору). Мы выделяем семнадцать таких контекстов, разбивая их на четыре класса.

А. Агентивный тип:

1) ($_A$): глаголы, на которых определен чистый агентив и невозможна квази-объективная конструкция А (типа $\text{loq}\eta$ 'трястись', где невозможны формы типа $*i\text{-b-loq}\eta$ 'трясется-это'); в случае появления в глаголе преверба или первой основы на нем становится определена квази-объективная конструкция Б.

2) ($_A$ (O')): то же самое, но с определенной на глаголе квази-объективной конструкцией А (типа qo 'умирать'). Вероятно также, что для глаголов, в которых квази-объектив представлен показателем bin (см. 2.5), придется вводить особую помету (O' -bin?).

3) ($_A$, CO): "перекрестные" глаголы (см. выше).

Б. Объективный тип:

4) ($_O$): крайне редкий тип, представленный лишь несколькими сложными глаголами (см. выше).

5) ($_A$, O): субъектно-объектные парадигмы, не допускающие появления рефлексива (что, в общем, лексически обусловлено).

6) ($_A$, CO): рефлексивные парадигмы, не допускающие некорреспондентности;

7) ($_A$, O), (CO): наиболее стандартный тип, допускающий и то, и

другое.

8) ($_A, O^*$): случай d-a-b-dop и d-a-b-a.

В. Дативный тип:

9) ($_D$): тип bo-k-a-tn и ba-k-i-s-sāl.

10) ($_A, D$): агентивно-дативные отношения, не допускающие ко-референтности.

11) ($_A, CD$): агентивно-дативные отношения, не допускающие некорреферентности; на таких глаголах (в *i*-спряжении) всегда определена квази-объективная конструкция Б.

12) ($_A, (D), (CD)$): агентивно-дативные отношения, допускающие и то, и другое (в одноосновных глаголах — тип весьма редкий; пример — suk 'оттолкнуть(ся)')³⁰.

13) ($_D, O'$): тип ba-t-i-b-kit, ba-k-a-b-uk.

Г. Трехактантный тип:

14) ($_A, D, O^*$): тип d-ba-t-a-b-tad. Объектив отмечен звездочкой, поскольку, с одной стороны, не является квази-объективом, с другой, все же имеет "дефекты".

15) ($_A, CD, O^*$): тип d-ej-bu-k-a-b-daq.

16) ($_A, D, CO$): тип d-o-k-di-qa.

17) ($_A, CD, O$): тип d-bo-k-ku-qus.

Весьма соблазнительно было бы, конечно, объединить типы, с одной стороны, 5, 6, 7, а с другой, 9, 10, 11 в один; однако поскольку ни в одном из них выбор модели управления однозначно не предсказывается, такое решение вряд ли возможно.

В данном списке не приводятся те структурные модели, которые являются регулярными трансформациями соответствующих типов. Так, не учтена модель императива (с выпадением агентивных показателей и *b*, см. 5.1) и результата (с выпадением агентивных показателей и инкорпорацией показателя *-j-a-*, см. 5.3).

Таким образом, скажем, глагол tad 'бить' и его модель управления будут выглядеть так:

tad 'бить' ($_A, (O), (CO)$); Der(**tad**) 'приставать' ($_A, D/a-t/, O^*$).

Из подобной строчки можно извлечь следующую информацию: а) существует двухактантный глагол tad; б) модель управления — аген-

³⁰ Для датива следовало бы ввести также несколько дополнительных символов, определяющих группу показателей (ba или bo) и детерминатив. Следовательно, датив будет записываться так: D/a-k/, D/o-k/, D/a-t/, CD/a-t/, и т. д.

тивно-объективная, с разрешением кореферентности объекта; в) существует производный от *tad* одноосновный же глагол; г) модель управления — трехактантная, со стандартным агентивом и дативом плюс показатель класса вещей *-b-*. Это тот минимум информации, который необходим и достаточен для правильного определения модели управления.

3.5. Последний вопрос, который следовало бы затронуть в связи с проблемой модели управления кетского глагола — это проблема реального синтаксического согласования между глаголом (предикатом) и именами (его актантами).

Выше мы уже упомянули о том, что все основные актантные отношения выражаются в кетском внутри глагола. Тем не менее, может возникнуть вопрос: как в таком случае трактовать кетское именное склонение и как падежные форманты имени согласуются с личными показателями глагола?

Как известно, в кетском выделяются две основные группы падежей: а) исходная, к которой относятся основной падеж (с нулевым окончанием), притяжательный (с окончанием *-de*), инструментальный (с окончанием *-as*), продолжный (с окончанием *-bes*) и, возможно, каритивный (с окончанием *-an*) и б) производная, к которой относятся датив (с окончанием *-daŋa*), аблатив (с окончанием *-daŋal*) и локатив (с окончанием *-daŋte*) (термины "исходный" и "производный" принадлежат авторам). Основное различие этих двух групп заключается в том, что производная группа формально представляет собой имя в основном падеже плюс местоимение 3-его лица в соответственно дативе, локативе или аблативе, т. е. на самом деле вторая группа падежей определена только для местоимений.

Агентивным показателям в глаголе в имени всегда соответствует основной падеж, что вполне естественно, напр. *at dlobedabet* 'я работаю', *tip doloj* 'собака вылиняла', *ed dutaqot* 'соболь лежит'.

Объективным показателям внутри глагола в имени также соответствует основной падеж, ср. *qimn duniŋ dobildan* 'женщины положили дымокуры', *at u dius* 'я тебя одеваю'. Таким образом, противопоставление субъекта — объекта действия выражается (за исключением порядка слов) только в рамках глагола.

Наконец, большинство дативных показателей также указывают на имя, стоящее в основном падеже, ср. *at bakissāl* 'я переночую', *at*

saŋqaŋ bakobluk 'в меня искра влетела'. В очень небольшом количестве случаев датив соответствует какому-либо другому падежу, напр. xundinŋe d-i-t-a-b-ted-in 'к дочери пристанем'; однако количество их очень ограничено.

Таким образом, видно, что дифференциация актантов не происходит на "именном" уровне, где все три актанта стандартно выражаются одной формой имени — исходной (основной); она выражается почти исключительно глагольными средствами.

Что же касается всех остальных падежей, то они, как правило, выполняют сирконстантные функции, не отражаясь в глаголе. При этом нужно заметить, что падежная система как таковая в кетском очень нестабильна, в том смысле, что в очень большом количестве случаев требуемый в данном контексте падеж может заменяться основной формой. Ср., например, пример Е. А. Крейновича: tes liq d-iŋa-b-to 'я на пим заплату поставлю', где оба имени стоят в основной форме, хотя слово tes в принципе должно было бы требовать датива.

4.0. Выражение категории времени и маркирование спряжений в кетской глагольной словоформе.

4.1. Проблема выражения времени — вторая по важности после модели управления. Наряду со стандартными показателями претерита (l и n), в функции которых никто не сомневается, мы также имеем множество различных "побочных" способов маркирования этой категории, как, например, форманты а и о, функции которых до сих пор не выяснены окончательно. Есть и другие форманты, выделяемые Е. А. Крейновичем и А. П. Дульзоном (е. г., формант -s-), и якобы обозначающие время. Не ясно, следует ли трактовать временные форманты как видовые и признавать ли существование в кетском обеих категорий или только одной. Все эти проблемы, а также некоторые другие и призван хотя бы частично удовлетворить данный раздел.

4.2. "Нормальный" или "регулярный" способ маркирования времени — 0 (нуль) в презенсе и один из двух показателей (-l- или -n-) в претерите (примеры см. выше).

Распределение между этими двумя показателями, как было установлено, на синхронном уровне постулировать невозможно. Оно

явно не является фонетическим (наряду с тем, что странным был бы уже сам подобный факт, существуют примеры, убедительно это доказывающие, напр. d-á-b-i 'я-это-точу' — d-ó-b-n-i 'я-это-точил', но d-a-b-í 'я-это-укладываю' — d-ó-b-l-i 'я-это-уложил', где вся разница — ударение в презенсе); с другой стороны, на синхронном уровне уже практически невозможно (впрочем, и не необходимо) показать какоелибо семантическое распределение.

По-видимому, исконно форманты -l- и -n- действительно обозначали видовые отношения, как считает Е. А. Крейнович (ГКЯ: 15), однако они не являлись оба показателями завершенности действия, а противопоставлялись друг другу по признаку "завершенность — незавершенность", причем значением завершенности, судя по имеющимся фактам, обладал формант -n-, а незавершенности — -l-.

Вот те факты, которые заставляют нас склониться к принятию этой гипотезы:

а) При статистическом подсчете обнаруживается, что подавляющее большинство глаголов многократного способа действия образуют l-претерит (обратное, естественно, неверно, поскольку однократный способ действия не означает завершенность или моментальность действия. Поэтому глаголы однократного способа действия способны образовывать как l-, так и n-претерит). Ср.: toqijij-q-i-n-d-it 'обсушила-меня', но toqijij-q-o-l-di-da 'обсушивал-меня'. (Другие примеры см. в работе Крейнович 1968а).

б) Имеется некоторое количество довольно интересных "минимальных пар" на образование претерита, когда мы имеем глагол состояния, образующий l-претерит, и противопоставленный ему глагол единичного действия, образующий n-претерит; ср. ba-k-i-b-ta 'на-мне-надето', ba-k-b-i-l-ta 'на-мне-было-надето', ba-k-i-b-to 'я-это-надену', но ba-k-i-m-to (m < bn) 'я-это-надел'. Ср. также приведенный выше глагол 'висеть': претерит от d-aŋ-k-i-b-ta 'я-это-повешу' = d-aŋ-i-m-ta, но претерит от aŋ-k-i-b-ta 'это-висит' = aŋ-i-b-i-l-ta (противопоставление динамичности и статичности действия).

в) Интересно также образование претерита у некоторых глаголов, обозначающих движение. Как известно, Е. А. Крейнович выделяет "три степени длительности" движения, которые, хотя и очень неясно определены, все же, по-видимому, противопоставлены следующим образом: для 1-ой степени важен факт некоторой длительности действия (в диапазоне от полчаса до нескольких часов), для 2-ой — то же

самое при увеличенном временном диапазоне (от нескольких дней и выше), для 3-ей же степени важна не столько длительность действия или временной диапазон, сколько результат действия ('я-пришел', 'я-прибежал', 'я-причалил', etc.; см. ГКЯ: 167). Так вот, глаголы 1-ой и 2-ой степени регулярно и без исключений образуют I-претерит, в то время как n-претерит свойственен исключительно глаголам 3-ей ступени. Ср. d-igda-ba-t-l-aq 'я-сбегал-на-берег' (важен факт некоторой длительности действия — сбегал и вернулся обратно), d-igda-l-aq 'я-сходил-на-берег' (то же самое, но больший отрезок времени), d-igdo-n-daq 'я-пришел-на-берег' (и теперь я на берегу; важен сам факт прихода).

г) По утверждению Г. К. Вернера, данное противопоставление хорошо прослеживается на примерах из сымского диалекта, ср. боксыхын 'несет-меня', куксыхын 'несет-тебя' и т. д.; боурын 'несло-меня', ку:рын 'несло-тебя' и т. д.; но: боунын 'унесло меня', ку:нын 'унесло тебя', etc.³¹

д) В общем можно установить, что большинство глаголов состояния, несомненно, образуют I-претерит. Ср.: doldaq 'я-жил', dolin 'я-стоял', etc. Разумеется, подавляющая масса глаголов может интерпретироваться и так и так, e.g. dbilbet 'я-это-сделал' можно трактовать и как результат действия (единичный факт), и как процесс, равно как и, скажем, dbindit 'я-это-считал' можно трактовать как 'я имею это посчитанным' (реально засвидетельствованный n-претерит), и как 'я считал' (где мы бы ожидали I-претерит, которого, однако, нет). Тем не менее, случаев, явно противоречащих данной гипотезе, довольно мало.

Идея подобного распределения аффиксов -l- и -n- не нова. Она уже была высказана Р. С. Гайер (Гайер 1980) и, вслед за ней, принята Г.

³¹ Сымское -r- соответствует кетскому -l-. Приводимая парадигма совпадает с кетским boksiqin 'меня-несет-течением'. Аргумент этот, однако, является не очень строгим и окончательно может быть принят только в том случае, если переводы 'несло' и 'унесло' получены от самих информантов. В противном случае они могли быть произвольно написаны Г. К. Вернером (поскольку он сам является активным сторонником гипотезы о первоначальном видовом различии -l- и -n-), на самом деле, возможно, являясь просто результатом варьирования по диалектам и "утраты" носителями доли языковой компетенции; это тем более вероятно, что подобное варьирование носит весьма редкий характер (впрочем, может быть, оно типично для сымского диалекта?) Если это действительно так, то данный аргумент снимается автоматически.

К. Вернером (Вернер 1990). Мы лишь привели некоторые факты, подтверждающие эту гипотезу, которая, таким образом, может считаться практически доказанной.

Показатели времени стандартно занимают в словоформе позицию между вторым и третьим актантами рядом. Однако при объективе третьего лица показатели объектива ставятся в препозицию, ср. *di-l-di-s* 'он-меня-одел', но *d-o-l-s* 'он-его-одел', *d-b-i-l-deŋ* 'он-это-размял'.

4.3. Большинство глаголов кетского языка делятся нами на два спряжения: *i*-спряжение и *a*-спряжение. О возможности существования третьего спряжения см. 4.4.

Сущность *i*-спряжения заключается в том, что в претерите показателю времени *-l/-n-* предшествует гласный *-i-*, статус которого может быть определен как тематический. В настоящем времени этому гласному регулярно соответствует нуль.

Ср. *di-loŋŋ* — *d-{i-l}-loŋŋ*, *ku-loŋŋ* — *k-{i-l}-loŋŋ*, etc. Как замечено выше, это помогает объяснить распределение между рядами *d/d* и *di/du*.

Нельзя, однако, не обратить внимания на тот факт, что в случае появления в структуре глагола преверба мы также наблюдаем *-i-* и в презенсе. Ср. *d-k-i-d-tiŋ*, *d-k-i-l-tiŋ*, хотя нормально мы ожидали бы нечто типа **di-k-di-tiŋ*. Данное *-i-* вряд ли можно считать разграничителем, поскольку его присутствие здесь в общем не требуется. Ср. также форму ж. к. *də-k-i-s-a-tiŋ*, где *-i-* уже никак не может выполнять разграничительных функций.

Подобное распределение — наличие *-i-* в превербных глаголах и отсутствие его в беспревербных — несколько необычно. В принципе это можно было бы объяснить только одним способом.

Статистически превербы встречаются, как правило, перед гласными. Сочетания преверба с последующим согласным встречаются в основном в многосложных дативных словоформах, где очень сильна тенденция к редукции (скажем, форма типа *kutolij-bo-k-s-a* 'я-свищу' вполне могла бы развиться из **kutolij-bo-k-i-s-a*). В связи с этим можно предположить, что для преверба в принципе свойственно сочетаться с последующей гласной (ср. также котский, где преверб обязательно сопровождается вокалическим элементом). Поэтому не исключено, что словоформа типа **di-k-di-tiŋ* в принципе невозможна.

Таким образом морфема *-i-* в превербных словоформах (по крайней мере на синхронном уровне) отличается от морфемы *-i-* в претерите и действительно является чем-то вроде эвфонического элемента.

К тому же, если мы учтем "полуклитический" характер агентивных показателей, то станет ясно, что, поскольку собственно "основная" часть словоформы начинается не с них, а с преверба, в случае отсутствия *-i-* мы получим анлаутный кластер, что недопустимо.

Как было замечено выше (2.5), *i-*спряжение в большинстве тех случаев, когда глагол формально непереходный, сопровождается показателем квази-объективной конструкции Б.

Необходимо также заметить, что, судя по некоторым записям, прежде всего А. П. Дульзона, а также по некоторым архаичным элементам суломайского и келлогского говора, можно с определенной уверенностью заявить, что раньше маркер *i-*спряжения регулярно присутствовал также и в презенсе.

Ср., например, следующие формы, записанные А. П. Дульзоном от сымских информантов: куйты:р 'ты-мерзнешь' (ku-tāl), ду:итыр 'он-мерзнет' (du-tāl), куйдох 'ты-летишь' (ku-doq), ду:йдах 'он-летит' (du-doq). Этот сымский *-j-* не может быть ничем иным, как маркером *i-*спряжения. Вероятно также, что этот *-j-* сохранился в некоторых случаях и в кетском, прежде всего перед увулярными (di-j-qo 'я-умру', di-j-qut 'я-шаманю', d-əqa-j-qut 'я-виднеюсь', etc.). Заметим также, что в этих случаях в парадигмах отсутствует квази-объективный показатель *-s-*.

В современных имбатских говорах, однако, в большинстве случаев следов *i-*спряжения в презенсе уже не осталось. Такое развитие (сохранение *-i-* в претерите и утрата в презенсе), очевидно, должно быть связано с акцентными причинами (например, сильное ударение на претеритном комплексе *-i-l-*, *-i-p-* и нуль ударения на *-i-* в презенсе, что могло вызвать, с одной стороны, слияние *-i-* в презенсе с агентивными показателями через ступени $CV + i > CV + j > C\bar{V}$, где CV — произвольный агентивный показатель, с другой — редукцию тех же агентивных показателей в претерите перед сильноударным *-i-*).

Некоторая проблема с определением маркера *i-*спряжения возникает также при анализе дативных парадигм с позицией объектива, заполненной показателями *-s-* (квази-объективом Б) и *-b-* (квазиобъективом А или "дефектным" объективом). Уместно будет разбить эту проблему на несколько "этапов" и обсудить каждый в отдельности.

Этап 1. Сравнив формы *di-u-s* 'я-тебя-одеу' и *d-i-l-ku-s* 'я-тебя-одел', мы видим, что маркер спряжения в претерите предшествует как показателю претерита, так, соответственно, и показателю объектива. Однако в форме *d-b-i-l-deŋ* 'я-это-размял' маркер спряжения не предшествует, а следует за объективом *-b-*. Мы, таким образом, вынуждены констатировать, что в случае формы с объективом *-b-* маркер *i-*спряжения в претерите меняет свою позицию.

Этап 2. Ср. формы *ba-t-i-b-git* 'я-чую', *ba-t-b-i-n-git* 'я-чую'. Маркер *i-*спряжения в претерите стоит на обычном месте. Морфема *-iv* презенсе является маркером *i-*спряжения, как можно было бы подумать, а разграничителем. То же самое, скажем, в глаголе *d-ba-qi-b-dil* 'он-меня-оденет' — *d-ba-q-b-i-l-dil* 'он-меня-одел'.

Этап 3. Ср. формы *d-ba-k-i-b-daŋ* 'он-в-меня-выстрелит' и *d-ba-ki-m-daŋ* 'он-в-меня-выстрелил'.

Как известно, *-m-* в претерите представляет собой результат слияния показателей *-b-* и *-n-*, т. е. "праформа" должна выглядеть как **d-ba-k-i-b-n-daŋ*. Элемент *-i-* в презенсе следует трактовать как разграничитель. Однако трактовка элемента *-i-* в претерите вызывает затруднения, поскольку мы только что определили, что нормальная позиция маркера *i-*спряжения в претерите — после *-b-*, а не перед ним. И действительно, в форме с нулевым показателем датива класса вещей — *d-k-i-b-daŋ* 'я-в-это-выстрелю' — форма претерита выглядит не как **d-k-i-m-daŋ*, а как *d-k-i-b-i-n-daŋ*, где первое *-i-* является разграничителем, а второе — маркером спряжения.

Исходя из этого, мы определим "праформу" для *d-ba-k-i-m-daŋ* в виде **d-ba-k-i-b-i-n-daŋ*, с теми же функциями двух морфем *-i-*. Впоследствии из-за редукции второе *-i-* выпало, вызвав стяжение показателей, а первое сохранилось в своей прежней функции — разграничителя.

Таким образом, фонетически маркер *i-*спряжения в этой парадигме исчез полностью; однако на морфологическом уровне мы все равно обязаны его постулировать.

Этап 4. Рассмотрим некоторые формы глагола *i* 'спрашивать':

<i>d-ba-t-b-i-l-i</i>	'он-меня-спросил'
<i>d-a-t-b-i-l-i</i>	'он-его-спросил'
<i>d-i-t-b-i-l-i</i>	'он-ее-спросил'
<i>d-daŋ-t-i-b-l-i</i>	'он-нас-спросил'
<i>d-aŋ-t-i-b-l-i</i>	'он-их-спросил'

Как видно, в формах ед. ч. датива структура словоформы вполне регулярна, маркер *i*-спряжения стоит после показателя *-b-*. Однако в формах множественного числа датива они якобы "метатезируются".

На самом деле никакой "метатезы" показателей здесь нет. Изначально эти формы выглядели как **d-daŋ-t-i-b-i-l-i*, etc. Впоследствии маркер спряжения редуцировался и выпал, т. е. случай практически аналогичен предыдущему, с той разницей, что появление разграничителя в глаголе 'спрашивать' фонологически оправдано: он отделяет друг от друга три согласных звука.

(Заметим, кстати, что разграничитель скрыто присутствует и в настоящем времени этого глагола. Е. А. Крейнович приводит следующие формы: *ба-т-п-и* 'меня-спросит', *д-а-т-п-и* 'он-его-спросит', но *дъŋ-тв-и* 'нас-спросит', *д-аŋ-т-в-и* 'он-их-спросит'. Тот факт, что показатель класса вещей при ед. ч. датива выглядит как *-п-*, а при мн. ч. датива — как *-в-*, объясняется тем, что в последнем случае в словоформе ранее присутствовал разграничитель *-i-*, обуславливая интервокальное положение показателя класса вещей, в котором он выглядит как *-в-*; под влиянием редукции он выпал, но сравнительно недавно, и элемент *-в-* не подвергся действию закона оглушения; см. ГКЯ: 84).

Этап 5. В разделе 2.6 мы упомянули о том, что показатели группы *bo/o* отличаются от показателей группы *ba/a* сильноударностью, что, в свою очередь, имплицитно редуцирует второй слог. Таким образом, форма типа *bo-l-i-bej* 'меня-унесло-ветром' должна морфологически анализироваться как {*BÓ*}{*K*}{*I*}{*L*}{*BEJ*}; при переходе на фонетический уровень она подвергается действию регулярных процессов — выпадения безударного *-i-*, упрощения трехконсонантного кластера и вставки эфонического элемента.

Таким образом, необходимо строго различать разграничительное *-i-* (интерфиксальное по Е. А. Крейновичу) и тематическое *-i-*, которые, как видно, часто путаются между собой.

С глаголами *a*-спряжения при описании не возникает серьезных проблем. Они характеризуются морфонологическим чередованием морфем *-a-* в презенсе и *-o-* в претерите. Важно, однако, что противопоставление морфем *-o-* и *-i-* в претерите характеризует их несколько различно: так, показатель *-o-* регулярно отделяется от показателей *-l-*, *-n-* показателем класса вещей *-b-*, в то время как претеритное *-i-*, как было выяснено, регулярно прилагает к *-l-* и *-n-* вплотную.

В том случае, если глагольный корень начинается с гласного, маркер а-спряжения выпадает и принадлежность к спряжению устанавливается по форме претерита, где маркер -о- от начального гласного корня отделяет показатель -l- или -n-. Ср. *dí-aq* 'я-выйду', но *do-l-aq* 'я-вышел'; *d-da-q-ba-k-ij* 'он-надо-мной-смеется', но *d-da-q-ba-k-o-l-ij* 'он-надо-мной-смеялся'.

Что касается акцентуации а-спряжения, то здесь известно, что в претерите показатель -о- регулярно оттягивает на себя ударение; в презенсе же ударение падает на показатель -а- лишь в случае заполнения позиции объектива, т. е. когда маркер спряжения отделен от корня; в противном случае ударение падает на агентивный показатель (ср. *d-á-d-tan* 'я-остановлюсь', но *dí-a-bes* 'я-не-обращаю-внимания'). Есть, однако, исключения, напр. *d-á-j-dop* 'я-заткну').

Парадигмы а-спряжения и і-спряжения, как правило, четко отделены друг от друга, и между ними практически никогда не возникает контаминации. Любопытное исключение — глагол 'стынуть, мерзнуть', приводимый Е. А. Крейновичем в следующих формах: *dí-tāl* 'я-стыну', но *d-o-n-tāl* 'я-застыл'. При расспрашивании информантов относительно этого глагола мы услышали также форму *d-a-tāl* 'я-мерзну' (однако не услышали формы **d-i-n-tāl*). Вероятнее всего, что эти формы представляют на самом деле две разные парадигмы, контаминированные друг с другом.

Это в свою очередь наводит на мысль о том, каким образом различаются и различаются ли вообще по значению глаголы обоих спряжений. Вопрос этот, хотя и крайне интересен, но на синхронном уровне неразрешим, поскольку для этого требуется хотя бы несколько минимальных пар, как-то различающихся по значению. Пары *d-i-tāl* и *d-a-tāl*, записанные от информантов, по значению не различаются (во всяком случае, информанты считают их свободными вариантами); кроме же этой пары мы до сих пор знаем только небольшое количество квази-минимальных пар, относящихся к сложным глаголам и меняющим маркер спряжения в зависимости от первой основы.

Очень любопытно с точки зрения а- и і-спряжения проанализировать показатели объекта третьего лица -а- и -і-. Судя по всему, исторически эти четыре морфемы имели совершенно разное происхождение. Однако, уже на позднем этапе развития кетского, эти показатели начали мало-помалу контаминировать друг с другом. Результаты этой контаминации заключаются прежде всего в том, что

агентивно-объективные парадигмы стали спрягаться по "смешанному" типу спряжения. Агентивно-объективные парадигмы *i*-спряжения в третьем лице объекта переходят в *a*-спряжение, а парадигмы *a*-спряжения — в *i*-спряжение. Ср. *du-u-s* 'он-тебя-оденет', *d-i-l-ku-s* 'он-тебя-одел' (*i*-спряжение), но *d-a-j-s* 'он-его-оденет', *d-o-l-s* 'он-его-одел' (*a*-спряжение); *d-a-k-git* 'он-тебя-ищет', *d-o-l-ku-git* 'он-тебя-нашел' (*a*-спряжение), но *d-i-j-git* 'он-ее-ищет', *d-i-d-l-i-git* 'он-ее-нашел' (*i*-спряжение; в этом случае, однако, картина затемняется добавлением в претерите форманта *-d-*).

То же самое происходит и в мн. ч. третьего лица, где, однако, ситуация усложняется добавлением к собственно показателю *aŋ* морфемы *a*, характер которой сложно определить (дублирование маркера спряжения): в претерите *aŋ-a* переходит в *oŋ-o*: ср. *d-aŋ-a-tos* 'он-их-воспитывает' — претерит *d-oŋ-o-l-tos*.

Любопытно также поведение в подобных случаях словоформ с показателем объектива *-b-*. Ср. следующие формы:

а) *d-a-j-git* 'он-его-ищет', *d-i-j-git* 'он-ее-ищет', *d-i-b-git* 'он-это-ищет'; но

б) *d-i-j-do* 'он-ее-(доску)-долбит', *d-a-b-do* 'он-это-долбит'.

Стандартно формы с показателем *-b-* спрягаются по тому же спряжению, по которому идут "нетрансформированные" формы с объектом первого и второго лица. Однако в некоторых случаях, как, например, в случае глагола 'искать', стандартный маркер *a*-спряжения так же, как и в третьем лице объекта женского класса, меняется на *-i-* (обратных случаев, т. е. мены *-i-* на *-a-*, не зафиксировано). Формально такие нерегулярные парадигмы приходится разбивать на две: одну, идущую по типу 4 (все формы глагола 'искать' за исключением формы *d-i-b-git* и ее варианта в претерите) и другую, относящуюся к типу 7 (эти две формы). Что касается реальных причин подобного явления, то не исключено, что здесь на самом деле произошла контаминация двух парадигм, поскольку таких случаев крайне мало.

Те же самые трансформации спряжения происходят и в формах третьего лица мн. ч., хотя трансформации эти идут там только в одну сторону (*i*-спряжение > *a*-спряжение), что обусловлено нейтрализацией по классу. Ср. *du-d-i-s/d-i-l-di-s* 'он-меня-оденет/одел', но *d-aŋ-s/d-oŋ-o-l-s* 'он-их-оденет/одел'.

Как было сказано выше, эти явления, по всей видимости, обусловлены исторически контаминацией омонимичных морфем. Кон-

таминация эта, однако, происходит нерегулярно. Собственно говоря, самый очевидный ее момент заключается в изменении в претерите показателя объектива -а- в -о-, никоим образом не объяснимый с фонетической точки зрения и довольно странный с точки зрения синхронной морфологии. Исторически это объясняется тем, что регулярные формы типа *d-i-l-a-s 'он-его-одел', с одной стороны, были омонимичны соответствующим формам парадигм с кореферентным объективом, с другой — воспринимались как формы претерита от соответствующих форм а-спряжения (d-a-j-s), показатель -а- в которых, в свою очередь, уже не воспринимался как показатель объекта, а считался маркером а-спряжения.

С другой стороны, далеко не все формы презенса подпали под влияние а-спряжения. Формы типа du-a-tos 'он-его-воспитывает' подобным изменениям не подверглись и формально все равно принадлежат i-спряжению. Распределение между "аналогизированными" и "неаналогизированными" формами еще не очень ясно³².

Какое же отношение имеют i-спряжение и а-спряжение к выражению времени? Формально, на синхронном уровне, мы в любом случае обязаны постулировать, что все маркеры этих спряжений (-а- и -о- в а-спряжении и -i- и даже -0- в i-спряжении) имеют значение соответственно презенса и претерита, что вытекает из их чередования. Если к этому добавить также их "тематические" особенности, а также объединить их с показателями объектива (что, в общем, формально опять-таки не исключено), мы получим довольно странный набор мегаморфов, сочетающих в себе самые различные значения (не говоря уже об их плеонастичности, поскольку значение времени выражается также и показателями -l-, -n-).

Тем не менее на синхронном уровне нам в любом случае не удастся избежать некоторых осложнений в связи с различием значений. Поэтому мы можем предложить следующий "инвентарь" морфем:

{I} — тематическая морфема, представленная одним алломорфом i в контексте — перед показателями претерита -l-, -n-. (При этом не следует забывать, что фонема [i] может быть также представлена различными аллофонами — в частности, нулем).

{A₁} — тематическая морфема, представленная двумя алломор-

³² Интересно, что во множественном числе аналогия подействовала на все формы без исключения; ср. d-aŋ-a-tos 'он-их-воспитывает'.

фами: -а- перед нулем в презенсе и -о- перед -l- и -n- в претерите.

{A₂} — морфема показателя объектива третьего лица мужского класса, представленная теми же алломорфами и в том же контексте, что и предыдущая.

{ID} — морфема показателя объектива третьего лица женского класса, представленная в том же контексте соответственно алломорфами -i- и -id-.

4.4. Постулирование i-спряжения и а-спряжения, однако, не исчерпывает всех "тематических" возможностей кетского глагола. Возможен также третий вариант (назовем его пока 0-спряжением, или "нейтральным" спряжением), когда ни в презенсе, ни в претерите нет никаких тематических или квази-тематических гласных вообще.

Примеры: d-ba-ŋ-s-u-qo 'я-смотрю', d-ba-ŋ-l-u-qo 'я-смотрел'; [bej] də-bu-k-d-it '[ветер] меня-несет', [bej] də-bu-l-d-it '[ветер] меня-донес'; di-j-qo 'я-умру', di-n-o 'я-умер' (в последнем случае -i- является частью показателя агентива, ср. ku-n-o 'ты-умер', но не *k-i-n-o); di-j-ä 'со-мной-станет', di-n-ä 'со-мной-стало'.

Проблемы, связанные с третьим спряжением, несомненно, могут быть обусловлены фонетическими явлениями, т. е. сильной тенденцией к редуцированию, а затем и синкопе безударного интерконсонантного -i-. В результате этих процессов "претеритные комплексы" {i-l} и {i-n} сокращаются до одной фонемы. На морфологическом уровне, однако, мы все равно должны будем выделять морфему {I}, независимо от ее фонетической реализации.

Разберем приведенные выше примеры и другие случаи.

Форма də-bu-l-d-it, как можно догадаться уже по ее внешнему строению, на самом деле представляет собой модификацию регулярной формы *də-bu-k-i-l-di-it, ср. также форму презенса də-bu-k-d-it. Эта исходная словоформа претерпела последовательно некоторые изменения, а именно, выпадение интерконсонантного -i- и далее — упрощение сочетания -kl- в -l- (возможен и другой вариант — с фрикативизацией k > ɣ, выпадением ɣ и стяжением гласных; единственное возражение заключается в том, что ɣ не могло выпасть бесследно, в отличие от сочетания kl, которое в кетском языке недопустимо).

Регулярное соответствие морфемы -s- в презенсе чистому показателю -l- или -n- без предшествующего -i- в претерите объясняется таким же образом: выпадение интерконсонантного -i- в подходящем

для этого контексте. Ср. d-ba-t-s-aq 'я-сбегаю' — d-ba-t-l-aq < *d-bat-i-l-aq 'я-сбегал'.

Разумеется, выпадение -i- в таких глаголах возможно лишь в тех глаголах, в которых корень начинается с гласного; в противном случае выпадение -i- повлекло бы за собой создание многоконсонантного кластера, ср. ba-k-i-s-sāl 'я-переночую' — ba-k-i-n-sāl 'я-переночевал', где выпадение -i- в претерите исключено.

Собственно говоря, единственные две парадигмы, где все же приходится постулировать нечто типа третьего спряжения, — это парадигмы глаголов 'умирать' и 'случаться, становиться' (см. выше). В этих двух случаях, где в претерите выступают нередуцированные агентивные показатели, по всей видимости, перед показателями претерита действительно нет морфемы {I}, и постулировать ее довольно затруднительно.

Не исключено, однако, что отсутствие у этих глаголов в претерите маркера -i- связано с их акцентными характеристиками. Так, глагол qo 'умирать' в претерите несет на себе, во-первых, сильное ударение, во-вторых, является долгим, т. е. произносится как di-n-ō̄. Такой "сильной" оттяжки ударения на последний слог мы не находили ни в одном другом глаголе. Благодаря этому мы можем предположить следующее развитие (приведем форму второго лица): ku-i-n-qó̄ > kin-ō̄, т. е. в отличие от стандартной ситуации, когда ударение падает на маркер -i- и является причиной редукции агентивного показателя, здесь ударение оттягивается "еще дальше" и в результате редуцируется не агентив, а сам маркер спряжения. То же самое, возможно, произошло и с глаголом a 'быть, становиться'.

Таким образом, основное большинство случаев "третьего спряжения" все же удается свести к i-спряжению. Возможно, что в некоторых из них объяснения кажутся несколько натянутыми и сомнительными. Но необходимо заметить, что уже один факт регулярного соответствия -s- презенса нулевому варианту {I} в претерите, как минимум, позволяет говорить о морфологическом распределении вариантов (нуль при наличии -s- в презенсе, -i- в обратном случае). А уж если говорить о морфологическом распределении, то факт его наличия в подобных условиях довольно странен, поскольку, как было выяснено выше, формант -s- не имеет прямого отношения к каким-либо видо-временным показателям. Неудивительно, что за окончательным

ответом на этот вопрос приходится обращаться к фонетике³³.

4.5. Таковы основные понятия и форманты, относящиеся к области выражения видо-временных отношений в кетском глаголе. Тем не менее, помимо стандартных показателей *-l-* и *-n-*, а также маркеров спряжений, в кетском языке существует еще несколько способов выражения прошедшего времени, не сводимых к стандартным. Здесь мы намерены дать их перечисление и краткие комментарии.

а) Прежде всего это относится к некоторым глагольным компонентам, присутствующим в презенсе, которые, хотя и не имеют прямого отношения к выражению вида или времени, тем не менее выпадают в претерите. Это прежде всего показатели квази-объектива *-s-* и *bim-/ bin-/biŋ* (примеры см. выше). На синхронном уровне факт их выпадения не поддается никакому объяснению.

б) Супплетивизм. Здесь особый интерес представляет прежде всего корень *qus* 'брать, нести', который в определенных формах претерита (а именно, при наличии объекта третьего лица) чередуется с другим корнем — *am/äm* (ср. *d-kas-d-i-qus* 'возьмет-меня', *d-kas-t-i-n-us* 'взял меня', *d-kas-a-qus* 'возьмет-его', но *d-kas-o-n-äm* 'взял-его'; этот глагол любопытен также в связи с нерегулярным порядком показателей в претерите — объектив перед *-n-*, а не после).

в) Показатель *-j-*. Этот показатель претерита (как показывает материал коттского языка, на самом деле весьма архаичный) засвидетельствован нами всего в двух глаголах: *d-at-b-aq* 'я-налью', претерит *d-at-b-i-j-aq* и *d-a-b-aq* 'я-дам', претерит *d-o-b-i-j-aq*.

г) В некоторых случаях в претерите вообще отсутствует какой-либо специальный показатель, и тогда все выражение времени "держится" исключительно на противопоставлении *-a-* и *-o-*. Особенно часто это происходит в глаголах, образованных от корня *aq*. Ср. *d-t-a-baq* 'я-оставлю', *d-t-o-b-aq* 'я-оставил'; *d-liq-a-j-aq* 'я-виру-уплачу', *d-liq-o-j-aq* 'я-виру-уплатил', etc. Бывают, однако, случаи, когда корень *aq* сочетается и с нормальным показателем претерита (в таком случае этим показателем является *-l-*), ср. *d-akə-ba-t-s-aq* 'я-сбегаю-в-лес', *d-akə-ba-t-l-aq* 'я-сбежал-в-лес', etc.

³³ С формальной точки зрения в этом случае мы можем постулировать следующее распределение: наличие *-i-* в претерите при отсутствии *-s-* в презенсе и отсутствие *-i-* в претерите при наличии *-s-* в презенсе.

На самом деле этот случай, по всей видимости, сводится к предыдущему. В первом примере это подсказывается формой императива (t-a-j-aq 'оставь', см. ниже); во втором -j- присутствует в чистом виде. Синхронно, конечно, постулировать какое-либо правило сохранения и выпадения -j- довольно сложно, но нет никакого сомнения, что с исторической точки зрения дело обстоит именно так.

д) Весьма любопытным образом образует претерит глагол eј 'убивать'. Показателем прошедшего времени при нем служит морфема q[o], ведущая себя совершенно аналогично показателям -l- и -n- в том отношении, что, так же, как и они, ставится перед показателем объекта первого и второго лица и после показателя объекта третьего лица. Ср. следующие формы:

di-u-j	'я-тебя-убью'	[d]-qo-u-j	'я-тебя-убил'
di-a-ij	'я-его-убью'	d-a-q-ij	'я-его-убил'
di-i-ij	'я-ее-убью'	d-i-q-ij	'я-ее-убил'
di-kaŋ-ij	'я-вас-убью'	qo-kaŋ-ij	'я-вас-убил'
d-aŋ-s-ij	'я-их-убью'	d-aŋ-q-ij	'я-их-убил'

Е. А. Крейнович отождествляет показатель qo- с корнем qo 'умирать, умерщвлять', дословно переводя формы претерита как 'я-его-умертвил-убил'. Однако тот факт, что показатель qo- ведет себя абсолютно аналогично показателю претерита, а также некоторые коттские данные заставляют нас считать, что здесь мы скорее имеем дело с архаичным показателем прошедшего времени (во всяком случае, грамматическим, а не лексическим элементом).

Все эти случаи, однако, по своей частотности совершенно ничтожны по сравнению с основной массой случаев.

4.6. Вкратце резюмируя все изложенное выше, мы можем сказать, что на синхронном уровне время в кетском глаголе выражается лексически распределенными показателями -l- и -n-. Абсолютное большинство кетских глаголов, помимо этого, делятся на два спряжения: а- и i-спряжение, маркеры которых реализуются в виде соответственно гласных -i- и -a/-o- и имеют тематический статус. Некоторая группа кажущихся исключений на самом деле вызвана фонетическими изменениями.

5.0. Выражение наклонения и диатезы в глаголе и проблема "способов действия".

5.1. В кетском языке, как известно, выделяются два наклонения — индикатив и императив³⁴. Ни одно из этих наклонений не имеет специальных показателей; категория наклонения выражается исключительно различными комбинациями личных показателей, маркеров спряжения и показателей претерита.

Поскольку индикатив мы будем считать разобранным в предыдущих разделах, перейдем к правилам образования императива.

Стандартный императив образуется при помощи следующих правил:

а) Из словоформы исчезают агентивные показатели. Показатели объектива и датива остаются на своих позициях.

б) Маркеры спряжения {A} и {I} также остаются на своих местах, будучи представлены алломорфами -a- и -i-.

в) К маркеру спряжения непосредственно примыкает показатель претерита -l- или -n- (или нуль в случае их отсутствия в претерите).

г) Элиминируется показатель класса вещей -b-, а также квази-объективное -s-.

д) Множественное число образуется прибавлением соответствующего показателя -n: ti-s-uk 'подтолкни', ti-s-uk-i-n 'подтолкните'³⁵.

Существуют, однако, и некоторые отклонения от этого стандартного типа. Так, в случае возникновения сочетания показателя l с зубным смычным (t или d) l выпадает: di-b-daŋ 'я-это-мну' — i-daŋ 'мни-это'; d-k-i-b-taŋ 'я-это-тащу' — k-i-taŋ 'тащи-это'. Ср. также пример из сложных глаголов: to-ba-k-a-tad 'схвати-меня'. Характер этого закона явно морфологический, поскольку сочетания -ld-, -lt- в кетском не запрещены. В некоторых идиолектах выпадения -l- в этих условиях не происходит.

³⁴ А. П. Дульзон выделял также ирреалис и эксортатив, что совершенно не оправдано, поскольку и то, и другое представляют собой на самом деле сочетание индикатива с частицами соответственно *śim* и *qaŋ* (Дульзон 1968: 141-142).

³⁵ В глаголах с кореферентным объективом показатель -n, как и следовало ожидать, факультативен (поскольку значение множественного числа выражается внутри объективного комплекса).

Для того, чтобы явственно доказать это, достаточно привести формы единственного и множественного числа глагола 'плакать', спрягающегося по перекрестному типу (di-deŋ 'я-плачу', di-daŋ-deŋ 'мыплачем'): i-deŋ 'плачь', но i-l-kaŋ-deŋ 'плачьте'. В первом случае показатель -l- законно элиминируется перед зубным, во втором остается, поскольку между ним и корнем вставляется показатель объекта, начинающийся с велярного.

Самая значительная группа "исключений" — большое количество парадигм, образующих императив с помощью так называемого "компонента р/д" (по Е. А. Крейновичу). Этот компонент одними исследователями (Крейнович) считается детерминативом (ГКЯ: 268), другие (Дульзон) видят в нем классный показатель (Дульзон 1968: 453). Мы же склонны рассматривать его (синхронно) как особый эвфонический элемент, возникающий в строго определенных условиях и подчиняющийся строгим законам (хотя, конечно, *nulla regula sine exsertione*).

Приведем здесь для примера несколько глаголов, образующих императив с помощью этого компонента. Сразу заметим, что компонент р/д теоретически может сочетаться как с l, так и с n, не заменяя их, а в позиции после них; однако, в то время как сочетание -nd- вполне регулярно, сочетание -ld- столь же регулярно упрощается в -d-:

di-aq 'я-выйду', претерит d-o-l-aq, императив a-d-aq;
 di-[i]-n 'я-стою', претерит d-o-l-in, императив a-d-in;
 di-b-it 'я-подвину', претерит d-b-i-n-it, императив i-n-d-it;
 d-a-b-i 'я-точу', претерит d-o-m-n-i, императив a-n-d-i;
 d-a-b-i 'я-собираю', претерит d-o-b-l-i, императив a-d-i;
 d-ba-t-b-i 'он-меня-спросит', претерит ba-t-b-i-l-i, императив bat-d-i 'спроси-меня';
 d-ba-n-b-o 'он-мне-даст', претерит d-ba-n-b-i-l-o, императив ban-d-o.

Список этот можно было бы продолжить (в основном сложными глаголами), но в этом нет необходимости. По всем этим примерам ясно, что "компонент р/д" появляется в тех случаях, когда корень начинается с гласной.

Существуют несколько контрпримеров, но их, во-первых, очень немного, во-вторых, они, как правило, объяснимы. Один из таких контрпримеров — d-t-a-b-aq 'я-оставлю', t-a-j-aq 'оставь' (ожидалось

бы *t-a-d-aq). Ср., однако, претерит: d-t-o-b-aq 'я-оставил', где нет ни -l-, ни -n-. Эта форма на самом деле представляет собой модифицированную форму с j-претеритом (см. выше), и -j- в императиве является исторически претеритным показателем, а не "интерфиксом". В этом случае мы совершенно не обязаны ожидать в словоформе появления "компонента р/д".

Вероятно, этим же объясняются формы без всяких показателей в императиве типа i-daŋ, etc., которые по аналогии с формами с компонентом р/д утрачивают свое -l-.

Синхронно, таким образом, вопрос относительно "компонента р/д" является исчерпанным. Проблема заключается в определении его исторического статуса. Является ли морфема -d- исторически показателем императива или тем же "эвфоническим" элементом?

Сомнительно, чтобы этот вопрос можно было решить, исходя из данных только кетского языка³⁶. Поэтому на настоящий момент мы предпочитаем не высказывать свое окончательное мнение по этому поводу, тем более что данная статья посвящена преимущественно синхронным проблемам описания кетского глагола.

5.2. В названии настоящего раздела мы не случайно употребили термин "диатеза", противопоставляя его термину "залог" в том смысле, в котором они употреблены А. Холодовичем в его классической работе (Холодович 1970). Понимая основную разницу между этими двумя понятиями в "грамматическом" характере залоговых противопоставлений, т. е. в маркировании различных типов актантных отношений специальными грамматическими способами внутри глагольной словоформы, и в "неграмматическом" (или, вернее, "не обязательно" грамматическом) характере любых "мен актантов" диатезных противопоставлений, мы намерены изложить здесь вкратце основные концепции Е. А. Крейновича и А. П. Дульзона относительно залогов в кетском глаголе и, дав свой комментарий, выяснить, насколько все же необходимо выделять в кетском языке категорию залога. Ровно по этой причине мы и предпочли осторожный термин

³⁶ Заметим, что в кетском наблюдается ровно та же ситуация (с компонентом ğ), когда невозможно определить реальный статус морфемы. По-видимому, на праенисейском уровне эта морфема имела точно такое же распределение.

"диатеза", поскольку диатезные противопоставления обязательно наличествуют в любом языке, чего нельзя сказать о залоговых.

К этой же теме непосредственно примыкает и другая проблема, а именно, проблема выделения так называемых "способов действия", которых Е. А. Крейнович выделяет два, а А. П. Дульзон около семи-восьми. Необходимо, во-первых, разобраться в том, с достаточными ли основаниями они выделяются, и если да, то каков их грамматический статус, т. е. являются ли они частью одной парадигмы и т. д.

И проблема залога, и проблема способов действия объединяются одним общим вопросом: являются ли "каузативные", "пассивные", "инхоативные", "терминативные", etc. формы глагола частью одной глагольной парадигмы, т. е. образуют словоизменительные грамматические категории, или же их следует трактовать как различные глаголы, образованные от одного и того же корня, т. е. словообразовательными вариантами.

5.3. Мы начнем с того, что снова обратимся к проблеме кетского пассива. Проблема эта уже затрагивалась в связи с анализом показателей кореферентного объектива (см. выше), но здесь представляется нужным вернуться к ней еще раз.

Как у А. П. Дульзона, так и у Е. А. Крейновича имеется своя собственная концепция пассива; однако под этим термином оба они понимают совершенно разные вещи.

А. П. Дульзон выделяет в качестве показателя пассива морфему *b*, подразделяя "пассивные" формы на формы пассива действия, маркированные специальным показателем *-d-*, и пассива состояния, в котором этот показатель отсутствует. Пример: *d-ulon-aŋ-t-a-b-a-i* 'он-их-отпускает' (пассив состояния), *d-ulon-aŋ-t-a-b-d-a* 'он-их-отпускает' (пассив действия).

Естественно, что уже после приведения этих двух примеров сразу же возникают некоторые вопросы. Если подойти к этим (и другим) формам с точки зрения плана содержания, то совершенно непонятно, почему эти формы должны считаться пассивными. В агентивной позиции вполне стандартно стоит субъект действия 'он', в дативной — в данном случае семантически объект действия — 'они', и при этом не происходит никакой смены актантов. Еще более непонятным является подразделение этих форм на "пассив действия" и "пассив состояния", поскольку семантически они не отличаются ничем (!).

По-видимому, справедливо было бы обобщить эти замечания практически на весь "пассивный" материал, приводимый А. П. Дульзоном. Действительно, ни одна кетская форма, в которой присутствует "морфема" -b-, не может быть названа пассивной. Заметим, что ни одна из русских словоформ, которыми переводятся "пассивные" формы, не стоит в страдательном залоге.

Еще хуже обстоят дела с точки зрения плана выражения. Морфема -b-, выделяемая А. П. Дульзоном, на самом деле вовсе не является показателем пассива и даже не является одной морфемой, поскольку практически любая губная фонема, попадающая в словоформе, может быть объявлена А. П. Дульзоном "пассивным показателем". Чаще всего, однако, в роли показателя пассива оказываются две морфемы: показатель класса вещей -b- и начальная фонема корня *bed* 'делать'³⁷. Так, в приведенных выше примерах -b- есть на самом деле не что иное, как показатель объектива; а в формах типа *di-b-bed* 'я-делаю' второе *b* есть часть корня³⁸. Подробнее см. Дульзон 1968: 416-437.

Принципиально иную трактовку "пассива" предлагает Е. А. Крейнович. Несмотря на то, что он не говорит впрямую о необходимости выделения пассивного залога, он тем не менее выделяет особую группу "непереходных глаголов с пассивным значением". Глаголы, относящиеся к этому разряду, мы можем разделить на три класса.

а) К первому классу мы относим глаголы с рамкой ($_A, CO$), представленные, например, следующей парадигмой:

d-k-a-d-qo-j	'я-рубнусь'	d-k-o-n-di-qo-j	'я-рубнулся'
k-k-a-u-qo-j	'ты-рубнешься'	d-k-o-n-ku-qo-j	'ты-рубнулся'
d-k-a-j-a-qo-j	'он-рубнется'	d-k-o-n-a-qo-j	'он-рубнулся', etc.

Нетрудно заметить, что эта парадигма является по своей структуре и семантике чисто рефлексивной. "Непереходно-пассивной" она

³⁷ Любопытно, что А. П. Дульзон, объединяя эти совершенно разные по своей природе элементы, не заметил хотя бы того кардинального отличия между ними, что -b- объектное в претерите всегда ставится перед показателями -l-, -n-, а -b- из -bed-, как часть корня, всегда ставится после них.

³⁸ Исторически корень *bed* отождествляется с коттским *pa[j]* с тем же значением, что доказывает принадлежность начального лабиального к корню.

считается потому, что а) к корню присоединен элемент -j, в результате чего она противопоставляется формам типа d-k-a-d-ɕo 'он-меня-рубнет', и б) потому, что засвидетельствована форма k-a-b-a-ɕo-j со значением 'отрубленное-это'. Первый аргумент явно недостаточен, т. к. суффикс -j ни в коей мере не указывает на пассивный характер парадигмы; второй же несущественен потому, что форма k-a-b-a-ɕo-j не может значить 'оно-рубнется' (?)³⁹.

б) Второй класс форм, которые Е. А. Крейнович относит к группе "непереходно-пассивных" глаголов, довольно специфичен. Он представлен словоформами типа:

- haj t-a-j-a-do 'кедр-обтесанный';
- taska il-u-k-s-a-j-a-bed 'чашка-сломанная';
- ad botaj-bo-k-s-a-j-a-bed 'я-богатым-сделанный';
- bu es-a-j-a-daɕ 'он-положенный'.

Как видно, особенной чертой этих словоформ является отсутствие агентивных показателей при наличии показателей кореферентного объекта. Это может с первого взгляда показаться странным. Однако следует обратить внимание на тот факт, что показатель -j-a- наблюдается в этом случае не только в третьем лице, но и в первом (третий пример), в то время как в случае нормальной рефлексивной парадигмы мы бы ожидали в первом лице показатель -d[i]-.

Таким образом, мы имеем дело с некоторыми особенными формами, статус которых можно охарактеризовать как "полупричастный": причастный на том основании, что они, с одной стороны, характеризуются специфической структурой, с другой, имеют значение, в общем соответствующее классическому значению *participium perfecti passivi*; полу- — на том основании, что у них нет никаких признаков, эксплицитно связывавших бы их с именными словоформами.

в) Третий класс словоформ представлен формами типа un-a-b-a-don 'это-разорвется', k-i-b-a-daɕ 'это-стреляное', etc., т. е. отличается от предыдущего формально только наличием -b- вместо -j-.

Этот класс мы выделили отдельно, поскольку он представляет собой нейтрализацию противопоставления "рефлексив" — "полу-причастие". Действительно, в то время как форма, скажем, k-i-b-a-tiɕ

³⁹ Исторически суффикс -j можно сопоставить с коттским -i, часто встречающимся в "пассивных" словоформах; тем не менее, как и в кетском, это явление не носит регулярного характера.

'это-скатится', противопоставленная форме d-k-i-d-tiŋ 'я-скачусь', относится к парадигме рамки ($_A$, CO), форма k-i-b-a-daŋ 'это-стреляное' является производной от глагола d-k-i-b-daŋ 'я-в-это-выстрелю' и представляет собой полупричастное образование.

Таким образом, нужно строго следить за тем, к какому классу мы относим формы с морфемным комплексом -b-a-, в зависимости от их реального значения и формальной противопоставленности другим частям парадигмы.

Мы пришли, следовательно, к необходимости постулировать особую форму кетского глагола, характеризуемую следующими чертами:

- а) отсутствие агентивных показателей;
- б) помещение в объективную позицию показателей -j-a- для актанта мужского или женского, и -b-a- для актанта вещного класса;
- в) все подобные причастные формы имеют в своей структуре маркер а-спряжения;
- г) квази-объектив -s- при трансформации не исчезает (сочетаясь, таким образом, с маркером а-спряжения, см. 2.5);
- д) изменение во времени теоретически возможно, но реально формы претерита засвидетельствованы лишь единично.

Это те особенности, которые касаются плана выражения. Что же касается плана содержания, то здесь мы должны заметить, что подобные формы имеют скорее результирующий, нежели пассивный оттенок значения (= "испытывать результат какого-либо действия"). Это доказывается следующими фактами: во-первых, как было замечено выше, эти формы имеют значение *participium perfecti passivi*, т. е. обозначают состояние, а не процесс (= "я-сделанный", но не "делаемый"); во-вторых, они крайне редко сочетаются с именем агенса в творительном падеже — как правило, агенс в этих случаях вообще не выражается, что довольно странно в случае пассива.

Ровно этой особенностью и отличаются "полупричастные" формы от форм рефлексивных: они обозначают состояние, в то время как рефлексивные парадигмы обозначают процесс. Формально это различие заключается в элиминировании у рефлексивных парадигм агентивных показателей, что семантически вполне объяснимо: раз состояние не подразумевает наличие агенса, то он и не нужен.

Следует также отличать результирующие полупричастия от квазиобъектива и "неполного" объектива. Ср., например, форму dī?

ba-ki-b-ta 'шапка-на-мне-надетая', которая с первого взгляда подходит под определение результата; на самом же деле, как легко заметить, это парадигма рамки ($_D, O^*$), поскольку в ней отсутствует морфема -a-.

Формально "результативная трансформация" выглядит следующим образом:

$$A + (D) + O + R \rightarrow (D) + \{A_1\} + O + \{A_2\} + R,$$

где A, D, O — актанты, R — корень, A₁ — маркер а-спряжения, A₂ — результативно-рефлексивная морфема.

Таким образом, мы приходим к выводу, что для кетского глагола в качестве неличной формы следует постулировать особое результативное причастие для всех переходных глаголов, изменяющееся по классу, числу, времени и (что весьма важно) дативным показателям. Последние также изменяются, ср. a-k-a-b-a-daḡ 'он-стреляный', i-k-a-b-a-daḡ 'она-стреляная'. Однако, поскольку датив не выражает главное действующее лицо словоформы, эти формы все равно можно считать "безличными" или, точнее, бессубъектными ("безагентивными").

Что же касается пассива, то для выделения его в качестве одного из значений категории залога, по-видимому, нет оснований.

5.4. Элиминировав, таким образом, кетский пассив, можно перейти к двум другим залогам, первый из которых выделяет только А. П. Дульзон, второй же — довольно много других исследователей, а именно, медиум и каузатив.

В качестве основного показателя медиума А. П. Дульзон выделяет морфему -s- (см. Дульзон 1968: 394-415). В нашей трактовке кетского глагола эта морфема соответствует показателю -s- в квази-объективной конструкции Б. Однако, как можно убедиться из приводимого А. П. Дульзоном материала, тот общий элемент значения, который объединяет все эти парадигмы и определяется им как абстрактный "медиум", не поддается формальному и однозначному определению.

А. П. Дульзон отождествляет морфему -s- с так называемым показателем "безлично-предикативной" формы, напр. at-se 'я болен' и др. Исходя из этого, формы типа d-aḡ-ha-s-a 'я-рублю-дрова' анализируются им как d-{aḡ-ha-si}-a, т. е. 'я — дрова-нарублены — делаю'.

Здесь же А. П. Дульзон пишет: "определяющая подоснова (т. е. все, что находится между агентивным показателем и второй основой) выражает только наличие или наступление состояния, возникшего без видимых усилий со стороны его субъекта и без воздействия на него извне. Поэтому такие формы можно назвать формами медиума" (Дульзон 1968: 396). Основные возражения, которые можно выдвинуть против подобной концепции, заключаются прежде всего в том, что в традиционной лингвистике понятие медиума относится вовсе не к подобным случаям, а стоит ближе к понятию категории версии (действие для кого-то), т. е. обозначает совершение субъектом действия для себя. Здесь же не следует забывать о том, что "субъект подопределяющей основы" на самом деле является не субъектом, а объектом действия, и поэтому форма *d-aq-ha-s-a* не может анализироваться как 'я рублю дрова-себе-лежащие', а только как 'я-себе-рублю-дрова'.

Если же анализировать эту словоформу как настоящую медиальную, то не представляется возможным увязать с ней все остальные формы с *-s-*. В самом деле, может ли форма *d-ba-k-i-s-doq* 'он-на-меня-набросится' означать 'он-себе-на-меня-набросится'?

Как мы уже выяснили, формы с показателем *-s-* на самом деле находятся в дополнительном распределении с формами глаголов *i-*спряжения, не содержащими этого показателя (см. 2.5). Следовательно, если мы постулируем для этого форманта значение медиума, мы должны будем считать "медиальным" все *i-*спряжение, противопоставляя его, таким образом, "не медиальному" *a-*спряжению. Для такого утверждения, однако, у нас нет ни малейшего основания.

Поэтому мы вынуждены полностью отказаться от "медиальной" гипотезы А. П. Дульзона, основывающейся на явно не корректном подходе к рассматриваемому материалу.

Совсем иначе обстоит дело с каузативным залогом.

Формально кетский каузатив представляет собой двухосновный глагол с провербной второй основой; при этом вторая основа в зависимости от способа действия и переходности может различаться (*-it-*, *-a*, etc.), проверб же всегда представлен в виде *q*, т. е. каузативная трансформация выглядит следующим образом:

$$A_1 + R_1 \rightarrow A_2 + R_1 + \{Q\} + O_1 + R_2,$$

где A_1 — субъект основного (каузируемого) действия, R_1 — корень, обозначающий каузируемое действие, A_2 — каузатор, $\{Q\}$ — основной показатель каузатива, а R_2 — вторая основа, пустая в лексическом отношении, но выражающая значение способа действия.

Вполне естественно, что A в каузативе переходит в O . В структуре не учтены показатели времени и маркеры спряжения.

R_1 , естественно, представляет собой глагольную основу, обычно (по-видимому, регулярно) инфинитив.

Варианты R_2 следующие:

it — однократный способ действия в формах рамки ($_A, O$);

a — многократный способ действия в формах рамки ($_A, O$);

tn — однократный способ действия в формах рамки ($_A, CO$);

dij — многократный способ действия в формах рамки ($_A, CO$);

qut — в формах с квази-объективными конструкциями A и B .

Е. А. Крейнович, по материалам которого мы в основном и приводим здесь примеры, сам не признает необходимости считать морфему $-q-$ показателем каузатива. Основная аргументация по этому поводу сводится к следующему: если мы возьмем две формы $d-nan-bed-q-i-b-it$ и $d-nan-bed-q-i-d-it$, то, в то время как вторая из них будет вполне естественно означать 'я-заставлю-его-делать-хлеб' (первая основа комплексная: $nan-bed$ 'хлеб-делать'), первая означает не 'я-заставлю-это-делать-хлеб', а просто 'я-хлеб-буду-печь'.

Е. А. Крейнович вполне справедливо полагает, что в первом из двух случаев морфема $-q-$ никак не может считаться показателем каузатива. Из этого он, однако, делает тот вывод, что, поскольку хлеб возможно печь только 'из-этого', но невозможно печь 'из-меня', 'из тебя', etc., то формы типа $d-nan-bed-q-i-d-it$ вместо 'я-хлеб-из-него-буду-печь' автоматически стали означать 'я-заставлю-его-делать-хлеб' (ГКЯ: 197-198).

Слабое место этой концепции заключается в том, что в данной парадигме формы типа 'я-хлеб-из-него-буду-печь' запрещены семантикой первой основы. Однако бывают и другие случаи, когда семантика первой основы разрешает заполнение объективной позиции любым показателем. Ср. еще один пример на ту же тему, приводимый Е. А. Крейновичем: $d-il-bed-q-i-b-it$ 'он-это-будет-ломать' — $d-il-bed-q-i-d-it$ 'он-меня-заставит-ломать'. В этом примере ничто не противоречит тому, чтобы проинтерпретировать последнюю форму как 'он-меня-будет ломать'; тем не менее, она также является кауза-

тивной.

Поэтому на самом деле окончательные выводы делаются с точностью до наоборот. Первичным значением показателя -q-, несомненно, должно быть признано каузативное. Что же касается форм типа d-nan-bed-q-i-b-it и d-il-bed-q-i-b-it, то эти формы действительно ни при каких обстоятельствах не могут иметь каузативного значения по одной простой причине: невозможно каузативировать объект вещного класса выступать в агентивной роли при совершении каузируемого действия. Иными словами, форма d-il-bed-q-i-b-it '*я-заставляю-это-ломать' невозможна, поскольку формально является результатом трансформации из формы *b-il-bed 'оно-ломает'.

Таким образом, формы на -qibit/-qimna должны интерпретироваться как бы с дополнительным "пассивным оттенком": 'я-каузирую-это-быть таким-то'. Однако это нисколько не противоречит каузативной теории, а лишь дополняет ее.

Как видно, в кетском глаголе достаточно оснований для того, чтобы выделять каузатив в качестве особой граммемы и в этом смысле признавать существование категории залога. Это не значит, конечно, что от всех глаголов на практике действительно образуются формы каузатива (хотя обратное практически всегда верно). Теоретически, однако, любые подобные образования возможны.

Каузативная концепция А. П. Дульзона в большинстве пунктов совпадает с нашей, за тем исключением, что мы, разумеется, не признаем выделяемых им форм "медиа-каузатива" и "каузатива-пассива", где он, в частности, принимает за показатель каузатива -q- даже дативный детерминатив -k- (в глаголах на -bo-k-s-a и др.), хотя они на самом деле различаются даже по своему фонемному составу (см. Дульзон 1968: 381-394, 415, 437).

5.5. Проблема залоговых отношений на этом исчерпывается. Однако, как было указано выше, существует еще одна проблема, в некотором смысле стоящая очень недалеко от залоговой, — проблема видовых отношений в кетском глаголе.

Как мы уже замечали выше, видовые отношения в кетском глаголе некогда были представлены нынешними показателями претерита -l- и -n-. Однако с тех пор видовые различия между ними явно затерлись, и они формально утратили видовое значение.

Тем более интересно, существуют ли реально в современном кет-

ском языке какие-либо иные средства выражения вида и насколько они грамматикализованы.

Основное видовое противопоставление, выделяемое в кетском большинством исследователей, — противопоставление по так называемым "способам действия" — однократному и многократному. Это противопоставление было подробно описано Е. А. Крейновичем (Крейнович 1968а), поэтому здесь мы не будем приводить много примеров или распространяться относительно различных средств выражения способов действия, а ограничимся лишь несколькими заключениями, сделанными нами на основании анализа этой статьи и некоторых других данных.

По-видимому, противопоставление двух способов действия в кетском глаголе формально аналогично видовым противопоставлениям в русском глаголе, где существует несколько различных и уже исчисленных способов перехода от одного вида к другому, но отсутствуют регулярные правила этого перехода, т. е. существует лексическое распределение между различными способами образования одного из двух видов.

То же самое относится и к кетскому глаголу. Обобщенное правило образования глагола многократного способа действия от глагола однократного действия (поскольку трансформация идет именно в этом направлении) заключается в добавлении второй основы к одноосновным глаголам и модификации второй основы у двухосновных глаголов.

Чаще всего в качестве маркеров многократного способа действия встречаются основы *bed* и *do*; однако этими двумя основами список их далеко не исчерпывается. Подробнее см. Крейнович 1968а.

Формально глаголы однократного и многократного способов действия ничем не отличаются друг от друга, т. е. в них не имеется никаких специальных показателей, они стандартно образуют одну и ту же парадигму и т. д. По этой причине, а также по причине невозможности на настоящий момент определить регулярное правило образования глаголов многократных от однократных, мы будем рассматривать их не как часть одной парадигмы, а как два разных типа глаголов.

Помимо способов действия, в кетском глаголе формально не выделяются другие видовые значения. Довольно много "видов" в кетском выделяет А. П. Дульзон (в том числе формы инхоатива, терминатива,

ингрессива, квантитатива и др.), но, как правило, все эти "виды" либо представляют собой различные аналитические формы, которым совершенно необязательно придавать грамматические функции (это все равно, что считать русские словосочетания типа "начал ходить" формами инхоатива), либо же вообще необоснованы.

Так, выделяя инхоатив в кетском, А. П. Дульзон разделяет его на два "подвида": "непредельный" и "предельный" (Дульзон 1968: 237-253). Первый из них, по А. П. Дульзону, представлен парадигмами на -a-q-an/-o-q-on (см. ниже), второй — парадигмами на -taq/-tonaq. При этом, уже не говоря о том, что "предельность" и "непредельность" все время перекрещиваются (т. е. то, что А. П. Дульзон называет "предельным" инхоативом, часто представлено парадигмой "непредельного", и наоборот), необходимо заметить также следующее:

а) парадигмы на -a-q-an/-o-q-on представляют из себя на самом деле словосочетание, состоящее из имени или инфинитива и одноосновной глагольной словоформы (ср. ket sel a-q-an 'человек-плохим-станет');

б) в том случае, когда глаголы на -a-q-an/-o-q-on все же являются двусловными, т. е. когда им предшествуют агентивные показатели, далеко не всегда присутствует инхоативное значение (ср. d-ula-q-an 'я-утону');

в) парадигмы на -taq/-tonaq на самом деле обозначают переход в другое состояние и уж во всяком случае не имеют никакого отношения к инхоативу (скорее уже к терминативу), ср. ket-ba-taq 'я-человеком-стану', ket-ba-t-o-n-aq 'я-человеком-стал'.

Замечания подобного рода относятся к большинству выделяемых А. П. Дульзоном видовых отношений. Непоследовательность, нелогичность и относительная произвольность в рассуждениях приводят к постулированию для кетского глагола весьма значительного числа грамем, на самом деле в нем отсутствующих.

5.6. На этом мы завершаем описание кетских грамматических категорий и в заключение хотели бы привести для удобства полный их список с указанием возможных значений.

К словоизменительным категориям в кетском языке относятся:

а) **Число**. Значения — единственное и множественное. Различаются три типа числа: агентивное (субъектное), выражаемое в конце словоформы; дативное (косвенно-объектное), выражаемое после да-

тивных показателей; объективное (объектное), выражаемое после объективных показателей.

б) **Лицо**. Значения — 1-е, 2-е, 3-е. Различаются три типа лица: агентивное (субъектное), выражаемое в начале словоформы; дативное (косвенно-объектное), выражаемое между показателями агентива и объектива; объективное (объектное), выражаемое в середине словоформы, после дативных показателей и, как правило, после показателей времени.

в) **Класс**. Значения — мужской, женский, вещный. Различаются три типа, при этом значение класса эксплицитно выражено только в 3-ем лице: агентивный, дативный, объективный.

г) **Кореферентность** (рефлексивность). Значения — кореферентный и некорреферентный. Эксплицитно выражается в третьем лице. Различаются два типа — дативная кореферентность и объективная кореферентность.

д) **Время**. Значения — презенс, претерит.

е) **Наклонение**. Значения — индикатив, императив.

ж) **Залог**. Значения — актив, каузатив; (медиум?).

К классифицирующим категориям относятся:

а) **Актантная характеристика** словоформы. Значения приведены выше: существуют пятнадцать возможных значений.

б) **Вид**. Два значения — совершенный, несовершенный, выражаемые соответственно показателями -п- и -л-. Вопрос о том, как называть эту категорию, проблематичен, так как, как упоминалось выше, кетский язык на настоящий момент перестал дифференцировать видовые значения. Для краткости мы предпочли это название.

в) **Тип спряжения**. Возможных значений два — i-спряжение, а-спряжение.

г) **Кореферентность**. В тех случаях, когда кореферентная парадигма не противопоставлена некорреферентной, эта категория является классифицирующей.

Вероятно, следует также выделять:

д) **Способ действия** (однократный, многократный) и

е) **Активность** (в зависимости от того, по какому типу спрягается глагол — ($_A$) или ($_A$), (O')); впрочем, можно эту категорию считать частным случаем категории актантной характеристики).

По этим категориям изменяются все формы кетского глагола, кроме неличной формы результативного причастия, никогда не

имеющей значения агентивного лица и имеющей специально выраженное значение результативности.

6.0. Общая структура словоформы и классификация по типам глагольных основ. Стрoение словарной глагольной статьи.

6.1. В предыдущих четырех разделах мы описывали различные элементы кетской глагольной словоформы (показатели актантов, времени, залога, маркеры спряжения и т. д.). В этом разделе мы намерены показать, каким образом они соединяются друг с другом и с чисто лексическими элементами (корнями), образуя цельную словоформу; это, таким образом, должно явиться подходящим завершением для всей работы в целом.

Прежде чем перейти к классификации различных типов кетских глаголов, необходимо сказать несколько вводных слов о структуре формы вообще.

Основным элементом словоформы является глагольный корень, обычно стоящий в самом ее конце (за исключением показателей мн. ч.). Этот главный корень, который мы до сих пор условно называли второй основой, мы с настоящего момента будем называть **ядром** словоформы, в отличие от первой основы — **модификатора**. Ядро не обязательно должно иметь какое-либо четко выраженное лексическое значение (десемантизация — см. ниже), но обязательно должно присутствовать в любой словоформе. Нулевое ядро возможно только в результате действия каких-либо фонетических процессов, напр. редукции (ср. di-b < di-b-a 'я-это-ем').

Список всех возможных ядер и будет являться списком глагольных корней кетского языка.

Все остальные элементы словоформы, включая также и первую основу — модификатор, находятся в непосредственной или косвенной зависимости от ядра. Они располагаются в строго определенном порядке и могут инвертироваться лишь при определенных условиях. Элементы эти бывают двух типов — лексические и грамматические. Основные грамматические элементы были перечислены выше. К лексическим относятся (помимо самого ядра), во-первых, модификаторы, во-вторых, **превербы**. Об отношениях между модификаторами и ядрами подробнее см. ниже.

В зависимости от количества и формы лексических элементов все

глаголы кетского языка можно разделить на следующие структурные типы:

I. **Ядерные** (одноосновные) глаголы.

II. **Превербные** глаголы, т. е. сочетание ядра с превербом.

III. **Модификаторные** глаголы, т. е. сочетание модификатора с ядром.

Наконец, существует также небольшая группа **превербно-модификаторных** глаголов, которая, однако, представлена совсем небольшим количеством глаголов и специально здесь не будет рассматриваться.

Общая схема, обнимающая все эти типы, будет выглядеть следующим образом:

Ag + Mod + Dat + Pr + Th + Temp + Obj + Ker + Plur,

где Ag — показатель агентива, Mod — модификатор, Dat — показатель датива, Pr — преверб, Th — тема (маркер спряжения), Temp — показатель времени (-l-, -n-, иногда -j-), Obj — показатель объектива, Ker — ядро, Plur — показатель множ. ч. Обязательным является среди них только ядро; все остальные элементы факультативны.

Вот пример словоформы, содержащей все эти элементы в вышеуказанном порядке: *dejbakoblgin* 'мы-закутались' (за исключением показателя объекта -b-, инвертированного перед показателем времени, см. выше).

d	ej	ba	k	o	b	l	gil	n
Ag	Mod	Dat	Pr	Th	Obj	Temp	Ker	Plur

Заметим, что в понятие Pr (преверба) мы включаем также и понятие дативного детерминатива.

Инверсии сводятся в основном к мене элементов **Obj** и **Temp** в случае, когда Obj представлено показателями -b-, -o-, -i-.

В данной схеме не учтены некоторые более мелкие детали, как, например, место компонента р/д в императиве (между Temp и Ker), однако в целом она охватывает почти все возможные формы⁴⁰.

⁴⁰ Каузатив формально представляет собой сочетание преверба -q- с ядром -it/-a/-tn, etc.

Теперь, когда мы представили эту схему, можно перейти к более подробному описанию различных структурных типов глаголов.

6.2. Относительно **ядерных** глаголов вряд ли представляется возможным сказать что-либо особенное; поэтому мы сразу же обратимся к второму типу глаголов, а именно, к **превербному**.

Как было замечено выше, в кетском языке зафиксированы следующие однофонемные превербы: k, t, d, h, q, n. Превербов s и b, выделяемых Е. А. Крейновичем, на самом деле не существует.

Вопрос о выделении более чем однофонемных превербов пока остается открытым. Так, до сих пор не ясно, можно ли трактовать глаголы, называемые Е. А. Крейновичем "глаголы с прерывной основой с деривационной морфемой в начале слова и корневой в конце", формально являющимися модификаторными с не вполне ясным лексическим значением модификатора (ср. d-us-ba-k-a-b-tad 'он-меня-ударит', где представлена хорошо известная морфема tad 'бить' и не встречающаяся отдельно морфема us), как превербные глаголы с двухфонемными превербами us-, es-, etc.

Мы все же склоняемся к трактовке этих модификаторов как более или менее самостоятельных, вероятно, десемантизированных, корней, основываясь, во-первых, на их небольшой частотности, во-вторых, на том факте, что стандартно позиция Pr в словоформе следует за позицией Dat (в этом отношении ср. вышеприведенную словоформу, в которой Dat таким образом как бы оказывается зажат между двумя превербами).

Таким образом, для выделения более чем однофонемных превербов не имеется достаточных оснований.

Наиболее сложным вопросом, связанным с превербами, является их семантическая интерпретация и связанная с этим этимологизация. В настоящее время уже не остается никаких сомнений, что все без исключения превербы полностью десемантизированы. Десемантизация, в свою очередь, обуславливает постепенное лексическое распределение превербов, в результате чего найти хоть сколько-нибудь удовлетворительное количество минимальных пар на превербы не представляется возможным. Количество таких минимальных пар, зафиксированных нами, исчисляется в буквальном смысле единицами.

Единственным способом проникнуть в сущность превербов оста-

ется, таким образом, семантический анализ превербных глаголов и попытка выделить в них общие элементы значения. Хотя с первого взгляда такой путь представляется весьма перспективным, однако на самом деле он, как видно уже из изысканий самого Е. А. Крейновича, а также некоторых его последователей, зачастую ведет к высокой степени абстрагирования от фактического материала, игнорированию многих языковых фактов и в конечном счете к абсурду.

Ровно по этой причине мы и не будем особенно вдаваться в семантический анализ превербных глаголов и приписывать какие-либо значения конкретным превербам, ограничась лишь общей характеристикой.

По-видимому, исконное значение этих формантов было, как у большинства элементов, в лингвистической теории носящих имя "преверб", направительным, т. е. преверб указывал на направление действия по отношению к окружающим предметам и к говорящему. В дальнейшем, однако, превербы лексикализировались, определенные превербы закрепились за теми или иными глаголами и подверглись десемантизации.

Особо выделяются превербы *k* и *t* (иногда *n*, в одном случае *q*, см. выше), образующие группу дативных детерминативов. Их особые, взаимозависимые, отношения с дативными показателями показывают, что, по-видимому, превербы характеризовались не только направительным значением, но и обладали какими-то дополнительными характеристиками. Характеристики эти могут быть интерпретированы по-разному в зависимости от направления зависимости показателей датива и дативных детерминативов.

Если направление зависимости идет от преверба к дативу, т. е. появление преверба и только оно может имплицитировать появление датива, то мы должны интерпретировать дативно-превербную конструкцию как атрибутивную, где к основному члену (превербу — явно именной морфеме) присоединяется второстепенный (датив, происходящий, как известно, от притяжательной формы местоимений). Таким образом, в форме типа *ba-k-i-s-sāl* 'я-переночую' *ba* интерпретируется как определение к превербу *k*.

Если направление зависимости идет от датива к превербу, т. е. появление датива обязательно имплицитирует появление преверба, превербы будут интерпретироваться как "уточнители" датива, конкретнее определяющие характер действия, затрагивающего датив. В

таком случае форма *ba-k-i-s-sāl* будет противопоставляться гипотетической форме **ba-t-i-s-sāl* в том смысле, что датив в этих двух формах на самом деле имеет различные оттенки значения.

С синхронной точки зрения нас больше удовлетворяет вторая из приведенных интерпретаций, которая и принята в качестве основной. Дать удовлетворительное объяснение этому факту с исторической точки зрения мы пока не в состоянии.

Поскольку мы, таким образом, синхронно признаем зависимость преверба от датива, дативные детерминативы отграничиваются от остальных превербов как менее самостоятельные и помечаются особо (см. ниже).

6.3. Наиболее подробно мы намерены остановиться на описании ядерно-модификаторных, или просто сложных глаголов.

Как уже отмечалось выше, в современном кетском языке сложные глаголы численно преобладают над простыми; с этим связан тот факт, что весьма часто основную лексическую роль берет на себя первый, формально необязательный и вторичный в структуре глагола компонент, оставляя второму — собственно глагольному корню — функцию, которую в первом приближении хочется назвать "строительной".

Так, в келлогском диалекте, судя по нашим материалам, с относительно большим количеством тех значений, которые в записях Е. А. Крейновича выражаются одноосновными (простыми) образованиями, у информантов связываются скорее двукоренные, производные формы. Исключительной продуктивностью отличается тип на *-bed*, а также на *-qibit/-qimna* (в узусе многих кетов, не относящихся к старшему поколению, от таких парадигм остались только застывшие формы на *-qimna*, и эти глаголы, таким образом, оказались лишены парадигматики, как реляция, так и выражение времени разрушились). К уменьшению числа активно используемых глагольных корней добавляется их сильная редукция, обусловленная конечным их положением.

Однако такая интерпретация конечного корневого компонента сильно затемняет реальную грамматическую картину, сохранившуюся ныне в речи немногих пожилых носителей.

Основной принцип образования сложных глаголов состоит во включении в словоформу некоторого начального компонента, несущего лексическое значение или его утратившего. Это явление не сле-

дует отождествлять с инкорпорацией в том понимании этого термина, которое соответствует положению, например, в чукотско-камчатских языках. В современном кетском отсутствует операция включения слов в комплекс морфем, примыкающий к глагольному корню, тождественная по регулярности и распространенности склонению имен и спряжению глаголов. Кетское инкорпорирование характеризуется как явление чисто лексическое. Набор основ, для которых возможно объединение с глагольной словоформой, строго определен. Это было окончательно выяснено нами в экспедиции. Повидимому, ранее в кетском существовала регулярная, грамматическая инкорпорация; примеры, иллюстрирующие ее, были записаны Е. А. Крейновичем на Суломае. Не исключено, что в каких-то идиолектах она (или, по крайней мере, ее реликты) может быть обнаружена и теперь; тем не менее, проведенная нами "проверка на инкорпорирование" не увенчалась успехом.

Кроме компонентов, способных употребляться самостоятельно, в качестве первой основы (модификатора) могут фигурировать и такие, которые не встречаются в других контекстах. Аналогичным образом, существуют конечные компоненты (ядра), встречающиеся только в сложных глаголах (их, по нашим наблюдениям, меньше, чем не употребляющихся самостоятельно модификаторов). Специфика работы со сложногоглагольным материалом состоит прежде всего в том, что иногда мы можем только догадываться о семантике начального или конечного компонентов.

Одним из основных критериев "объединения" модификатора и ядра в одну словоформу служит постановка перед модификатором агентивных показателей: *d-siŋ-bo-k-a-bed* 'я-завязываюсь'. Однако, как известно, в речи большинства информантов агентивные показатели в большом количестве контекстов могут выпадать, и в этом случае наш критерий не срабатывает.

В таких случаях существует еще один критерий — попытка вставить между модификатором и ядром еще одно слово (обычно — отрицание *bən*), напр., **siŋ bən bokabed* 'я не завязываюсь'. Поскольку модификатор образует единое грамматическое слово с остальной частью словоформы, можно ожидать, что в том случае, если мы действительно имеем дело со сложным глаголом, такая попытка окажется неудачной. И действительно, подобные конструкции, в том числе и вышеприведенная, отвергались информантами как неграм-

матичные.

О семантических особенностях сложных глаголов можно судить по тем случаям, когда нам хорошо известны значения как модификатора, так и ядра (чаще всего это бывает при самостоятельном употреблении того и другого), и мы можем соотнести их с результирующим значением. Здесь возможны два основных варианта:

1) Значение сложного глагола "складывается" непосредственно из значений модификатора и ядра, например:

d-uk-s-i-bed 'я-похлебку-сварю' (uk 'похлебка', bed 'делать'); d-igda-k-s-aq 'я-схожу-на-берег' (igda 'на берегу, на берег', aq 'сходить', ср. dījaq 'я-схожу').

2) Сочетание значений ядра и модификатора осмысливается совершенно особым образом, простым их "суммированием" результирующее значение получено быть не может, т. е. наблюдается идиоматизация, например: d-kur-a-tad 'он ужалит': kur 'клюв', tad 'бить'; d-inəŋt-a-kit 'он-чешется': inəŋ 'ногти', kit 'мазать'.

Учитывая возможность идиоматизации, мы не можем однозначно судить о семантике морфем, употребляемых только в качестве модификатора или ядра составного глагола по семантике всей сложной конструкции. Например, имея глагол d-un-bo-k-s-i-bed 'я-испачкаюсь', мы, строго говоря, не в состоянии четко определить значение морфемы un — это может быть, скажем, какой-то именной корень со значением "земля", "глина" или что-либо еще; синхронно она должна рассматриваться только в составе этого глагола как составляющая в семантическом отношении единое целое с bed. Наличие идиоматизации затрудняет также отождествление и дифференциацию ядер и модификаторов сложных глаголов с формально тождественными морфемами простых слов. Например, имея глагол d-ul-ba-t-a-b-daq 'он-меня-отпустит' с корнем daq 'кидать', мы можем только догадываться о том, имеет ли его модификатор отношение к корню ul 'вода'; если допустить идиоматичность этого образования, то такая возможность в принципе не исключена.

Принимая во внимание все эти трудности, необходимо выработать формальные принципы, с помощью которых можно было бы как можно единообразнее описать весь корпус сложных глаголов, не попадая в каждом конкретном случае в безвыходную зависимость от частных случаев.

В ГКЯ сложные глаголы разделены на три класса, которые харак-

теризуются соответственно тремя основными признаками (формулировки наши): 1) присутствие лексического значения как у ядра, так и у модификатора; 2) отсутствие лексического значения у ядра; 3) отсутствие лексического значения у модификатора. В двух последних случаях ядро и модификатор соответственно предлагается толковать как грамматические аффиксы ("деривационные морфемы" по Крейновичу; см. ГКЯ: 11).

Насколько можно судить, в качестве критериев "деривационности" для составляющих основы сложного глагола использовалось следующее:

1) отсутствие четко выраженного лексического значения;

2) "повторяемость" морфемы в одной и той же структурной роли в нескольких или многих образованиях, т. е. такая ситуация, когда этой морфемой как бы характеризуется словообразовательный тип.

Чтобы принять эти критерии к использованию или отказаться от них, нужно ответить на два вопроса:

1) Верно ли в случае кетского глагола, что компонент, не имеющий четко выраженного лексического значения и играющий одну и ту же структурную роль в некотором количестве конструкций, должен характеризоваться как грамматический аффикс?

2) Всегда ли мы можем быть уверены, что его лексическое значение нельзя определить?

Начнем с вопроса о конечной "деривационной морфеме", то есть о перешедшем, согласно ГКЯ, в разряд аффиксов ядре.

В ГКЯ приводятся, например, два глагола с конечным компонентом *-ti*, который Е. А. Крейнович считает "деривационной морфемой" (ГКЯ: 216). Однако, исходя из значения этих глаголов (*d-has-ti* 'я-кроить-буду', *d-as-ti* 'я-ягоды-рвать-буду'), можно с достаточной уверенностью судить о значении конечного *-ti*: это корень, обозначающий что-то вроде 'рвать', 'разделять на части', 'отделять'.

Иногда оказывается, что семантика позволяет отождествлять конечный компонент сложного глагола с корнем простого. Например, "деривационная морфема" *uk* в глаголе *d-taq-t-i-b-uk* 'я-это-поставлю' при сопоставлении с глаголами *d-t-i-b-uk* 'я-это-засуну', *d-ha-b-uk* 'я-это-воткну' оказывается корнем со значением 'помещать, прикреплять, ставить'. Показательно, что, ориентируясь на случаи полной десемантизации ядра, Е. А. Крейнович видит ее даже там, где она отсутствует, и в данном случае ошибочно относит *tibuk* к глаголам с

начальной лексической частью, считая, видимо, преверб *t-* корнем (ГКЯ: 216).

Еще более замечательным примером являются глаголы на *-tij*, конечному компоненту которых автор ГКЯ приписывает довольно странное значение "становление отрицательного признака", считая его, видимо, в значительной степени делексикализированным (хотя и не определяя его как аффикс). Между тем, по-видимому, это *-tij* вполне может быть отождествлено с корнем глагола 'расти' (ср. *a-b-a-tij* 'это-вырастет'), и такие глаголы, как *əqin-ba-k-a-tij* 'я-обовшивею', *aul-k-a-j-a-tij* 'это-возьметса-окисью', *hus-k-a-tij* 'это-заплесневевает', в этом случае могут буквально означать 'я обрасту вшами', 'это обрастет плесенью' и т. п. Конечно, некоторые из таких отождествлений можно оспорить, учитывая оморфемность, однако есть случаи абсолютно несомненные (см. ГКЯ: 135-136).

Велико также число глаголов, в которых ядро действительно полностью десемантизировано. Таковы глаголы на *-d(-t?)/-a*, *-dn*, *-a* и некоторые другие. Целесообразно ли, однако, считать их глаголами суффиксального образования?

Аргументом в пользу "аффиксированности" ядра в этих глаголах могут служить сложившиеся между ними (ядрами) отношения, подобные грамматическим. Само собой разумеется, что аргументом в пользу корневого статуса подобного рода морфем является их положение в слове. Уже Е. А. Крейнович в целом правильно наметил их характер, предположив развитие их из корней, так что об их происхождении вопросов не возникает (хотя А. П. Дульзон, как было частично упомянуто выше, членил, например, в составе сложного глагола корень *bed* — даже не десемантизированный! — на *b-(e)-t*). Однако речь идет о синхронном описании. Наша цель здесь — показать, что синхронная ситуация не вынуждает нас проводить формальную классификацию конечных морфем в сложных глаголах.

Е. А. Крейнович отмечает, что многие из этих конечных корневых морфем в процессе речи претерпевают сильные фонетические изменения (в основном — редукцию и выпадение звуков) и становятся отличными от исходных корней. Так, в качестве иллюстрации этого приводится случай с корнем *-qus* 'брат, нести' (ГКЯ: 187), который при прибавлении первой основы, несущей ударение в силу своей начальной позиции в слове, теряет при произнесении начальное *q* (интервокальный аллофон *q*, см. экскурс 2). Это, по мнению Е. А. Крей-

новича, говорит в пользу превращения его в деривационную морфему. Между тем в записях Е. А. Крейновича зафиксированы случаи, когда то же самое происходит с корнями простых глаголов (ср. *кајут* < *d-k-a-j-qt* 'я-поднимусь'). Что же касается наших записей, то здесь редукция и ассимиляция совершенно одинаково затрагивает корни как в сложных, так и в простых конструкциях. Тот же корень *-qus* звучит как *-us* не только при наличии первой основы, но и в простом глаголе *d-bo-k-b-i-qus* 'я-это-несу' (причем такое явление наблюдается в речи лучших информантов).

"Промежуточное" состояние, зафиксированное Е. А. Крейновичем на Суломае, когда в произношении некоторых звучит, с одной стороны, *богбивус* (простой глагол), с другой — *кајвус* (сложный глагол), никак не может иметь принципиального значения и служить основанием для подобных грамматических выводов.

Добавим к этому, что известны случаи полного "исчезновения корней", и самый известный из них (*dip* < *di-b-a* 'я это ем', уже пришедший выше) относится к области простых глаголов.

Таким образом, фонетические изменения, на наш взгляд, не служат в данном случае признаком грамматикализации.

Е. А. Крейнович отмечает также, что многие корни при прибавлении модификатора не осознаются информантами в том значении, которое они имеют в простых конструкциях; так, например, корень *-qus* в *d-us-k-a-b-qus* 'я-это-открою' (> *дускавус*) воспринимается как нечто совершенно отличное от корня глагола *d-bo-k-b-i-qus*. Мы не отрицаем смысловой "размытости" *-qus* в этом случае, однако мы в состоянии с полной уверенностью отождествить его с корнем глагола "нести". Что же касается восприятия информантов, то переоценивать его при анализе рискованно, а в случае с кетским языком в особенности.

Нужно заметить, что ситуация, наблюдаемая нами, несколько парадоксальна: в языке с ярко выраженной префиксальной структурой мы имеем множество примеров "перемещения" лексической информации "влево", к началу слова, частичной или даже полной утраты корнем своих обычных функций при сохранении формальных свойств. В принципе способ описания, выбранный Е. А. Крейновичем, конечно, не исключен; можно было бы также, например, глагольные корни, значение которых нам известно и которые при этом используются в сочетании с большим количеством первых основ, считать

своеобразными суффиксами со специфическими значениями (ср., например, ненецкий суффикс *-ja* со значением 'пахнуть тем, что выражено корнем'), противопоставляя их, таким образом, с одной стороны, "малопродуктивным" корням, как относящимся к лексической сфере, с другой — десемантизированным "вторым основам", могущим быть соотнесенными с морфемами вроде маркеров спряжения ввиду чисто "строительной" их функции. Однако такое "дробление" статуса рассматриваемых элементов, как нам кажется, сделало бы описание, во-первых, излишне сложным и громоздким, во-вторых, вступило бы в противоречие с основными структурными закономерностями кетского глагола.

Таким образом, мы предпочитаем в данном случае ориентироваться более на формальную сторону, учитывая общий "облик" языка, а также не идти вразрез с исторической картиной и считать то, что Е. А. Крейнович называл "деривационными морфемами", корнями.

Укажем на два становящихся очевидными а priori удобства такого решения. Мы получаем возможность избавиться от проблемы "колеблющегося статуса" (например, определяя, относится ли конечная морфема *-a* в некотором глаголе к корням или нет, мы должны будем решить, соотносится ли она, например, с корнем *-a* 'проходить, кончаться'; соображения семантического плана, возникающие в таких случаях, часто заводят в тупик).

Кроме этого, возможны случаи, когда как в качестве ядра, так и в качестве модификатора выступают морфемы, о значении которых мы не можем сказать ничего определенного и которые к тому же имеют ту особенность, что "повторяются" в некотором количестве глаголов, не меняя своей локализации. Следуя принципам Е. А. Крейновича (согласно которым отсутствие ясного лексического значения и повторяемость детерминируют аффиксальный статус), мы должны будем признать некоторые глаголы вообще не имеющими корней, либо имеющими прерывный корень (что для кетского исключено), либо считать, что какая-либо из этих двух "неясных" морфем является корнем — однако в последнем случае мы будем не в состоянии определить, какая именно.

Хорошим примером может служить глагол *diksa* 'я-скажу'. Е. А. Крейнович относит его к глаголам с корневой морфемой в начале слова и отмечает, что *ik* значит 'говорить' (ГКЯ: 190). Однако в его распоряжении не было, по-видимому, никаких специальных указа-

ний на семантику *ik* (в случае встречи его в качестве инфинитива последний был бы приведен). Таким образом, вся лексическая нагрузка "взвалена" на *ik* по остаточному принципу, ибо Е. А. Крейнович а priori считает -а "деривационной морфемой" (ср. *d-taŋaj-bo-k-s-a* 'он-меня-потянет' при *taŋ* 'тянуть', *ul-b-a* 'это-вымокнет' при *ul* 'вода' и т. п.).

Компонент *ik*, однако, встречается еще, по крайней мере в одном примере, в такой же чисто "формальной" функции, что и -а, ср. *dik-k-i-d-sij* 'я-обвяжусь'. В этом примере он, однако, сочтен "деривационной морфемой".

Таким образом, принимая деление на корни и "деривационные морфемы", можно было бы выбрать для этих случаев трактовку, обратную представленной Е. А. Крейновичем. Мы, однако, предпочитаем очистить описание от особенностей, приводящих, в частности, к ситуации такого выбора наугад, уменьшая количество признаков, которые должна иметь морфема, чтобы называться корнем; мы ориентируемся на ее структурную роль.

Обратимся теперь к вопросу о "первой основе" (модификаторе). Как может быть ясно отчасти уже из вышеизложенного, ситуация с ее статусом примерно такова же, что и в случае со "второй основой" (ядром). Однако здесь автору ГКЯ достаточно иногда единственного примера употребления десемантизированной (или имеющей неизвестное значение) морфемы, чтобы записать ее в "деривационные" (т. е. грамматические).

Например, морфема *al* в качестве модификатора присутствует, согласно ГКЯ, в единственном глаголе — 'избивать' (*d-al-d-a-d-do* 'он-меня-избивает'; второе -d- — преверб, ГКЯ: 243), представляя из себя что-то наподобие префикса. Однако подобным образом обычно трактуются морфемы, более или менее ясным образом модифицирующие значение корня, семантика которых поддается определению. Если же неизвестна этимология подобных модификаторов, то это определение приходится давать, основываясь исключительно на результатах наблюдений над семантикой глаголов, в которых они встречаются.

Здесь могут помочь прежде всего минимальные пары (когда мы имеем "бесприставочный" и однокоренной "приставочный" глагол — в этом случае можно было бы сделать некоторые выводы, даже не располагая большим количеством примеров), или же, по крайней мере, наличие нескольких глаголов, имеющих в своем составе не

только интересующую нас морфему, но и нечто общее в семантике.

Что же касается элемента *aI*, то "деривационная" его трактовка вызвана только тем, что по своей структурной роли он сопоставим с некоторыми другими, наблюдающимися более чем в одном глаголе (*es, is, us*). Конечно, "единичность" некоторых элементов в принципе не исключает их грамматического характера (ср. *-з-* в русском глаголе позволять и еще двух-трех однокоренных словах), однако кетский глагол имеет ряд особенностей, почти детерминирующих некоторые черты адекватного описания. В частности, тождественную с *aI*-локализацию имеет множество "инкорпорированных" слов, место после показателей агентива очень часто отводится единицам, лексический характер значения которых не подлежит сомнению. Что же касается "повторяющихся" элементов, то одни из них довольно надежно этимологизируются (так, *es*, по нашему мнению, не что иное, как корень со значением 'верх'), семантика других же даже при сопоставлении содержащих их глаголов совершенно не проясняется.

Таким образом, среди первых составляющих мы не находим таких, которые могли бы выступать только в чисто грамматической функции и при этом имели бы ясное значение. Отводить же морфемам типа *ik* "строительную" роль вряд ли целесообразно: если некоторые несловоизменяемые части словоформы, такие, как дативные детерминативы или маркеры спряжения, обязательны, т. е. существуют структурные условия, детерминирующие их участие в построении словоформ, то для модификаторов таких условий нет, их фигурирование характеризуется как сутобо частное явление, и при отсутствии у них грамматического значения мы не можем сослаться на их особую "бессемантическую" грамматическую функцию.

Исходя из всех этих соображений, мы склонны рассматривать модификатор как лексический элемент, независимо от его характеристик. Лексический же "приоритет" может принадлежать ядру. Таким образом, как нам кажется, удобно описывать все глаголы с "прерывной основой" как образованные в результате корнесложения.

6.4. Какова же должна быть формальная трактовка отношений между двумя корнями внутри сложного глагола? В ГКЯ отмечается, что "осложнять" глагол могут корни, в свободном состоянии наблюдающиеся в разных частях речи — корни как именные, так и глагольные. Из описания, данного в ГКЯ, в общем, непонятно, предла-

гается ли трактовать некоторые модификаторы как играющие ту же роль, что и ядра, расположенные в конце словоформы, т. е. как несущие предикацию. "Претендентами на предикативность" модификаторы могут быть сочтены в следующих случаях:

а) модификатор не встречается в свободном состоянии, семантика его определяется только по семантике содержащего его сложного глагола; при этом значение ядра не связано непосредственно со значением этого глагола и, как правило, является очень общим, "размытым", явно выражая лишь идею действия или становления;

б) модификатор, являясь составной частью глагола при тех же условиях, вдобавок к этому еще выступает в других глаголах в качестве "обычного" корня.

Примеры на а): d-to-ba-k-a-tad 'он-меня-поймает'; d-il-u-k-s-ibed 'я-это-сломаю'; d-is-a-bed 'я-гребу'.

Примеры на б): d-siŋ-bo-k-a-bed 'он-меня-завяжет' (ср. d-ik-k-isiŋ 'я-обвяжусь'); d-tatiŋ-q-a-b-da 'я-выпрямляю' (ср. d-k-i-b-tatiŋ 'я-рулю'; -da — 'класть', ср. d-a-b-da 'я-кладу').

Можно ли считать, что в этих случаях глагольное слово содержит две предикации и интерпретировать такие формы как 'он-поймает-меня-ударит', 'я-сломаю-это-сделаю', 'я-выпрямляю-это-кладу', etc.?

В первом случае (а) нужно обратить внимание на те глаголы, в которых значение модификатора нам известно, ср., например, d-qa-da-d-tad 'в-чум-меня-втолкнет' (qa — 'внутренность жилища'; второе d — преверб), d-il-s-i-bed 'я-дыщу' (il 'вдох'), d-qa-k-s-bo-k-s-ibed 'он-меня-ранит' (qa-k-s 'раненый') и т. п. В подавляющем большинстве случаев модификатор имеет ярко выраженный именной характер. Учитывая отмеченную выше идиоматичность сложных глаголов, можно понять, насколько иллюзорна необходимость приписывать модификатору с неизвестной семантикой семантику всего сложного глагола, оставляя ядру роль "довеска" (т. е., например, 'ловить' + 'бить' = 'ловить', 'ломать' + 'делать' = 'ломать' и т. п.). Значение сложного глагола складывается из значений обеих основ, и при этом или одна из них, или они обе могут оказаться в значительной степени утратившими свою исходную семантику.

Нам неизвестно, что означает il в глаголе 'ломать', но в нашем распоряжении имеются такие случаи, как d-i-neŋ-ba-k-a-tad 'он-меня-царапает', означающее буквально 'он меня ногтями бьет', по которым хорошо видна семантическая схема образования сложных глаголов:

"распространение" значения, выраженного ядром (предсказуемого), посредством элемента, не несущего предикации, как правило, именного. Находясь в пределах одного слова, ядро и модификатор составляют одну сложную предикативную единицу ('царапать'), подобно тому, как это бывает в приставочных глаголах, например, в русском или венгерском языках, но никак нельзя говорить о глагольном, предикативном характере собственно первой основы. Мы имеем дело, собственно говоря, со своего рода семантическими пропорциями:

$$\begin{array}{lclclcl} \text{'ногти'} & + & \text{'бить'} & = & \text{'царапать'}; \\ \text{'X'} & + & \text{'делать'} & = & \text{'ломать'}. \end{array}$$

Мы не знаем значения X, но нам хорошо видна его семантическая роль; d-il-u-k-s-i-bed может означать, например, 'на куски делать' или 'разрушение, изъязн делать', но никак не 'ломать-делать'.

Что касается случая (б), то здесь следует помнить о явлении конверсии. В некоторых случаях совершенно не имеет смысла закреплять за корнем ту или иную "частеречную" характеристику. Так, "инфинитив", состоящий из глагольного корня, является в действительности именем (либо представляет собой особую часть речи, см. экскурс 3). Следовательно, сталкиваясь с дистрибуционным тождеством выступающих только в именной репрезентации элементов (типа qaks 'раненый') и корней, выступающих в других образованиях как глагольные (типа siŋ 'вязать'), вряд ли разумно считать последние сохраняющими предикативный характер. Форму d-siŋ-bo-k-a-bed удобнее, таким образом, интерпретировать как 'он-завязанным-меня-сделает', 'он-в-смысле-завязывания-мне-сделает', но не как 'он-меня-завяжет-сделает'.

Согласно нашему описанию, ядро, даже уступив лексический приоритет модификатору, неизменно сохраняет роль носителя предикации. Однако даже при уясненном "распространительном" статусе модификатора остается вопрос о том, какие бывают виды отношений, подобных синтаксическим, внутри глагольного слова, и следует ли вообще их выделять.

При ознакомлении с материалами ГКЯ (включая как приводимые кетские данные, так и текст, их интерпретирующий), можно склониться к трактовке модификаторов в различных глаголах как имею-

щих формально функции агентива, объектива и различных обстоятельств. Так, например, глагол *həgdaŋ-bo-k-i-s-bej* означает 'буран-меня-занесет'. Значит ли это, что имя, являющееся модификатором, выступает здесь в качестве субъекта-агенса? Аналогичным образом, играет ли основа *al* 'суп' в глаголе *d-al-bed* 'я-суп-сварю' роль инкорпорированного объекта? У кетского имени нет вообще никаких показателей, которые бы маркировали субъектно-объектные отношения, так что, казалось бы, мы можем приписывать им (компонентам) различные "роли" из чисто семантических соображений. Однако маркировка грамматических ролей в кетском, как известно, все же существует — она производится посредством согласовательных аффиксов в глаголе. В случае же с модификаторами мы не имеем никаких формальных указаний на роль модификатора.

По поводу вопроса о возможном агентивном (субъектном) характере в некоторых глаголах можно сделать два замечания. Во-первых, ничто не мешает нам трактовать именную составляющую в том же *həgdaŋbokisbej* и как объект в бессубъектном глаголе: 'буран-меня-надует' (ср. *bo-k-s-i-bej* 'меня-несет-ветром'). Во-вторых, инкорпорация субъекта, насколько нам известно, типологически беспрецедентна (конечно, мы не можем утверждать этого с полной уверенностью, так как для этого нужно было бы проверить материал всех инкорпоративных языков; по крайней мере, мы ни разу не встречали указаний на такое явление в литературе, посвященной вопросам инкорпорации).

Что же касается объективного (объектного) статуса именной составляющей, то можно было бы, конечно, дифференцировать его от составляющих с обстоятельственным значением (типа *d-ej-t-a-kit* 'я-языком-пробую', букв. 'языком мажу' (*ej* 'язык'), *d-ugd-t-a-b-sidn* 'я-это-удлиню' — 'длинным это сделаю' (*ugd* 'длинный')), формулируя значение глагола как 'производить действие над тем, что обозначает модификатор'.

Эта семантическая схема подтверждается тем, что такой сложный глагол может быть трансформирован во фразу, в которой бывший модификатор будет выступать в качестве объекта. Ср. пример, приводимый Е. А. Крейновичем: *d-aŋip-i-j-ə* 'я-веревки-вью', но *aŋip d-i-b-ə id*. В чем заключается различие между подобными случаями?

Е. А. Крейнович считает, что при инкорпорации логическое ударение стоит на объекте, а в предложении с объектом — на глаголе.

Этот вывод сделан главным образом на основе акцентуационных данных, в сложном глаголе ядро безударно. Однако вряд ли уместно так далеко идущее толкование особенностей ударения. Безударность ядра в сложном глаголе связана просто с тем, что ударение тяготеет к началу слова. К тому же нельзя сказать, что в предложении имя объекта безударно. По нашему мнению, включение имени в глагол отражает некоторое понижение его в ранге с дополнения до обстоятельства (с актанта до сирконстанта), отнятие (по крайней мере, частичное) у нее статуса участника ситуации. Значение модификатора, восходящего к объекту, как бы становится составляющим единого глагольного значения (нож-делать, etc.), внимание сосредотачивается на действии. Модификатор является в этом случае, как и в других, определителем значения ядра. Это вполне соответствует как и общему положению в языках с инкорпорацией, так и тому факту, что формально модификатор объектного происхождения ничем не отличается от других.

Таким образом, выделение у модификатора актантных ролей кажется нам излишним. Мы устанавливаем для него единую атрибутивную функцию. Актантные рамки сложных глаголов в нашем описании не будут принципиально отличаться от актантных рамок простых (см. ниже, 6. 5). Благодаря этому станет возможным покончить с интерпретационным разнобоем, мешающим построению единой системы описания. Например, описывая глагол *don-bo-k-d-a-q-an* как 'нож-мне-станет' и трактуя нож как агентив, мы вряд ли сможем применить такое же описание к глаголу *ket-ba-k-a-b-q-an* и интерпретировать его как 'обида мне станет', так как здесь агентивная позиция незаполнима ввиду наличия *-b-* (квази-объективная конструкция A). Можно сказать, что принципиальное отличие сложного глагола от фазы и заключается, в частности, в отсутствии актантных отношений между составляющими его основы.

Важно, однако, обратить внимание на следующий момент: несмотря на то, что модификатор не в состоянии сам играть роль какого-либо актанта, появление его в структуре глагола может существенно влиять на его падежную рамку (модель управления). Так, глагол *bed* 'делать' в качестве простого имеет "тривиальную" модель управления вида (*_A, O*). Однако при присоединении различных модификаторов эта рамка может трансформироваться следующим образом:

а) присоединение модификаторов типа *don* 'нож', *háń* 'хлеб', *dí?* 'шапка' и др. трансформирует ее в рамку ($_A$), при этом с вставкой квази-объектива *-s-*, ср. *d-don-s-i-bed* 'я-нож-делаю';

б) присоединение модификаторов типа *el* 'острога', *haj* 'весло', *asl* 'лыжка' и др. трансформирует ее в рамку ($_A$), но без вставки квази-объектива: *d-el-i-bed* 'я-острогу-делаю' (впрочем, как было указано в 2.5, эти случаи дополнительно распределены);

в) в случае, если вне глагола указан материал, из которого производится объект, обозначенный модификатором, это влечет за собой инкорпорацию в глагол дативных показателей, согласующихся с именем по классу; таким образом глагол приобретает рамку ($_A, D /o-k/$), ср. *kidä e a d-don-u-k-s-i-bed* 'из этого железа я-нож-из-негосделаю'; *tu is d-al-u-k-s-i-bed* 'из этой рыбы я-уху-из-нее-сделаю'.

Последний случай показывает, что трансформация модели управления может зависеть не только от модификаторов, но и от "второстепенных" актантов, стоящих за пределами глагола. Тем не менее, подобные "дативные" трансформации глагола *bed* возможны только в случае присутствия в нем модификатора.

Этим, однако, не исчерпываются трансформации модели управления глагола *bed*. Ср. следующие формы:

- г) *d-un-bo-k-s-i-bed* 'он-меня-испачкает' ($_A, D/o-k/$);
- д) *d-un-bo-k-s-i-bed* 'я-испачкаюсь' ($_A, CD/o-k/$);
- е) *d-anij-ba-t-s-i-bed* 'он-обо-мне-думает' ($_A, D/a-t/$);
- ж) *d-anij-ba-t-s-i-bed* 'я-о-себе-подумаю' ($_A, CD/a-t/$);
- з) *d-elij-i-d-bed* 'я-дышу' ($_A, CO$).

(В случаях г — д и е — ж мы привели недиагностические формы; диагностическими будут, естественно, формы третьего лица).

Как видно, в зависимости от модификатора падежная рамка ядра может изменяться очень сильно. Кроме этого, как уже было замечено выше, может изменяться тип спряжения (ср. также форму *d-sij-bo-ka-bed* 'я-завязываюсь', где *i*-спряжение меняется на *a*-спряжение) и иногда — выбор показателя претерита, хотя это и случается крайне редко; так, глагол *bed* во всех своих "ипостасях" сохраняет показатель *-l-*. Ср., однако, вышеприведенный пример *həgdeŋ-bo-k-i-s-bej* 'буран-меня-занесет' — прет. *həgdeŋ-bo-k-i-n-bej*, но *bo-k-s-i-bej* 'меня-ветром-несет' — прет. *bo-l-i-bej*.

С "естественной" точки зрения мена модели управления и показателя претерита вполне оправдана, поскольку введение в структуру глагола модификатора часто отражается как на количестве и функциях участников ситуации, так и на характере действия. Невозможно объяснить лишь мену маркеров спряжения.

Все подобные трансформации должны учитываться при анализе любого сложного глагола.

6.5. Разобрав, таким образом, все возможные типы глагольных структур, мы перейдем к последнему, завершающему вопросу, а именно, к проблеме построения глагольной словарной статьи.

Вопрос этот уже ставился некоторыми исследователями, однако никакой определенной точки зрения на него до сих пор не выработано. До сих пор неясны многие детали, как-то: в каком виде должна быть представлена информация в словаре (словоформы или пометы?), какие конкретно давать словоформы, приводить ли формы способов действия, каузатива и т. д.

Последняя попытка подобного рода известна нам по статье Р. С. Гайер "О построении глагольной словарной статьи в сравнительном словаре енисейских языков" (Гайер 1984). Достоинство этой статьи заключается в том, что в ней предлагается достаточно формальный и четкий способ представления всех особенностей глагола. Основной ее недостаток, однако, сводится к тому, что в качестве базы для построения словарной статьи Р. С. Гайер выбрана система, предложенная А. П. Дульзоном. Следовательно, все те заведомо некорректные установки, которые рассыпаны на страницах работы (Дульзон 1968), к числу которых относятся постулируемые им формы пассива (на *bed*), терминатива, дуратива, медиума и др., мы встречаем и в работе Р. С. Гайер. В результате, хотя сам подход, предлагаемый в этой работе, приветствуется нами как призыв к формализации кетского глагольного материала, мы вынуждены признать, что попытка осуществить эту формализацию в реальности не привела к успеху. Причины этого вполне понятны: без достаточно хорошего описания кетского глагола как системы построение удовлетворительной словарной статьи абсолютно невозможно. Единственным потенциальным выходом из этой ситуации было бы приведение всей парадигмы целиком.

Ровно таким образом и выходит из положения Г. К. Вернер в недавно изданном "Кетско-русском словаре" (Вернер 1990). В приложе-

нии к нему собраны все наиболее употребительные типы глагольных парадигм (всего около тридцати), каждый из которых проиллюстрирован одной парадигмой и к каждому из которых отсылается читатель при помощи специальной пометы при каждой глагольной основе, помещенной в словаре. Так, модификаторный глагол {L}{BED} 'вздыхать' записывается следующим образом:

иль вздохнуть, вдыхать; **дильсивит** (13) вдохну;

число (13) отсылает нас к соответствующему типу спряжения, представленному в приложении парадигмой глагола **аньбет** 'думать': **даньсивет** 'думаю', **каньсивет** 'думаешь', **даньсивет** 'думает', etc.

Подобный метод хорошо подходит для чисто учебных целей, поскольку помогает усваивать глагольные парадигмы по аналогии друг с другом; однако он ни в коем случае не представляет собой структурного подхода к проблеме подачи глагольного материала в словаре. Даже в том случае, если методом Г. К. Вернера будут исчислены все возможные типы кетского спряжения, они все равно останутся неструктурированными и неразобранными и будут представлять собой нечто вроде "черного ящика".

Поэтому теперь, когда, как нам представляется, введен некоторый формальный аппарат, с помощью которого можно описать любую словоформу, мы можем осуществить и эту задачу, которая должна обобщить почти все вышесказанное, сведя его к нескольким простым формулам.

Как нам представляется, в качестве заголовочного слова удобнее всего приводить корень. Мы выбираем именно корень, а не инфинитив, потому, что сам инфинитив не имеет регулярного способа образования и представляет собой на самом деле нечто типа отглагольного существительного. Помещение же в заглавную позицию корня облегчает задачу построения парадигмы в целом (см. экскурс 3).

Мы также считаем, что словарная информация должна приводиться не в виде отдельных словоформ, а в виде специальных помет. Это значительно сокращает объем статьи и к тому же гораздо удобнее для непосредственного восприятия. Разумеется, ничто не препятствует также приводить и ряд диагностических словоформ; однако это представляется нам вторичным и необязательным.

Пометы должны содержать следующую информацию:

а) Модель управления, иначе говоря, падежная рамка. Все типы падежных рамок приведены выше, в разделе об актантной сочетаемости. Приводиться они должны ровно в той же форме, в которой они даны в этом разделе. При показателях датива также указывается ряд (ba или bo) и соответствующий детерминатив (как правило, k или t). Квази-объективная конструкция Б в рамках не указывается (см. 2.5).

б) Маркер спряжения — -i-, -a-.

в) Показатель претерита — -l-, -n-, вероятно, также -j-.

Для удобства последние две пометы будут объединяться в скобки, образуя, таким образом, сочетания [il], [in], [al], [an], etc.

Отдельно указывается форма инфинитива (если она засвидетельствована или вообще существует).

Это вся информация, которая требуется для построения парадигмы простого глагола.

Примеры подобных статей:

doq 'лететь': ($_A$, (CO)) [in]; doq;

s 'одевать': ($_A$, (O), (CO)) [il]; sin;

sāl 'ночевать': ($_D$ /ak/) [in]; sāliŋ.

Каузативные формы не приводятся, поскольку формально выводимы из простых (каузативную трансформацию см. выше). Также не приводятся соответствующие формы многократного способа действия и другие производные формы, в которых присутствует другое ядро. Эти глаголы считаются не принадлежащими к данной парадигме⁴¹.

Превербные глаголы формально считаются производными от непревербных и поэтому даются в той же статье, где приводится и соответствующий беспревербный глагол. В большинстве случаев, однако, превербному глаголу не находится никаких беспревербных соответствий. В таких случаях "основное" гнездо остается незаполненным, а "вторичное" считается производным, напр.:

tas 'вставить': ---; DerPr(tas, {H}): ($_A$, CO) [al].

Здесь DerPr означает, что от основного глагола путем трансформации произведен новый глагол с превербом h. Вообще Der в данном контексте является двухаргументной функцией, содержащей в качестве первого аргумента ядро, а в качестве второго — преверб или

⁴¹ Возможна, правда, отсылка к соответствующим другим статьям. Этот вопрос разработан еще не полностью.

модификатор и выдающая словоизменительные характеристики словоформы, произведенной от их сочетания.

Сразу же заметим, что бывает и "чистое" Der, когда один глагол произведен от другого путем мены модели управления. В таком случае вторым аргументом Der является обозначение вводимого или замененного актанта. Ср. пример, уже приведенный выше:

tad 'бить': ($_A$, O) [in]; Der(tad, Dat) 'приставать': ($_A$, D /at/, O*) [il].

Дативные детерминативы, как видно уже из этого примера, рассматриваются как зависящие от дативных показателей; поэтому глагол d-ba-t-a-b-tad 'он-ко-мне-пристает' представляется не в виде DerPr (т. е. производным при помощи преверба), а в виде чистого Der (т. е. производного при помощи мены падежной рамки).

Сложные (модификаторные) глаголы также рассматриваются как производные от соответствующих простых (ядерных). Ср.:

bed 'делать': ($_A$, O) [il]; DerMod(bed, {AL}) 'суп' 'готовить суп': ($_A$) [il].

Напомним еще раз, что все глаголы, традиционно рассматриваемые как производные от их модификаторов, в том числе многократного способа действия и др., рассматриваются нами как на самом деле производные от их ядер. Так, глагол sālīn-ba-k-a-do 'я-(многократно)-ночую' является производным не от глагола ba-k-i-sāl 'я-ночую', а от абстрактного глагола *ba-k-a-do. Это обуславливается "главенствующим" характером ядра по сравнению с модификатором. Точно так же в вышеприведенном примере глагол d-al-i-bed 'я-суп-готовлю' направление зависимости идет от ядра bed к модификатору al, а не наоборот.

Функция Der может применяться неоднократно. Так, к вышеприведенному глаголу tad 'бить' можно добавить еще следующее:

DerMod(Der(tad, Dat), {US}) 'бить (палкой)': ($_A$, D/a-k/, O*) [al] (d-uj-ba-k-a-b-tad 'он-меня-ударит').

Таким образом, глагольная словарная статья должна содержать следующую информацию:

I. Корень и его значение (если его возможно выделить).

II. Пометы: падежная рамка, маркер спряжения, показатель претерита⁴².

⁴² Затруднения вызывает вопрос о пометах при абстрактных глагольных корнях, не употребляющихся без превербов или модификаторов. Здесь воз-

III. Все производные глаголы в следующем порядке: а) производные с помощью мена падежной рамки; б) производные с помощью превербов; в) производные с помощью модификаторов; г) производные от производных. При каждом производном глаголе опять-таки приводятся те же пометы⁴³.

IV. В качестве примеров или же для некоторого облегчения восприятия можно привести некоторые, желательны диагностические, словоформы (можно даже в фонетической записи). К наиболее приемлемым диагностическим словоформам мы относим третье лицо агентива (презенс и претерит), ед. ч. императива; в объектном спряжении — то же самое в сочетании с третьим лицом объектива/дativa.

V. При наличии такового следует приводить инфинитив.

VI. В качестве примечаний обязательно следует указывать нерегулярности в тех или иных словоформах (супплетивизм, мена показателей, нерегулярный претерит, etc.).

Информации, приводимой в подобной статье, как мы полагаем, будет достаточно для образования любых словоформ данной парадигмы.

можны два выхода: либо не ставить пометы вообще, а ставить их только при производных глаголах, либо брать статистически наиболее частые пометы в производных глаголах и условно помечать ими соответствующие ядра.

⁴³ Следует заметить, что при нашем подходе к производным глаголам могут возникнуть определенные неудобства при перечислении производных глаголов от статистически часто употребляемых ядер. Так, от глагола *bed* 'делать' существует огромное количество производных глаголов (едва ли не половина всех глаголов современного кетского языка образуются при помощи этого ядра). Несомненно, удобнее всего было бы приводить соответствующие производные глаголы при их модификаторах, но это, во-первых, противоречило бы утверждению о зависимости модификатора от ядра, во-вторых, существует довольно большое количество модификаторов ядра *bed*, не являющихся глагольными корнями. Поэтому оптимальный выход из положения заключался бы в сокращении объема статьи следующим путем: вместо того, чтобы помещать большое количество Der'ов и падежных рамок, просто писать следующее: Der(*bed*, {DON}) 'делать нож', {ASLIŋ} 'делать лыжи', {QUS} 'делать чум', {NAN} 'делать хлеб', {KIT} 'покупать', {QAAQ} 'заходить в жилище', etc.): (A) [il], т. е. просто заключать все глаголы с совпадающими рамками, маркерами и претеритными показателями в одни скобки. Модификаторы также желательны для удобства приводить в алфавитном порядке.

Проблема инфинитива в кетском языке.

Прежде всего необходимо объяснить, почему вопрос об инфинитиве обсуждается не в нормальных рамках статьи, а вынесен в специальный экскурс и тем самым как бы обособлен от всех прочих вопросов, связанных с кетским глаголом.

Дело в том, что кетский инфинитив, в основном по своим синтаксическим функциям, резко отличается от инфинитива как такового (в стандартном понимании этого слова). Помимо того, что он практически не имеет регулярного способа образования, его функции в предложении заставляют нас отделять его от глагола, либо объединяя его с существительным, либо же выделяя в особую часть речи. Постараемся объяснить те причины, которые побуждают нас поступать таким образом.

Инфинитивом в кетском языке традиционно называют отглагольное образование, выделяемое в диагностических конструкциях с глаголом *nada* 'надо', с послелогом *esaŋ* 'чтобы', а также в качестве модификатора при глаголах на *-qibit/-qimna* с каузативным значением.

В морфологическом отношении инфинитив обычно представляет собой чистый корень (*doq* 'жить', *tos* 'воспитывать'). В двусловных (модификаторных) глаголах инфинитив представлен либо модификатором (*lobed* 'работать'), либо, чаще, сочетанием модификатора с ядром (*bal-bed* 'молиться'), причем распределение совершенно неясно. Превербь, как правило, сохраняются в структуре инфинитива (за исключением дативных детерминативов, ср. *sāl-iŋ* 'ночевать' — *ba-k-i-ssāl* 'я-переночую').

Однако это далеко не единственный способ образования инфинитива. Так, очень часто он образуется при помощи суффиксации показателей множественности *-ŋ*, *-n*; иногда добавляются различные компоненты совершенно непонятого происхождения (ср. *qo-deŋ* 'умирать', корень *qo*). Никакого формального распределения обнаружить до сих пор не удалось⁴⁴.

⁴⁴ Любопытно, что от некоторых глаголов информанты вообще не способны образовать инфинитив. Возможно, это явление относится к тому же типу, когда информант не в состоянии образовать ту или иную форму просто

Иногда в составе инфинитива оказываются личные показатели (ср. *tibi* 'спрашивать', корень *-i*), хотя таких случаев очень мало. А. П. Дульзоном зафиксировано довольно большое количество инфинитивов с префигированными показателями претерита (т. е. завершенности — незавершенности действия), напр. *in-bək-n* 'найти', наряду с нормальным вариантом *bək*.

Подобные случаи, несомненно, доказывают изначально глагольный характер инфинитива. Однако каковы же его синтаксические функции?

а) Как было замечено выше, инфинитив употребляется при глаголе *paða* 'надо'. Помимо этого, он также встречается в качестве модификатора при глаголах начинания (*ba-k-a-qaŋ*, напр. *d-lobed-ba-ka-qaŋ* 'я-начну-работать'), движения ('иду делать что-л.') и некоторых других.

б) Инфинитив сочетается с послелогом *esaŋ* 'чтобы'.

в) Инфинитив может употребляться в качестве стандартного имени действия, выступая в функции субъекта или объекта (*lobed k-a-b-atij* 'работа-кончается').

г) Как отмечает Э. И. Белимов, достаточно часто инфинитив употребляется в качестве атрибута к существительному, напр. *qot dīl* 'плачущий ребенок' (букв. 'плакать-ребенок').

Это последнее замечание существенно влияет на наше отношение к инфинитиву. Подобная комбинация синтаксических функций (наряду с обычными функциями инфинитива, способность его выступать как в роли субъекта, так и в атрибутивной функции) ясно показывает, что инфинитив, как в морфологическом, так и в синтаксическом отношении представляет собой особую часть речи. С одной стороны, он обладает морфологическими особенностями, отличающими его как от глагола, так и от существительного, с другой — особенностями, сближающими его как с глаголом (возможность инкорпорации специфически глагольных показателей типа *-l-*, *-n-*, *-b-*), так и с именем (возможность присоединять притяжательные префиксы;

из-за ее неупотребительности или малой частотности в живом языке; однако возможно, что инфинитивы от некоторых глаголов действительно образуются, что еще раз подчеркивает именно характер инфинитива, т. е. произвольное образование отглагольных имен, зависящее прежде всего от употребительности.

подобные случаи зафиксированы, в частности, Г. К. Вернером в сымском диалекте, ср. *ptar* (*btad*) 'меня-бить', *ktar* (*k-tad*) 'тебя-бить'). Синтаксические его функции также сближают его то с именем, то с глаголом.

Поэтому инфинитив представляется нам как нечто среднее между именем и глаголом⁴⁵, обладающее типичными свойствами как той, так и другой части речи, что заставляет нас отделять инфинитивные формы от всех остальных, помещая их в отдельную часть речи.

Полное описание всевозможных типов инфинитива и точную характеристику всех его функций в этой работе мы дать не в состоянии, поскольку вопрос этот изучен еще не полностью; однако, как следует из всего вышесказанного, разбираться он должен отдельно и формально не имеет отношения к структуре глагольной словоформы.

Литература

Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1974.

Белимов 1975 — *Белимов Э. И.* Инфинитив в функции определяющего имени в кетском языке. — В кн.: *Языки и топонимия Сибири*, 1975.

Белимов 1986 — *Белимов Э. И.* Принципы функционально-ролевого анализа предложений в енисейских языках. — В кн.: *Исследования по грамматике и лексике енисейских языков*. Новосибирск, 1986.

Буторин 1995 — *Буторин С. С.* Описание морфологической структуры финитной глагольной словоформы кетского языка с использованием методики порядкового членения. Автореф. дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Новосибирск, 1995.

Валл, Канакин 1988 — *Валл М. Н., Канакин И. А.* Категории глагола в кетском языке. Новосибирск, 1988.

Ван Валин, Фоли 1982 — *Ван Валин Р., Фоли У.* Референциаль-

⁴⁵ В некотором смысле любой инфинитив есть нечто среднее между именем и глаголом, находясь в "непосредственной близости" к *nomen actionis*; однако в стандартном понимании (e.g., в классических индоевропейских языках) инфинитив, как правило, все же не обладает никакими непосредственными морфологическими характеристиками имени, не говоря уже о стандартности его синтаксических функций. Кетский инфинитив по сравнению с "индоевропейским" инфинитивом представляет собой совершенно особенное явление.

но-ролевая грамматика. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, в. XI. М., 1982.

Вернер 1974 — *Вернер Г. К.* Реликтовые признаки активного строя в кетском языке. — Вопросы языкознания, в. 1, 1974.

Вернер 1977 — *Вернер Г. К.* Акцентированные сравнительные словарные материалы по современным енисейским диалектам. — В кн.: Языки и топонимия, 1977.

Вернер 1980 — *Вернер Г. К.* Акцентуация глагольных парадигм сымских кетов (югов). — В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1980.

Вернер 1990 — *Вернер Г. К.* Коттский язык. Ростов-на-Дону, 1990.

Вернер 1993 — *Вернер Г. К.* Кетско-русский/русско-кетский словарь. С.-Петербург, 1993.

Вернер 1994 — *H. Werner.* Das Klassensystem in den Jenissej-Sprachen. Wiesbaden, 1994.

Виноградова 1976 — *Виноградова Л. Е.* Имя действия в кетском языке. — В кн.: Языки и топонимия Сибири, 1976.

Гайер 1980 — *Гайер Р. С.* О значении видо-временных показателей л, н в глаголе кетского языка. — В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1980.

Гайер 1984 — *Гайер Р. С.* О построении глагольной словарной статьи в сравнительном словаре енисейских языков. — В кн.: Структура палеоазиатских и самодийских языков. Томск, 1984.

ГКЯ — *Крейнович Е. А.* Глагол кетского языка. М., 1968.

Дульзон 1968 — *Дульзон А. П.* Кетский язык. Томск, 1968.

Крейнович 1964а — *Крейнович Е. А.* О модели глаголов кетского языка с основой в начале слова. — В кн.: Проблемы сравнительной филологии. М., 1964.

Крейнович 1964б — *Крейнович Е. А.* О модели глаголов кетского языка с основой в конце слова. — В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М., 1964.

Крейнович 1965 — *Крейнович Е. А.* О прерывных глагольных основах в кетском языке. — Вопросы языкознания, в. 3, 1965.

Крейнович 1968а — *Крейнович Е. А.* Способы действия в глаголе кетского языка. — В кн.: Кетский сб. Лингвистика. М., 1968.

Крейнович 1968б — *Крейнович Е. А.* О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка. — В кн.: Кетский сб. Лингвистика. М., 1968.

Крейнович 1968в — *Крейнович Е. А.* Кетский язык. — В кн.: Языки

народов СССР, т. 5. Л., 1968.

Крейнович 1969 — *Крейнович Е. А.* Медвежий праздник у кетов. — В кн.: Кетский сб. Мифология, этнография, тексты. М., 1969.

Поленова 1985 — *Поленова Г. Т.* К проблеме залога в кетском языке. — В кн.: Структура самодийских и енисейских языков. Томск, 1985.

Поленова 1987 — *Поленова Г. Т.* Вопросы генезиса некоторых формантов кетского глагола. — Вопросы языкознания, в. 4, 1987.

Успенский 1968 — *Успенский Б. А.* О системе кетского глагола. — В кн.: Кетский сб. Лингвистика. М., 1968.

Филлмор 1981 — *Филлмор Ч.* Дело о падеже. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, в. X. М., 1981.

Холодович 1970 — *Холодович А. А.* Залог. Определение. Исчисление. — В кн.: Категория залога. Материалы конференции. Л., 1970.

Шабает 1981 — *Шабает В. Г.* Некоторые закономерности использования субъектно-объектных аффиксов в кетском языке. — В кн.: Языки и топонимия, 1981.

Шабает 1987 — *Шабает В. Г.* О двойной маркировке субъекта в составе финитных форм кетского глагола. — В кн.: Строй самодийских и енисейских языков. Томск, 1987.